

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2013

УДК 800
ISSN 1992-6375

1.2013

Издается с 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mgoru.ru
Подписной индекс
36733
в основном каталоге
Роспечати

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
им. М.А. Шолохова

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Редакционная коллегия

Н.Д. Котовчихина – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
Т.А. Ерофеева – *отв. секретарь*,
Е.И. Диброва, Л.И. Шевцова,
Н.А. Литвиненко, Р.Б. Сабаткоев,
А.С. Калякин

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mgoru.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Альмухаметов Р.В.*
Особенности изучения русского языка как государственного
в Республике Башкортостан 5
- Арсанукаев А.М.*
Проблемы формирования чеченско-русского двуязычия
в свете научно-педагогического наследия П.К. Услара 10
- Котовчихина Н.Д.*
Русский язык – культурное достояние народов России
и мировой культуры 15
- Сабаткоев Р.Б.*
Современное состояние методики преподавания русского языка
как педагогической науки. 20

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Каменская Е.В.*
Колоративная и одорическая лексика в романе М.А. Шолохова
«Тихий Дон» 27
- Королёва Е.П.*
Двоеверие и проблема авторства древнеанглийской поэмы
«Беовульф» 37
- Кузьмина Е.О.*
Поэтика жанровых разновидностей и структурных особенностей
афористики С. Кржижановского 46
- Моисеев Е.А.*
Поэтика комедии: Мольер и Грибоедов 56
- Сарбаиш Л.Н.*
Рецепция «инонационального» в творчестве М.И. Невзорова:
мусульманский мир в «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург
в 1800 г.» 63
- Сорокина Г.А.*
Эмигрантский поэт А. Гингер – «прихожанин буддистского храма» . . 67

ЛИНГВИСТИКА

- Веремьева К.М.*
Представление о лингвистическом пространстве 75

<i>Калёнова Н.А.</i>	
О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистике	80
<i>Пинковский В.П.</i>	
Sensiblerie и литература XVIII столетия	87
<i>Свинцова Ж.В., Субботина М.В.</i>	
Структура инаугурационной речи в регионе (на примере речей Президентов Чувашской Республики)	91
<i>Шемчук Ю.М.</i>	
Лингвотолерантность в эпоху глобализации	95
МЕТОДИКА	
<i>Артемов М.Ю.</i>	
Модернизация образования: проектная деятельность на уроках русского языка	99
<i>Дудкина В.С.</i>	
Методы изучения модальных средств выражения значения потенциальности на уроках русского языка в 8 классе.	106
НАШИ АВТОРЫ	112
CONTENTS	114
ПАМЯТКА АВТОРУ	120

Р.В. Альмухаметов

Особенности изучения русского языка как государственного в Республике Башкортостан

Статья посвящена истории и современному состоянию обучения русскому языку в Республике Башкортостан. По мнению автора, в обучении русскому языку нерусских учащихся актуальными являются проблемы учета таких положений, как единство формы и содержания языка, неразрывная связь и взаимодействие языка и речи при наличии специфических черт у каждого из них. В этой связи большое значение приобретает усиление внимания к структурно-семантическим признакам языковых явлений, установление взаимосвязи как между явлениями языка на разных его уровнях (грамматики, лексики, фонетики), так и между разделами грамматики (морфологией и синтаксисом).

Ключевые слова: языковые взаимоотношения, уважительная языковая политика, обновление содержания курса русского языка, языковое взаимодействие.

В условиях России и Башкортостана за последние более чем 15 лет несколько изменилась политика в области русско-национальных языковых взаимоотношений. Она стала более демократичной, уважительной, о чем свидетельствует ряд принятых Государственной Думой РФ и Государственным Собранием республики Башкортостан соответствующих законов и подзаконных актов. Принятие Закона РСФСР «О языках народов РСФСР» (25.10.1991) в данном историческом этапе развития многонационального суверенного Российского государства стало единственно правильным шагом, направленным на консолидацию крупных и малых народов, населяющих эту великую страну. Очень важно было то, что впервые в многовековой истории России русский язык был провозглашен государственным языком Российской Федерации (ч. 2, ст. 2).

Многовековая дружба между русским и башкирским народами корнями уходит вглубь истории, к середине XVI в., эпохе Ивана Грозного, к периоду добровольного присоединения башкирского народа к Русскому государству. Некоторые историки считают, что первые соприкосновения башкир и русских относятся к XV в. и даже к более раннему периоду. В 1554–1557 гг. Башкирия добровольно вошла в состав Русского государства [3], и с тех пор контакты этих двух народов еще более расширились и окрепли [1, с. 13].

Известный башкирский историк профессор Б.Х. Юлдашбаев пишет: «Происшедшее во второй половине XVI века присоединение Башкирии к Русскому государству явилось существенным актом в политической истории формирования и развития башкирской народности. Оно заметно подняло ее самосознание» [5, с. 162]. Далее тот же автор замечает, что «прогрессивное значение для нерусских народов имело не вообще пребывание их в составе Российской империи, а общение с русским народом» [Там же, с. 168].

Вхождение Башкирии в состав России привело к большим социально-экономическим изменениям края. Сюда стали переселяться гонимые нуждой и притеснениями русские крестьяне и ремесленники, татары, чуваша, марийцы и др. Русские переселенцы и представители других национальностей, обосновавшиеся на территории Башкирии, оказали благотворное влияние на экономику и культуру башкир. Возникали и росли города, расширялись ремесла, более обширными становились экономические связи. Стали появляться зачатки промышленности.

В Башкирии, ставшей к середине XIX – началу XX вв. многонациональным краем, русский язык постепенно превращается в средство межнационального общения людей. Однако нельзя умолчать и о том, что царское правительство по отношению к национальной культуре башкир, татар и других народов вело русификаторскую политику, ущемляя их желание получить образование на своем родном языке, лишая их возможности создания своей письменности, открытия школ, высших учебных заведений.

Вопреки шовинистически-колонизаторским силам происходило сближение башкирского и русского народов, проникала в среду башкир прогрессивная русская культура, вместе с тем усиливалась тяга башкир к русскому языку. Передовые представители башкирского народа, осознавая место и роль русской культуры и русского языка в повышении образовательно-культурного уровня своей нации, всячески пытались способствовать обучению детей-башкир русскому языку.

Так, один из первых башкирских просветителей, преподаватель восточных языков в Оренбургском кадетском корпусе Мирсалих Бикчурин

составил первый русский «Азбуковник» для башкир, перевел на башкирский язык произведения русских писателей и поэтов. В приобщении башкир к русской культуре значительную роль сыграл Мухаметсалим Уметбаев. Он стремился познакомить башкир с историей России, ее культурой, писал статьи о достопримечательностях и культурных ценностях Москвы и Петербурга, перевел на башкирский язык поэму А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

Активным борцом за просвещение башкир был классик башкирской литературы Мифтахетдин Акумлла, который славил дружбу между народами, призывал башкир овладевать русским языком, русской культурой, бороться против невежества и темноты.

Распространению русского языка и русской культуры среди башкир способствовала деятельность Мухаметхана Кулаева, который еще до революции, в годы учебы в гимназии, составил башкирский алфавит на основе русской графики и издал книгу для башкирских детей в казанской типографии. В последующие годы Мухаметхан Кулаев выпустил ряд книг: «Первоначальный учебник русского языка для башкир» (Оренбург, 1893); «Практические первоначальные уроки русского языка для башкир» (Оренбург, 1899). В 1919 г. на основе русской графики он составил «Азбуку» («Элепей»). Среди башкир в то время мало было людей, владеющих разговорной русской речью, а умеющих читать и писать на русском языке и того меньше. Так, согласно демографической переписи 1897 г., в Уфимской и Оренбургской губерниях среди башкирского населения людей, владеющих русской грамотой, было лишь 0,58% [4, т. 28, с. 74–75, т. 45, с. 60–61].

После революции 1917 г. начался основной этап появления, формирования и развития национальных башкирских школ. Открывались народные школы для нерусских детей, в учебных планах этих школ значительное место отводилось русскому языку. С конца 1920-х до начала 1940-х гг. шла интенсивная работа по подготовке учительских кадров, созданию учебников, учебно-методических пособий для башкирских школ. Однако это было только началом формирования нерусских школ в Башкирии. Лишь после Великой Отечественной войны проблема школьного образования стала решаться на научной основе. На развитие башкирских и других национальных школ решающее влияние оказал Башкирский филиал Института национальных школ АПН РСФСР, открытый в г. Уфе в 1958 г. С появлением в республике такого научно-методического центра началась целенаправленная подготовка специалистов по методике преподавания русского и башкирского языков, общепедагогическим проблемам национального образования. Уже к началу 1970-х гг. на широкой экспе-

риментальной основе были разработаны принципиально новые программы и учебники по русскому языку для башкирских школ, а к середине 1980-х гг. впервые среди национальных республик России были созданы учебно-методические комплексы, куда вошли, кроме программ и учебников, дидактические материалы, сборники текстов диктантов и изложений, лингафонные пособия, методические разработки по развитию речи, изучению русской орфографии и т.д.

Работа по обновлению содержания курса русского языка и разработке методики его преподавания ведется в настоящее время с учетом новых подходов к обновляющейся системе образования в целом и национального образования – в частности.

Престиж русского языка среди нерусского населения традиционно велик, его изучение – жизненно важная потребность. Школы республики добились значительных успехов в обучении русскому языку. Абсолютное большинство башкир является двуязычным: 73,9% из них свободно владеют вторым (русским языком). Необходимость овладения учащимися-башкирами русским языком обусловлена закономерным развитием нашего общества, потребностями обеспечения сотрудничества, взаимопонимания и сближения народов. Хорошее знание русского языка, свободное, как своим родным, владение им, безусловно, предопределяет возможности получения молодыми людьми любимой профессии и успешную трудовую деятельность в будущем.

Следует отметить, что вопросы обучения нерусских детей русскому языку не являются лишь чисто педагогической проблемой, они составляют, с одной стороны, один из основных компонентов национальной политики государства, с другой – отражают стремление представителей нерусской национальности удовлетворить через русский язык личные амбиции стать всесторонне развитой личностью, способной достойно представлять свой народ, свою малую родину на любом уровне деятельности, службы или общения.

Особенно это заметно теперь, в условиях демократического общества, когда во всех национальных субъектах страны идет процесс восстановления статуса и престижа родного языка, возрождения национально-культурных традиций и обычаев, возрастания у населения тяги к знанию иностранных языков.

В Башкирии не редкость, когда дети русской и другой национальности с желанием и успешно изучают в русскоязычных школах башкирский язык, историю и культуру Башкортостана, тем самым улучшаются межнациональные отношения, терпимость к обычаям и национальным традициям разных народов.

В башкирской школе русский язык как предмет изучается с 1-го класса. Если общей целью курса русского языка в начальных (1–4-х) классах башкирской школы является выработка у учащихся первоначальных умений и навыков владения русским языком как средством общения в устной и письменной форме, то в последующих классах цели обучения русскому языку несколько расширяются. Формирование языковой, коммуникативной и культурологической компетенции учащихся занимает центральное место [2].

В обучении русскому языку нерусских учащихся актуальными являются еще проблемы учета таких положений, как единство формы и содержания языка, неразрывная связь и взаимодействие языка и речи при наличии специфических черт у каждого из них. В этой связи большое значение приобретает усиление внимания к структурно-семантическим признакам языковых явлений, установление взаимосвязи как между явлениями языка на разных его уровнях (грамматики, лексики, фонетики), так и между разделами грамматики (морфологией и синтаксисом).

Изложенные нами основные концептуальные положения обучения русскому языку реализованы в действующих программах, учебниках и учебно-методических пособиях. В них нашли достаточное место, кроме таких традиционных тем и разделов курса русского языка, как фонетика, морфология, синтаксис, состав слова и словообразование, и такие темы: «Лексика и фразеология», «Язык и речь», «Текст», «Стилистика и культура речи», «Речевое общение». Таким образом, выпускники башкирской национальной школы получают теоретические знания по курсу русского языка на уровне учащихся русских школ. Согласно требованиям к уровню подготовки выпускников по русскому языку как неродному, разработанным Министерством образования России (2002 г.), кроме теоретических знаний, учащиеся должны уметь создавать монологические высказывания разных типов, стилей речи и жанров, адекватные ситуации, сфере общения, вести дискуссии, деловые беседы, соблюдая правила речевого общения, переводить с родного языка на русский тексты разных жанров. Другими словами, ставится задача формирования билингвальной личности.

Следует отметить, что русский язык в системе национального образования наряду с родным языком решает очень важную проблему воспитания новых граждан страны, активных, целеустремленных, творчески мыслящих, с широким кругозором и уважительным отношением к языку и культуре разных народов. Здесь уместно вспомнить слова известного ученого, знатока истории русской и мировой культуры, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, который писал: «Язык человека – это

мировоззрение и его поведение... И если вы хотите быть по-настоящему интеллигентным, образованным и культурным человеком, то обращайтесь на свой язык » [3, с. 32].

В заключение отметим, что проблема изучения русского языка как государственного в полилингвальной среде требует дальнейшего исследования на лингвистическом и психолого-педагогическом уровнях.

Библиографический список

1. Закирьянов К.З. Активное двуязычие: сущность и функционирование. Уфа, 2011.
2. Концепция национального образования в Республике Башкортостан. Уфа, 2010.
3. Лихачев Д.С. Земля родная: Кн. для учащихся. М., 1983.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 28. Оренбургская губерния. Т. 45. Уфимская губерния. Тетрадь 2-я. СПб., 1904.
5. Юлдашев Б.Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972.

А.М. Арсанукаев

Проблемы формирования чеченско-русского двуязычия в свете научно-педагогического наследия П.К. Услара

По мнению автора, теоретически обоснованные и практически проверенные идеи выдающегося ученого XIX в. П.К. Услара о том, что первоначальное обучение детей в школе должно осуществляться на родном языке только после того, как ребенок научится свободно выражать свои мысли на родном языке, можно приступать к обучению на втором, имеет непреходящее значение.

Ключевые слова: двуязычие, просветительская деятельность П.К. Услара, система обучения русскому языку, родной язык, второй язык.

Двуязычие и многоязычие в современном мировом сообществе является нормой. Билингвальная и полилингвальная концепции обучения приобретают особое значение в системе образования в полиэтнической среде не только в лингвопедагогическом плане, но и в аспекте диалога культур, воспитания толерантности, этнической консолидации. Двуязычие служит основой, базой для формирования и развития многоязычия, т.к. родной язык и второй язык оказывает влияние на усвоение третьего и последующих языков.

В двуязычии, первым компонентом которого выступает родной язык, вторым компонентом – русский язык, учитывается роль родного языка в духовной жизни народа и значение русского языка в консолидации многонационального общества, взаимообогащении языков и культур народов России. Национально-русское двуязычие в нашей стране – осознанная необходимость. Проблема заключается в том, чтобы обучение второму языку базировалось на знании родного. Родной язык является тем единственным языком, при помощи которого человек в начале своей жизни постигает окружающий мир, воспринимает морально-этические нормы, бытовые и культурные традиции народа. С родного слова начинается понятие Родины.

Изменение демографической ситуации в Чеченской Республике, связанное с известными событиями, повлекло за собой изменение языковой ситуации. В республике, особенно в сельских районах, отсутствует разветвленная русскоязычная среда. Дети, поступающие в 1 класс, в абсолютном большинстве слабо владеют или не владеют русским языком. Обучение во всех общеобразовательных учреждениях республики с 1 класса ведется на русском языке. Родной язык присутствует в качестве предмета изучения с 1 по 11 класс. Ребенок 6–7 лет приходит в школу, владея только родным языком. У него сформировался определенный речемыслительный механизм, дающий возможность свободно познавать мир, природу, человеческие отношения. Резкая смена языка, переход на другой язык обучения при неокрепшей психике и неосознанности строя родного языка может привести к нарушению познавательной активности, задержке логического мышления. Закономерным является продолжение воспитания и обучения ребенка на первоначальном этапе посредством того языка, которым он владеет и при помощи которого осваивает мир. Профессор Р.Б. Сабаткоев пишет: «Путь к двуязычию и многоязычию начинается с родного языка. Обучение и воспитание ребенка в первые дни его пребывания в школе необходимо проводить на родном языке, на котором он мыслит. Если сразу же начинать с незнакомого языка, то произойдет задержка его умственного развития. На всех этапах обуче-

ния родному языку следует отводить подобающее место с последующим “наложением” на него второй и третьей языковых систем, что позволит правильно организовать работу по формированию и развитию билингвизма и полилингвизма» [1, с. 32].

В трудах профессора М.В. Черкезовой, посвященных преподаванию русской литературы в этнокультурной среде, сквозной является мысль о том, что изучение русской литературы должно осуществляться в сопряжении с родной литературой и родной культурой обучающихся [6; 7].

К современной проблеме формирования и развития национально-русского двуязычия непосредственное отношение имеет научно-педагогическое наследие крупнейшего кавказоведа, ученого-лингвиста и педагога-просветителя XIX в. Петра Карловича Услара. Его идеи, дидактические принципы обучения двум языкам и на двух языках, разработанные более 150 лет назад, удивительно близки современным проблемам билингвального образования в России.

П.К. Услар является основоположником научного изучения языков горских кавказских народов, он автор ряда научных грамматик горских языков, в том числе и первой научной грамматики чеченского языка. В начале 1862 г. П.К. Услар, приступая к работе по разработке научной грамматики чеченского языка, пригласил к себе в качестве информаторов образованных чеченцев Кеди Досова и Янгулбая Хасанова, которые были в Тифлис в начале марта. Впоследствии работа над монографией по чеченскому языку была перенесена в крепость Грозную, и капитальный труд «Чеченский язык» объемом в 30 печатных листов П.К. Усларом и его помощниками был завершен в конце 1862 г., в том же году литографирован. Переиздана научная грамматика чеченского языка в Тифлисе в 1888 г. [4]. Исследователи отмечают: «Характерно, что П.К. Услар давал своим осведомителям лингвистические знания, прививал вкус к языковедческой работе, сообщал солидные грамматические сведения, в результате чего из них воспитывались ценные работники. В частности, один из осведомителей Услара – Кеди Досов из Дышни Ведено – написал букварь чеченского языка, который был опубликован в Тифлисе» [5, с. 28–29].

В своей просветительской деятельности П.К. Услар исходил из прогрессивных идей своего времени. Разрабатывая систему обучения в горских школах, он опирался на этнические особенности кавказских народов, подчеркивал, что на родном и русском языках «должно покоиться обучение инородцев вообще и кавказских горцев в особенности» [3, с. 14–15]. Единственно верным подходом в обучении и образовании «инородческих детей» ученый считал первоначальное обучение на

родном языке, «ибо только начальным обучением на природном языке можно пробудить мыслящие силы детей, развить их понятия, облегчить им сознательное приобретение знаний, дать им правильное умственное и религиозно-нравственное образование» [3, с. 14–15].

Он постоянно подчеркивал значение родного языка в обучении второму, в данном случае русскому языку: «Засаживать инородческих детей прямо по поступлении их в школу за русский словарь, когда они не знают ни слова по-русски..., не прибегать во всем преподавании к помощи их родных наречий – это значит не сообразовываться не только с какими-нибудь правилами педагогики, но и вообще со здравым человеческим смыслом» [Там же, с. 14].

Ученый, опираясь на педагогическую теорию и практику, убежденно настаивал: «Выучите сначала ученика-горца грамотности на его родном языке и от нее перейдите к грамоте русской. Сложность времени, употребляемого на изучение туземной и русской грамоты, окажется менее того времени, которое должно употребить на изучение прямо грамоты русской. Опыт уже доказал это вполне и может быть повторен сколько угодно» [Там же, с. 25].

Научно-педагогические взгляды П.К. Услара легли в основу обучения в организованной им чеченской школе. В 1862 г. П.К. Усларом совместно с Кеди Досовым и Янгулбаем Хасановым в крепости Грозной была открыта временная экспериментальная школа с обучением на чеченском языке. В ней обучались чеченской грамоте 25 человек. Преподавание вели К. Досов и Я. Хасанов. Услар считал, что учитель горской школы должен хорошо владеть русским языком и родным языком горцев. Особое внимание уделялось переводу текстов с русского языка.

Обучение чтению и письму на чеченском языке осуществлялось по букварю К. Досова «Нохчийн жуз», составленном под научным руководством П.К. Услара. Это был первый чеченский букварь, составленный на основе кириллицы. В содержание букваря наряду с другим материалом были включены произведения устного народного творчества: чеченские пословицы и поговорки, нравоучительные рассказы, а также начальные сведения о мусульманской религии. В начале букваря приводится весь алфавит, внизу каждой буквы имеется ее упрощенное название. Далее даются односложные слова, затем – двусложные, трехсложные и т.д., после которых следуют целые фразы, законченные предложения и связанные тексты. Заканчивается букварь таблицей умножения («Сан хаар»), где множимое и множитель приведены словами. Солтаханов Э.Х., исследовавший историю обучения чеченской грамоте, отмечал: «Букварь К. Досова составлен по усовершенствованному слоговому методу, где

обучение начинается с изучения букв всего алфавита, причем дети запоминали упрощенные названия букв... Запомнив буквы, ученики переходили последовательно к чтению односложных, двухсложных слов... Такая подача материала в букваре К. Досова позволяет предполагать, что при обучении чтению обращалось внимание на звуковой состав слов. Материал для чтения в нем дан, исходя из дидактического принципа от более легкого (слова, состоящие из закрытого, а затем открытого слога) к более сложному (слова, состоящие из двух или трех слогов: слог из одного гласного и согласного с гласным, слог из двух согласных и одного гласного и т.д.)» [2, с. 42].

В ходе обучения апробировалась новая чеченская письменность. Занятия проходили успешно, большие успехи в изучении новой грамоты муталимы сравнивали с медленным изучением арабской грамоты в медресе. В письме к А. Берже 25 июня 1862 г. П.К. Услар писал о высокой эффективности обучения родной грамоте: «Чеченская письменность сотворила такие чудеса, которых я и не ожидал. 1-го июня только Кадий и Мулла (Кеди Досов и Янгулбай Хасанов. – А.А.) вернулись в Грозную; вчера, 24 июня, мне представлено было 25 человек чеченцев, из числа которых 14 читают уже по-чеченски также хорошо и свободно, как мы с Вами по-русски. Заметьте, при этом, что ни один из них не умеет читать по-русски, следовательно, вновь составленная азбука была для них совершенно неизвестна. Испытание было произведено в присутствии Муссы Кундухова» [5, с. 8]. Занятия в школе продолжались около семи недель. За время обучения в школе все научились свободно читать и писать на родном языке, а также «выучились читать-писать и по-русски» [3, с. 28].

Создание П.К. Усларом первой научной грамматики чеченского языка и первого чеченского букваря на основе кириллицы, автором-составителем которого является Кеди Досов, и успешное использование его для обучения родной грамоте явилось значительным событием в общественно-педагогической жизни Чечни XIX в.

Теоретически обоснованная и практически проверенная идея выдающегося ученого XIX в. о том, что первоначальное обучение детей в горских школах должно осуществляться на родном языке и только после того, как ребенок научится свободно выражать свои мысли на родном, можно приступать к обучению на втором языке, имеет непреходящее значение.

П.К. Услар был уверен, что правильно организованная система просвещения «действительно создаст новое поколение людей на Кавказе, которые сделают здесь то, чего не в состоянии сделать ни штыки, ни деньги,

ни почести» [3, с. 28]. Эти высказывания Услара особенно актуальны в наше время. Взгляды П.К. Услара и сегодня имеют большое научно-практическое значение. Они позволяют решать многие вопросы обучения, образования на современном уровне.

Библиографический список

1. Сабаткоев Р.Б. Обучение родному, русскому и иностранному языкам как средство формирования и развития билингвальной и полилингвальной языковой личности // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества: Материалы международной конференции. Владикавказ, 2006.
2. Солтаханов Э.Х. История обучения чеченской грамоте // Вестник Института проблем образования. Вып. 1. Грозный, 2003.
3. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Ч. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
4. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Ч. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888.
5. Чентиева М.Д. История чечено-ингушской письменности. Грозный, 1958.
6. Черкезова М.В. Литература и культура: Пособие для учителя национальной школы. М., 1999.
7. Черкезова М.В. Литературное образование в национальной школе: традиции и реальность // Литература в школе. 2004. № 2. С. 23.

Н.Д. Котовчихина

Русский язык – культурное достояние народов России и мировой культуры

Основное внимание в статье сосредоточено на проблемах существования русского языка как общекультурного достояния, его духовной значимости, кровной связи с проблемами национального бытия. Также затронут вопрос языковой экологии и объединяющей функции русского языка.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, коммуникативное пространство, общекультурное достояние, отзывчивость к чужому слову, общечеловеческое достояние.

4–6 июня 2012 г. в МГТУ им. М.А. Шолохова проводился Фестиваль русского языка, приуроченный к дню рождения А.С. Пушкина. В фестивале принимали участие ученики и учителя школ многих регионов РФ, студенты ссузов и вузов, аспиранты, известные методисты. Русский язык – это язык великой культуры. Отрадно, что исторические и современные достижения в области изучения русского языка и русской культуры пробуждают интерес граждан РФ к изучению русского языка. Количество участников Фестиваля тому подтверждение. В рамках Фестиваля прошла IV Конференция, посвященная русскому языку с целью расширения русскоязычного коммуникативного пространства, консолидации людей разных национальностей, выстраивания системы беспрепятственного профессионального общения научно-педагогического сообщества, молодежи. Участники работы конференции обменялись мнениями с учителями-практиками, которые занимаются проблемами русского языка и культуры на территории РФ, нашими известными учеными и многолетними коллегами по работе. Выступали авторы учебников русского языка и литературы, которые даже в сложные исторические времена не прекращали дело пропаганды русского языка и культуры в регионах России и в национальных республиках. В дни чествования русского языка много говорилось о нем как об общекультурном достоянии, о его духовной значимости, кровной связи с народом, с проблемами национального бытия, о языковой экологии и об объединяющей функции русского языка.

О мощи, глубине, гибкости, меткости русского языка писали классики русской литературы. Значимость изучения русского языка отметил А.И. Куприн. Он писал: «Язык – это история народа. Язык – это путь цивилизации и культуры... Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием, а насущной необходимостью». Назовем важные факторы, формирующие русский язык и являющиеся его основой. Замечательный русский ученый-энциклопедист, реформатор и блестящий знаток русского языка М.В. Ломоносов подчеркивал его роль и мировое значение: «Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по преимуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает». Замечательные русские писатели и историки, наблюдая за тем, как формируется и развивается русский язык, отмечали, что «языки составляются не учеными людьми, но людьми и не одними рассудительными, но всякими» (А.И. Сумароков). «Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение». «Новые, мыслью одушевленные слова

входят в язык самостоятельно, украшают, обогащают его без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем, а принимаем их. Самые правила языка не изобретаются, а в нем уже существуют: надо только открыть или показать оные» (Н.М. Карамзин).

Основоположник русского литературного языка А.С. Пушкин призвал: «Вслушайтесь в простонародное наречие, молодые писатели, – вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах... Изучение старинных песен, сказок и т.д. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно им пренебрегают...».

Признанный знаток русского языка Н.В. Гоголь отметил тонкость и меткость русского слова: «Выражается сильно русский народ! И если наградит кого словом, то пойдет оно ему и в род, и в потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света». Писатель утверждал, что сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков, от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпывая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой – выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям.

Еще одну особенность языка высоко ценил Н.В. Гоголь – тактичность языка писателя. Образцом такого такта ума и слова Гоголь считал Крылова: «Только в Крылове отразился верный такт русского ума, который, умея выразить истинное существо всякого дела, может выразить его так, что никого не оскорбит выражением и не восстановит ни против себя, ни против мысли своей даже несходных с ним людей, – одним словом, тот верный такт, который мы потеряли среди нашего светского образования и который сохранился доселе у нашего крестьянина».

Советский писатель К.Г. Паустовский (1892–1968) в статье «Алмазный мой язык» писал примерно о том же, утверждая, что русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей Земли. Рассказывая о совместном походе на охоту с простым лесником, К.Г. Паустовский поведал о том, как лесник открыл ему всю глубину слова «родник»: «Я это слово давно приметил. Все его обхаживаю. Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льется через всю нашу матушку-землю, через родину, кормит народ. Вы глядите, как все складно выходит, – родник, родина, народ. И все эти слова как бы родня друг

другу». «Простые эти слова, – пишет К.Г. Паустовский, – открыли мне глубочайшие корни нашего языка». А. Белый тоже считал, что слово есть выражение сокровеннейших тайн природы, оно выходит из ее недр. Он же утверждал, что жизнь человечества предполагает общение индивидуумов: «Всякое общение есть живой творческий процесс, где души обмениваются сокровенными образами, живописующими и созидаящими тайны жизни. Цель общения есть стремление к будущему. Живая образная речь зажигает наше воображение огнем новых творчеств. Новое словообразование есть всегда начало новых познаний».

Многие годы актуальным был вопрос о заимствованиях иностранных слов, не убивает ли этот процесс русский язык. Мнения и по сей день разные. А вот что думал об этом блестящий стилист и знаток русского языка И.С. Тургенев (1818–1883): «Возьмите пример хоть с нашего языка. Петр Великий наводнил его тысячами иностранных слов: голландских, французских, немецких; слова эти выражали понятия, с которыми нужно было познакомить русский народ, не мудрствуя и не церемонясь. Петр вливал эти слова целиком, ушатами, бочками в нашу утробу. Сперва – точно вышло нечто чудовищное, а потом – началось именно то переваривание, о котором я вам докладывал. Понятия привились и усвоились, язык в собственных недрах нашел чем их заменить».

В то же время И.С. Тургенев был категорически против засорения языка бранными словами, жаргонизмами. Обращаясь к молодым литераторам, он писал: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в числе которых блистает А.С. Пушкин».

Схожие мысли высказал тонкий знаток русского языка, один из последних творцов слова «золотого века» И.А. Бунин. Бунин утвердил и сохранил в своем творчестве ясную чистоту стиля, благородную сдержанность душевных движений, безгловое неприятие пошлости. Он считал, что «распад, разрушение слова, его сокровенного смысла, звука и веса губительны». Это ведет к разрушению духовных и культурных ценностей.

Одной из особенностей русского языка является его отзывчивость по отношению к чужому слову. Эту особенность отмечали А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.А. Блок. П.А. Вяземский (1792–1878) писал о необходимости уважать чужой язык и чужую культуру:

*Вы любите свою отчизну,
Другим не ставя в укоризну,
Что и у них отчизна есть.*

Этим качеством русского языка гордился советский поэт М.А. Дудин (1916–1993):

*Горжусь тобой! Прекрасен твой союз
Объединенья наций и наречий.
Ты на вершину поднял грозный груз,
Единственной надежды человечей
Костры твоей поэзии горят,
Земного братства приближая сроки,
Через тебя друг с другом говорят
Гармонии поэты и пророки.*

Отзывчивость русской классики и русских писателей по отношению к другим языкам и культурам была высоко оценена писателями и поэтами разных национальностей, которые не только восхищались достоинствами русской культуры и языка, но и воспринимали их как родственные. Это касается татарских, башкирских, чувашских, ингушских, чеченских, дагестанских, осетинских и многих других мастеров слова. Большой вклад в изучение и пропаганду русского языка, в саму науку о русском языке внесли осетинский ученый В.И. Абаев, ингуши Д. и З. Мальсаговы, чеченец Ю.Д. Дешериев.

Перу талантливого балкарского поэта М.И. Геттуева (1916–1985) принадлежат строки:

*Русское слово я пил неотрывно,
Как родниковую звонкую воду,
Он мне родной, как родной мне балкарский.*

Замечательный поэт Дагестана, выдающийся мастер слова Р. Гамзатов написал удивительное стихотворение «Родной язык». Оно глубоко отразило мнение нерусского человека по отношению к русской культуре.

Глубоко занимался проблемами изучения языков Ч. Айтматов. Он писал: «Детство – не только славная пора, детство – ядро будущей человеческой личности. Именно в детстве закладывается подлинное знание родной речи, именно тогда возникает ощущение причастности своей к окружающим людям, к окружающей природе, к определенной культуре... Должен сказать, по крайней мере исходя из собственного опыта, что в детстве человек может органически усвоить два параллельно пришедших к нему языка, а может быть и больше, если эти языки были равнодействующими с первых лет. Для меня русский не в меньшей степени родной, чем киргизский, родной с детства, родной на всю жизнь».

Проведение Фестиваля русского языка с широким привлечением участников открыло перспективы новых масштабных проектов и подтвердило, что русский язык – наша опора, наш друг, наш мудрый помощник, способствующий укреплению общероссийской идентичности и диалогу культур.

Р.Б. Сабаткоев

Современное состояние методики преподавания русского языка как педагогической науки

По мнению автора, методика преподавания русского языка в национальной школе по-прежнему тесно связана с методикой преподавания русского языка как родного. Обосновывается необходимость восстановления Института национальных школ в прежнем виде в составе РАО для пропаганды и распространения русского языка и русской культуры в национальных регионах страны.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, языки национальных республик, национальные школы, Институт национальных школ.

Методика русского языка как педагогическая наука насчитывает менее двухсот лет. Она имеет свою объектно-предметную область, свое содержание, систему фундаментальных понятий, методы исследования, которыми отличается от других наук. В настоящее время существуют три отрасли методики русского языка: методика русского языка как родного, методика русского языка в нерусской школе и методика русского языка как иностранного. Эти отрасли объединяет один и тот же предмет, поэтому они имеют много общего, но есть и специфичное.

В становлении и развитии методики русского языка как родного особую роль сыграли такие выдающиеся ученые, как Ф.И. Буслаев, К.Д. Ушинский, И.И. Срезневский, В.П. Шереметевский, Д.И. Тихомиров, Ф.Ф. Фортунатов, А.Д. Алферов и др. В фундаментальном труде Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», вышедшем в 1844 г., впервые были заложены основы теории преподавания русского языка. Главной задачей обучения учащихся отечественному языку автор считал развитие у них «врожденного дара слова» посредством анализа образцов художественной литературы и фольклора. Чтение, письмо, развитие речи, работу по грамматике и лексике, этимологии Ф.И. Буслаев рекомендовал рассматривать в совокупности.

В дальнейшее развитие методики русского языка огромный вклад внес основоположник научной педагогики в России К.Д. Ушинский. До революции многие поколения отечественному языку учились по учебнику К.Д. Ушинского «Родное слово», выдержавшему 145 изданий. До сих пор не устарели такие дидактические принципы ученого, как принцип

народности, связи теории и практики, сознательности, самостоятельности учащихся, наглядности и многие другие. Актуальны также идеи К.Д. Ушинского о роли и месте грамматики в обучении родному языку, о речевом развитии учащихся и т.д. Все это нашло отражение в трудах многих современных методистов русского языка как родного: А.В. Текучева, Л.П. Федоренко, В.А. Добромыслова, А.В. Дудникова, Р.М. Львова, Т.А. Ладыженской, М.Г. Баранова.

Появление методики русского языка в нерусской школе как педагогической науки связано с именами известных ученых и просветителей Хачатура Абовяна, Н.Н. Ильминского, Каюма Насыри, В.В. Радлова, Ибрая Алтынсарина, Я.С. Гогешвили, Будуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, Н.В. Бобровникова, И.И. Яковлева, А.В. Миртова, Е.В. Поливанова, Ф.Ф. Советкина, В.М. Чистякова, Н.К. Дмитриева и др. В работах этих ученых и просветителей обучение нерусских детей русскому языку рекомендовалось проводить с учетом особенностей родных языков. Данная идея нашла наиболее полное отражение в капитальном труде профессора В.М. Чистякова «Основы методики русского языка в нерусской школе» (1944). Эта книга сразу же стала настольной для всех учителей страны. Методы и приемы, рекомендованные ученым, и сегодня в какой-то степени находят применение в школьной практике. Велика заслуга В.М. Чистякова и в подготовке кадров высшей квалификации для национальных республик.

Значительную роль в пропаганде и распространении русского языка среди народов всей страны сыграл Научно-исследовательский институт национальных школ Академии педагогических наук СССР, который был открыт в 1940-х гг. Здесь сразу стали работать такие ученые, как Ф.Ф. Советкин, Н.К. Дмитриев, Е.И. Корневский, Г.П. Сердюченко, В.М. Чистяков, А.А. Липаев, А.Ф. Бойцова, Н.З. Бакеева, С.С. Филиппов. Позднее к ним присоединились выпускники аспирантуры института И.В. Баранникова, Н.Б. Экба, Е.В. Ефремова, Р.Б. Сабаткоев, Г.Н. Никольская, Н.М. Хасанов, Х.Х. Сукунов. Институт в основном занимался составлением программ, учебников и учебно-методических пособий по русскому языку и литературе для национальных школ. Так, например, были созданы учебники для школ народов Крайнего Севера (авторы А.Ф. Бойцова, Л.А. Варковицкая, К.Ф. Хватай-Муха, Т.М. Караваева); для начальных классов школ народов абхазо-адыгской, тюркской и финно-угорской групп (авторы М.Х. Баргунов, Н.Б. Экба, М.З. Ахиярова, А.И. Грекул, М.И. Сажина). Кроме того, были созданы единые учебники для 4–11 классов национальных школ (авторы Н.Б. Экба, Г.Н. Никольская, Х.Х. Сукунов, Н.М. Хасанов, М.В. Панов, Р.Б. Сабат-

коев, Л.З. Шакирова). Серьезным успехом в работе института явилась подготовка обобщающих методик для школ народов трех языковых групп (абхазо-адыгской, тюркской и финно-угорской) с учетом последних достижений методики и смежных с ней наук (авторы С.Д. Ашурова, Е.В. Ефремова, Г.Н. Никольская, М.В. Панов, Х.Х. Сукунов, Н.М. Хасанов, Н.Б. Экба и др.).

В начале 1970-х гг. при Академии педагогических наук был открыт Институт преподавания русского языка в школах национальных республик, основной костяк которого составили ведущие ученые Института национальных школ Н.З. Бакеева, И.В. Баранников, К.В. Мальцева, М.Н. Борисова, А.И. Грекул. Институт же национальных школ был передан Министерству просвещения РСФСР. После этого Институт национальных школ стал заниматься главным образом разработкой содержания и методов обучения русскому языку, родным языкам и литературам в нерусских школах.

Институтом особое внимание уделялось экспериментальной проверке программ и учебников в школах всех национальных регионов. К этой работе, как правило, привлекались наиболее опытные учителя, которые постоянно собирали материал о ходе эксперимента. Труд данных учителей институт оплачивал. По результатам эксперимента учебники готовились к очередному изданию. Ныне, к сожалению, учебники выпускаются без такой проверки, поэтому не всегда отвечают современным требованиям. Ввиду того, что в Москве не было национальных школ, от каждого научного сотрудника требовалось, чтобы он в течение календарного года три месяца находился в научных командировках в республиках и оказывал помощь местным органам народного образования.

Значительным событием в жизни института явилось открытие в Российской Федерации Башкирского, Бурятского, Татарского, Чечено-Ингушского и Якутского филиалов, а также Адыгейской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Северо-Осетинской, Тувинской и Чувашской лабораторий, которые с учетом местных условий приступили к разработке актуальных проблем содержания и методов обучения русскому языку с использованием новых достижений методики и смежных с нею наук. Особое внимание при этом уделялось новым открытиям в области лингвистики, в частности, теории текста. О тесной связи методики с лингвистикой в этот период известный филолог и методист М.В. Панов писал: «В нашей отечественной культурной традиции лингвистика и методика преподавания языка всегда были союзники. Нет ни одного крупного языковеда-русиста, который не заботился бы о нуждах учителя и ученика. С другой стороны, все авторитетные деятели педагогики, преподавате-

ли русского языка видели в лингвистике свою надежную и желанную опору» [1]. В этой же статье ученый подчеркивал, что преподавание русского языка нерусским часто более чутко отзывается на лингвистическую современность, чем русская школьная методика. М.В. Панов называет лингвистические работы, которые в национальной школе стали использоваться раньше, чем в русской школе.

Дальнейшему развитию методики способствовали исследования бывших аспирантов, проведенные в национальных регионах Российской Федерации, которые позволили создать такие важные книги, как «Методика преподавания русского языка в 5–9 классах башкирской школы» (под ред. К.З. Закирьянова); «Научные основы методики преподавания русского языка в татарской школе» (автор Л.З. Шакирова); «Методика русского языка в 4–8 классах якутской школы» (под ред. К.Ф. Федорова); «Изучение синтаксиса русского языка в чувашской школе» (автор Г.А. Анисимов); «Обучение морфологии русского языка в чувашской школе» (автор Г.А. Анисимов); «Методика развития связной русской речи в бурятской школе» (автор М.Н. Мангадаев) и т.д. К сожалению, после преобразования Института национальных школ в Институт национальных проблем образования и закрытия его филиалов и лабораторий в республиках не было создано ни одной подобной работы по методике преподавания русского языка в нерусской школе, что отрицательно сказывается на качестве знаний, умений и навыков современных учащихся.

Следует отметить, что в Институте национальных школ, его филиалах и лабораториях в основном работали носители родных языков и культур народов Российской Федерации, хорошо знающие трудности, с которыми встречаются нерусские дети при изучении ими русского языка как второго.

С конца 1960-х гг. сотрудниками Института национальных школ и его бывшими аспирантами было защищено огромное количество докторских диссертаций по методике преподавания русского языка. Здесь можно назвать диссертации А.Ф. Бойцовой, Н.З. Бакеевой, Н.Б. Экбы, Л.З. Шакировой, Г.Г. Буржунова, Л.Г. Саяховой, К.З. Закирьянова, Г.А. Анисимова, Р.Б. Сабаткоева, Р.Б. Гарифьяновой, А.М. Айберова, З.М. Загирова, Г.Н. Никольской, Н.М. Хасанова и др. Защита этих работ проходила в основном в Институте преподавания русского языка в союзных республиках Академии педагогических наук СССР.

В названном институте были достигнуты заметные успехи в научно-исследовательской деятельности по подготовке учебно-методической литературы для школ национальных регионов страны; созданы аспектные

словари-минимумы по лексике, фразеологии, словообразованию и т.д.; подготовлен ряд монографических работ по методике преподавания русского языка; составлено несколько школьных учебников. В этот период академиком Н.М. Шанским в научный обиход был введен термин «лингводидактика» вместо «методика русского языка». К этому новому термину ученые вначале относились по-разному. Одни его не принимали, считая, что при его использовании вместо методики надо будет ввести, например, и такие термины, как «историодидактика», «физиодидактика», «химиодидактика» и т.д. Другие ученые термин «лингводидактика» сразу же одобрили, т.к. он им показался более научнообразным, чем методика русского языка.

В настоящее время термины «методика русского языка», «лингводидактика» и «лингвометодика» употребляются как синонимы. И хотя под лингводидактикой сторонники данного термина понимают теорию обучения языку, до сих пор не разработаны научные основы этой теории. Что касается методики русского языка, то она как педагогическая наука со времен Ф.И. Буслаева имеет свой объект, предмет и методы исследования, свой понятийный аппарат и способы доказательства, поэтому считаем недопустимым деление ее на теорию и методику, как это делается нынче.

Современный уровень методической науки характеризуется наличием разных подходов к обучению языку: системно-функционального, структурно-семантического, коммуникативного, когнитивного и других. При обучении русскому языку как второму языку из них особое место отводится применению коммуникативного подхода. С этой целью учеными из национальных регионов Российской Федерации широко используются достижения в области лингвистики, психолингвистики, теории коммуникации и культурологии. Значительных успехов в применении указанного подхода добились, например, преподаватели Башкирского государственного университета под руководством профессора Л.Г. Саяховой. В трудах этого коллектива впервые нашли отражение такие проблемы, как «Язык и культура», «Межкультурная коммуникация», реализована сквозная лингвометодическая идея «Диалог языков и культур». Л.Г. Саяхова является известным ученым в области учебной лексикографии. Ряд работ Л.Г. Саяховой посвящен вопросу формирования языковой личности в школе. Она автор учебников русского языка для старших классов школ народов тюркской группы. В республике имеется своя научно-методическая школа, в создании которой наряду с Л.Г. Саяховой активное участие принимали и другие выпускники Института национальных школ: М.Г. Хайрулина, К.З. Закирьянов, Р.В. Альмухаметов.

В Республике Татарстан методическую школу успешно возглавляет известный ученый профессор Л.З. Шакирова. Нельзя переоценить ее роль в пропаганде и распространении русского языка среди татар, в подготовке кадров учителей для республики, в сохранении лучших традиций института, в аспирантуре которого она училась под руководством В.М. Чистякова. Эти традиции стараются сохранить и другие бывшие аспиранты Института национальных школ: Г.А. Анисимов (Республика Чувашия), Т.П. Самсонова, К.С. Евсеева (Республика Саха (Якутия)) и т.д. Для развития методики преподавания русского языка как науки также много сделано учеными из Республики Дагестан Г.Г. Буржуновым, Г.М. Магомедовым, А.М. Айтберовым, З.М. Загировым, благодаря которым русский язык стал вторым родным языком для многих народов этого уникального региона.

Институт национальных школ был известен во многих странах мира. В нем учились аспиранты из Венгрии, Китая, Монголии, Польши и других стран. Деятельностью института интересовались и в США, Аргентине, Канаде и т.д. С Канадой у института был даже заключен договор о совместном исследовании проблем образования в районах проживания малочисленных народов советского и канадского Севера, в соответствии с которым было проведено несколько международных симпозиумов.

Все изложенное свидетельствует о том, что фактическая ликвидация Института национальных школ вместе с его филиалами и лабораториями в регионах Российской Федерации была грубой ошибкой тогдашнего Министерства образования РСФСР во главе с его министром Э.Д. Днепровым. Поэтому считали бы необходимым восстановление данного института в прежнем виде в составе РАО для пропаганды и распространения русского языка и русской культуры в национальных регионах страны, хотя сейчас для этого трудно найти таких крупных ученых, какие в свое время работали в институте.

В заключение следует отметить, что методика преподавания русского языка в национальной школе по-прежнему тесно связана с методикой преподавания русского языка как родного и методикой преподавания русского языка как иностранного. В свое время периодически проводились специальные исследования по проблеме взаимодействия и взаимовлияния этих трех отраслей методики. Так, в 1980-х гг. по поручению ВАК СССР мне пришлось проанализировать кандидатские и докторские диссертации за несколько лет по методике преподавания русского языка как родного, методике преподавания русского языка в национальной школе и методике преподавания русского языка как иностранного. В результате этого анализа удалось установить, что три указанные отрасли имеют

много общего в подходах к обучению русскому языку, а также в принципах и методах подачи учебного материала. Одновременно были выявлены особенности, которыми отличаются друг от друга эти отрасли методической науки. Будем надеяться, что связи трех отраслей методики в дальнейшем станут более тесными и глубокими.

Библиографический список

1. Панов М.В. Лингвистика и методика преподавания русского языка // Вопросы языкознания. 1989. №1. С. 31–42.

Е.В. Каменская

Колоративная и одорическая лексика в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»

По мнению автора, колоративная и одорическая лексика в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» используется для описания реальных субъектов и объектов окружающей действительности, а также выполняет изобразительно-поэтическую функцию, приобретая символическое значение и собственно авторские коннотации. Это позволяет писателю представить явления действительности в поэтической, притягательной форме, показать жизнь казачества изнутри.

Ключевые слова: колоративная лексика, одорическая лексика, семантика, коннотация, поэтика, символика.

Употребление колоративных и одорических средств в тексте художественного произведения является предметом целенаправленного отбора автора, содержит семантику и коннотации номинаций, идущих от авторского замысла, его этико-эстетических установок.

Палитра красок, которую использует писатель в своих произведениях, индивидуальна и является одним из показателей его внутреннего духовного склада, отображает своеобразное поэтическое видение художника слова. Цветообозначения, используемые М.А. Шолоховым в романе «Тихий Дон», чрезвычайно разнообразны. «Трудно представить себе произведение с большим количеством колоризмов, чем «Тихий Дон». В нем около трех тысяч, если считать составные цветковые прилагательные за одно слово и не принимать во внимание слова, характеризующие яркость, такие, как «бледный», «светлый», «тусклый», «темный». Девятьсот колоризмов в 1-й книге знаменуют собой пик шолоховского употребления цвета. Их число продолжает оставаться высоким во всех последующих произведениях, и большинство из них встречается в ав-

торской речи» [4, с. 252–253]. Оттенки цветов представлены большим количеством колоративных прилагательных, существительных, глаголов и наречий:

1) колоративы-существительные: *В лесу, завешанном кружевным инеем, строгая бель* [12, т. 1, с. 137]. «Бель. Белизна, ослепительно белый цвет чего-л.» [10]; *А над намокнушей в крови Беларусью скорбно слезились звезды. Провалом зияла, дымясь и уплывая, ночная небесная чернь* [12, т. 1, с. 433]. «Чернь. Тьма, мрак» [10]; *Посуетившись, падала на кровать и, вытянув в нитку блеклую желтень губ, глядя в потолок звереющими от боли глазами, стонала, сжималась в комок* [12, т. 1, с. 35]. «Желтень. Желтизна» [10].

2) глагольные цветообозначения: *За займищем грозно чернело небо* [12, т. 1, с. 23]. «Чернеть. Выделяться своим черным цветом, виднеться (о чем-л. черном)» [11]; *На площади, за пожарным сараем, где высыхают пожарные бочки с обломанными оглоблями, зеленеет крыша моховского дома* [12, т. 1, с. 15]. «Зеленеть. Выделяться своим зеленым цветом» [11]; *Гришкины шаровары, заправленные в белые шерстяные чулки, алели лампасами* [12, т. 1, с. 66]. «Алеть. Выделяться своим алым цветом (о чем-л. алом)» [11].

3) колоративы – атрибуты предиката, определяющие действия и состояния в качественном отношении: *Где-то за Доном синё вилась молния, находил дождь, а за белой оградой, сливаясь с гулом голосов, зазывно и нежно позванивали бубенцы на переступавших с ноги на ногу лошадях* [12, т. 1, с. 90]. «Синё. Лазорево (о цвете молнии)» [10]; *В закутанной подземке под опаловой золой рдяно светились угли* [12, т. 2, с. 207]. «Рдяно. Ало, красно» [10].

Автор, описывая уклад жизни донских казаков, использует как общерусские литературные цветообозначения (*чернеть, зеленеть, алеть, бель, чернь, рдяно*), так и собственные новообразования (*желтень, синё*), создающие особую поэтику, близкую к форме донской речи и отражающую духовную культуру казачества. Колоративы могут иметь собственно авторское значение, а также приобретать дополнительную коннотацию за счет внесения в семантическую структуру слова индивидуально-авторских сем: *Через полмесяца зарос маленький холмик подорожником и молодой полынью, заколосился на нем овсюг, пышным цветом выжелтилась сбоку сурепка, махорчатыми кистками повис любушка-донник, запахло чобором, молочаем и медвянкой* [12, т. 1, с. 702]. «Выжелтиться. Расцвести желтыми цветами» [10].

Основу палитры романа составляют колоративные прилагательные, которые соответствуют семи радужным хроматическим цветам (красный,

оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый) и трем ахроматическим (черный, серый, белый). Каждый цвет представлен как парадигма оттенков, выстроенная по принципу градации, например, оттенки красного: *розовые* («цвета незрелой мякоти арбуза, цветков яблони, белый с красноватым оттенком») *лепестки повительного цветка*; *вишневый* («темно-красный с лиловатым оттенком») *румянец Ильиничны*; *малиновая* («густо-красная с фиолетовым оттенком») *шерстяная юбка Дарьи*; *кумачные* («ярко-красные, цвета кумача») *попоны лошадей*; *бордовая* («темно-красная») *изнанка губы Сергея Платоновича*; *багровый* («красный густого, темного оттенка») *от смеха и смущения полковой адъютант*.

Одной из особенностей художественного стиля М.А. Шолохова является использование сложных прилагательных для передачи тончайших оттенков многоцветной окружающей действительности: *Иссиня-желтая наволока неба накалена жаром* [12, т. 1, с. 224]. *«Иссиня-желтый. Голубоватый, пронизанный ярким солнечным светом»* [10]; *Над ним (Григорием. – Е.К.) отрадно и трепетно сияла утренняя зарница, и в глубочайшем провале иссиня-черного неба, как в Дону на перекате, будто показалось дно: предрассветная дымчатая лазурь в зените, гаснущая звездная россыпь по краям* [12, т. 2, с. 116]. *«Иссиня-черный. Насыщенно синий (о цвете предрассветного неба)»* [10]; *Сторожевой гусак поворачивал серую, как камень, змеиного склада голову, настороженно оглядывался. За ним иссера-черной пеленой вроссыпь сидели на воде гуси, попеременно с криками и головатыми ныряками* [12, т. 2, с. 234]. *«Иссера-черный. Темно-серый»* [10]; *Иван Алексеевич напился, стоя на коленях, и, подняв освеженную голову, увидел с предельной, почти осязательной яркостью: изморозно-белый покров известняковой пыли на придонской дороге, голубым видением вставшие вдали отроги меловых гор, а над ними, над текущим стремнем гребнистого Дона, в неохватной величавой синеве небес, в недоступнейшей вышине – облачко»* [12, т. 2, с. 294]. *«Изморозно-белый. Снежно-белый»* [10]; *В хате изжелта-синий, почти дневной свет* [12, т. 2, с. 207]. *«Изжелта-синий. Желтовато-синий; лунного света, цвета дня и ночи»* [10]; *Большой изжелта-красный сазан поднялся на поверхность, вспенил воду и, угнув тупую лобастую голову, опять шархнул вглубь* [12, т. 1, с. 12]. *«Изжелта-красный. Кроваво-красный с золотым отливом»* [10]. Сложные цветовые прилагательные образованы способом сложения двух колоративов, первый из которых характеризует оттенок цветового признака, конкретизируя и уточняя второй. Префиксы *из-/ис-* указывают на доведение признака до крайнего предела, его исчерпанность.

Сложные колоративные прилагательные передают впечатления от воспринимаемого объекта наиболее точно, организуя поэтику романа: *В погожий сентябрьский день летала над хутором Татарским молочно-радужная паутина, тонкая такая, хлопчатая* [12, т. 1, с. 310]. «Молочно-радужный. Белый, разноцветный; всех цветов радуги» [10]. Первая часть сложного окказионального колоратива указывает на цвет вещества: *молочно* «матово-бело, как молоко»; вторая часть прилагательного семантически противопоставлена первой: *радужно* «разноцветно, переливаясь цветами радуги». Цветовая антитетиза колоратива основана на перенесении характерных свойств предметов окружающего мира друг на друга.

Ряд сложных колоративных прилагательных не только называет цвет объекта окружающей действительности, но и характеризует предмет, сообщая ему новые качества: *Где-то вверху, за кучевыми облаками, светило восходящее солнце, а долину всю заливал желто-сливочный туман* [12, т. 1, с. 335]. Вторая часть сложного прилагательного *желто-сливочный* представлена и акцентирована относительным прилагательным *сливочный* «мягкий, блестящий, светло-желтого цвета», которое характеризует природное явление (туман) через бытовую обстановку, окружающую человека.

Сложные колоративные прилагательные подчеркивают единение человека с природой: *На дворе полоскался ветер, слякотно чавкала под ногами грязь. Меж туч казаковал молодой желтоусый месяц* [12, т. 1, с. 340]; *В дверь просунул длинные пшенично-желтые усы Петро* [Там же, с. 60]. Атрибутивная метафора, представленная сложным колоративом *желтоусый*, указывает на «оказачивание» природы, месяц сравнивается с лихостью казака и его удалью. Прилагательное *пшенично-желтые* является авторским колоративом, подчеркивает оттенок цвета (*пшеничный* «коричнево-желтый и золотистый, цвета спелых колосьев пшеницы») и отражает взгляд казака-земледедца.

Казаки – представители военно-земледельческого сословия, поэтому несение воинской службы – почетная обязанность для казаков, что акцентируется в тексте романа: *Представитель хутора Ново-Земцева Коновалов, в парадном кителе серонемецкого сукна с красными лацканами на воротнике, виновато улыбаясь, слег над листом. Толстые, мозолистые, воронено-черные пальцы, не сгибаясь, держали ученическую обгрызенную ручку* [Там же, с. 689]; *Григория нашли у задней стены <...> Он увидел хуторян – и вислые воронено-черные усы его дрогнули в улыбке* [Там же, с. 555]. Первая часть сложного прилагательного *воронено-черные* конкретизирует цвет (*вороненый* «черный с синеватым отливом или сплошь черный; черненький»), а также участвует в создании образов и выражает

положительную авторскую оценку (*вороненый* «цвета вороненой стали казачьей шашки – обязательного оружия казака, символа всей полноты его прав»).

В прямом значении черный цвет («цвет сажи, угля») выполняет описательную функцию – обозначает части тела человека (чаще всего относится к волосам и глазам), окраску предметов, животных, птиц и т.д., окружающих казака в быту. Колоратив *черный* употребляется и в переносном значении: *черные руки*, ставшие насыщенно темного цвета от тяжелой, постоянной работы в поле, у Пантелея Прокофьевича, Григория, Петра, Степана Астахова и др.: *Григорий суетливо отвернул заломившийся угол, прикрывший четвертый ухналь, пальцы его, шероховатые и черные, слегка прикоснулись к белым, сахарным пальцам пристава* [12, т. 1, с. 204]. Белый цвет пальцев пристава противопоставлен *черному* цвету пальцев Григория и содержит отрицательную авторскую оценку: пристав никогда не работал в поле, поэтому пальцы рук его *белые, сахарные* («изнеженные»). *Черный* цвет как цвет глаз может приобретать дополнительную авторскую коннотацию «черта родового сходства», т.к. для казаков род и семья священны: *Была в ней (Дуняше. – Е.К.) смесь, жалкая и наивная, расцветающей юности, крепи и заметно выпирали под кофтенкой небольшие, с кулак, груди, раздавалась в плечах, в длинных чуть косых разрезах глаз все те же застенчивые и озорные искрились черные, в синеве белков миндалины* [Там же, с. 209]; *Перед глазами ее (Натали. – Е.К.) неотступно маячили на лице ребенка угрюмоватые черные глаза Григория* [Там же, с. 324]; *Насупленный, угрюмоглазый сынишка вылит был в мелеховскую породу: тот же удлинненный разрез черных, чуть строгих глаз, размашистый рисунок бровей, синие выпуклые белки и смуглая кожа* [Там же, с. 593].

Черный цвет употребляется в романе в устойчиво-фольклорной интерпретации «мрачный, безотрадный». Перед попыткой самоубийства «Наталя ощупью, без мысли, без чувства, в *черной* тоске, когтившей ее заполненную позором и отчаянием душу, добралась до угла» [Там же, с. 184]. Также прилагательное *черный* в тексте романа является постоянным эпитетом к слову *кровь* и обозначает преклонный возраст, ранения. *Черная кровь* – это смертная кровь, кровь убитого человека: *У дверей весовой лежал с проломленной головой молодой тавричанин; разводя ногами, окуная голову в черную спекиющуюся кровь, кровавые сосульки волос падали на лицо; как видно, отходил свое по голубой веселой земле* [Там же, с. 124].

Общерусский по форме колоратив *черный* может приобретать окказиональную шолоховскую семантику: *Словно пробудившись от тяжкого сна, он (Григорий. – Е.К.) поднял голову и увидел над собой черное*

небо и ослепительно сияющий черный диск солнца [12, т. 2, с. 762]. Черное солнце и черное небо символизируют глубину горя героя, который со смертью Аксиньи утрачивает волю к жизни, предвещают его гибель.

В романе «Тихий Дон» желтый цвет является основным цветом осени, символом приближения (наступления) срока смерти: *Похоронили Дарью, как и полагается, на кладбище, рядом с Петром <...> Над могилой Петра шумел молодыми ветвями посаженный недавно тополь; на вершинке его наступающая осень уже окрасила листья в желтый, горький цвет увядания* [Там же, с. 526]. В составе сложных прилагательных *желтый* указывает на оттенок цвета и создает индивидуальную авторскую цветовую палитру: *Листницкий заказал ботвинью со льдом, в ожидании задумчиво ощипывал выдернутую из вазы желто-рдяную настурцию* [12, т. 1, с. 458]. «Желто-рдяный. Желтый с красным отливом» [10]; *Небо кутала желто-рудая мгла* [12, т. 1, с. 109]. «Желто-рудый. Имеющий окраску из сочетания красного (рыжего) и желтого цвета» [10]; *С черного неба глядели желто-зеленые невызревшие черешни звезд* [12, т. 1, с. 604]. «Желто-зеленый. Зеленый с желтым отливом» [10].

Фиолетовый цвет традиционно ассоциируется с царственностью. У М.А. Шолохова фиолетовый цвет и его оттенки (лиловый и сиреневый) приобретают авторское значение «предвещение несчастий»: *Пока позавтракали и уложились – рассвело. Синими переливами играл утренний свет. Четко, как врезанный в снег, зубчатился плетень, и, прикрывая нежную сиреневую дымку неба, темнела крыша конюшни* [12, т. 1, с. 197]. Перед отъездом Григория на службу *сиреневая дымка неба предвещает грядущие испытания, которые его ждут.*

Зеленый цвет имеет огромное количество оттенков, каждый из которых имеет свое значение. Темные оттенки зеленого ассоциируются с прочностью, надежностью и долговечностью, нежные оттенки зеленого успокаивают: *изумрудный говорит о роскоши, желто-зеленый вызывает у человека ощущение благополучия, оптимизма и весеннего обновления.* У М.А. Шолохова зеленый цвет ассоциируется с весной и обновлением: *Шла весна. <...> На сугревах, на курганах, из-под вросших в суглинок самородных камней показались первые, ярко-зеленые острые ростки травы медвянки. <...> В логах и балках снег лежал синий, доверху напитанный влагой; оттуда все еще сурово веяло холодом, но уже тонко и певуче звенели в ярах под снегом невидимые глазу вешние ручейки, и совсем по-весеннему, чуть приметно и нежно зазеленели в перелесках стволы тополей* [Там же, т. 2, с. 710]. Изумрудный оттенок зеленого приобретает в романе собственно авторскую коннотацию «цвета зелени, прозрачно-переливающийся; манящий в неизведанное»: *За волнистой*

хребтиной горы скрывалась разветвленная дорога, – тщетно она манила людей туда, за изумрудную, неясную, как сон, нитку горизонта в неизведанные пространства, – люди, прикованные к жилью, к будням своим, изнывали в работе, рвали на молотбе силы, и дорога – безлюдный тоскующий след – текла, перерезая горизонт, в невидь [12, т. 1, с. 317]. Поэтическое значение «тщетно манящий в неизведанное» колоратив-символ приобретает в контексте окружения: *дорога* («средство достижения чего-л.»), *манила* («влекла, соблазняя»), *неясную, как сон* («неопределенную, как при прекращении ясности сознания»), *за нитку горизонта* («за узкую полосу будущих возможностей»), *неизведанные пространства* («неизвестно куда») [9, с. 12].

Голубой цвет успокаивает и утешает, ассоциируется с постоянством, верностью, надежностью и честью. В романе «Тихий Дон» этот цвет соотносится с веселой, спокойной, мирной жизнью, символизирует единство человека и природы, гармонию: *Голубым солнечным днем проплывало в несвязных воспоминаниях детство: скворцы в каменных кладках, босые Гришкины ноги в горячей пыли, величаво застывший Дон в зеленой опуши леса, отраженного водой, ребячьи лица друзей, моложавая статная мать* [12, т. 2, с. 228]. Помимо основной коннотации, голубой цвет приобретает символическое значение: *Уплывали перед закрытыми глазами Григория степные гребни, хутора, станицы, никогда раньше не виданные, чужие сердцу. А за валами гребней, за серой дорогой – сказкой голубая приветливая страна и Аксиньиная, в позднем, мятежном цвету, любовь на придачу* [Там же, т. 1, с. 148]. *Голубая страна* – это мечта Григория о жизни с любимой в гармонии, надежда, стремление к счастью, отражение внутреннего состояния героя.

«Ведущей же функцией цветолексики в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» является эстетическая, которая заключается в том, что языковой знак является составным элементом образа: в контексте слово актуализирует смысл, создает эмоциональный фон» [9, с. 13]. Цветообозначения в романе не только отражают реальность, показывая глубокое знание казачьей жизни, но и передают авторское восприятие действительности, являясь средством выражения оценок и экспрессии писателя. Талант М.А. Шолохова сродни таланту живописца, который с помощью красок высвечивает глубину явления: «Шолоховский взгляд на природу схож с импрессионистической эстетикой. В художественных произведениях М.А. Шолохова и ранняя весна, и поздняя осень, и зимнее солнце, и разные состояния воды, и тишина, и необыкновенная прозрачность воздуха присутствуют в пейзажных зарисовках. Для художника слова характерен острый интерес ко всем явлениям текущей жизни. В обычных, повсед-

невных явлениях он выбирает тот момент, когда гармония окружающего мира проявляется наиболее впечатляюще» [3, с. 397].

Концентрация человеческих ощущений (слух, осязание, вкус, запах) помогает художнику слова наиболее полно представить окружающую действительность. «Обоняние – одно из самых архаичных чувств. Оно тесно связано с участками мозга, которые наличествовали еще у примитивных животных. <...> Поэтому эмоции, вызванные запахом, отличаются особой силой и с трудом поддаются контролю разума» [6, с. 169].

Положительные эмоции вызывают запахи, связанные с домом и семьей. Когда Илья Бунчук после восьмилетнего отсутствия возвращается домой, первое, что он ощущает, – родной запах дома: *В передней низкой комнатке никого не было. Он прошел во вторую и, не найдя и там никого, стал на пороге. От страшно знакомого запаха, присущего только этому дому, у него закружилась голова* [12, т. 1, с. 534]. Возвращаясь со службы домой, «жадно вдыхая горький кизячный дым, выползавший из труб куреней, Григорий проходит хутор» [Там же, с. 349].

Бытовое восприятие запахов складывается из взаимодействия врожденных и культурно приобретенных привычек. Дом, семья, земля дороги для казаков, поэтому запахи, связанные с ними, родные, сладкие: *В кухне сладко пахло топленным коровьим маслом, горячим припеком хлебов* [Там же, с. 601]; *Невыразимо сладкий запах излучал оголенный чернозем* [Там же, с. 416].

Запахи дома и земли символизируют мир, покой, гармонию. Григорий, уставший от войны, «представлял себе, как будет к весне готовить бороны, арбы, плесть из краснотала ясли, а когда разденется и обсохнет земля – выедет в степь: держась наскучавшимися по работе руками за чапиги, пойдет за плугом, ощущая его живое биение и толчки; представлял себе как будет вдыхать сладкий дух молодой травы и поднятого лемехами чернозема, еще не утратившего пресного аромата снеговой сырости, – теплело на душе. Хотелось убирать скотину, метать сено, дышать увядшим запахом донника, пырея, пряным душком навоза» [Там же, с. 590]. Запах чернозема символизирует мирный труд на родной земле. «Чернозем в языке М.А. Шолохова – это почвенность земной жизни казака, земля, на которой он живет, любит и ненавидит, радуется и страдает. Чернозем – это воплощение этой, земной жизни – жизни на донской земле, тучной благодатной почве» [10, с. 160].

Казаки воспринимали землю как живое существо – мать, любушку, кормилицу. Земля, на которой селился казачий род, которая возделывалась его руками, становилась родной: *В чужих краях и земля и травы пахнут по-иному. Не раз он (Григорий. – Е.К.) в Польше, на Украине и*

в Крыму растирал в ладонях сизую метелку полыни, нюхал и с тоской думал: «Нет, не то, чужое» [12, т. 2, с. 650]. Герой хочет почувствовать знакомый аромат, т.к. этот запах связан с радостными воспоминаниями детства, мирным трудом земледельца.

Запахи пробуждают самые сильные воспоминания, мгновенно возвращают в прошлое. Если зрение напрямую связано с сознанием, то обоняние – с подсознанием, потаенной стороной души. Неслучайно слово *дух* в русском языке означает и «запах», и «душа». Для персонажей романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» запах – это связующая нить с прошлым, ключ к воспоминаниям: *Григорий вздрагивает. Ему кажется, что он на секунду ощутил дурнопахнущий, тончайший аромат Аксиньиных волос; он, весь изогнувшись, раздувает ноздри, но...нет!* [Там же, т. 1, с. 391]. Волнующий и нежный аромат волос Аксиньи ассоциируется для Григория с горьким запахом дурнопахнущего – дурмана обыкновенного. Запах пота относится в казачестве к категории приятных: *Аксинья, уткнувшись лицом ему в подмышку, дышала таким родным, пьянящим запахом его пота, и на губах ее, порочно-жадных, скрытая от глаз Григория, дрожала радостная, налитая сбывшимся счастьем улыбка* [Там же, с. 149]; *Перебирая старое бельешко Алексея Беиняка, плакала мать, точила горькие скупые слезы, приюхивалась, но лишь последняя рубаха, привезенная Мишкой Кошевым, таила в складках запах сыновнего пота, и, припадая к ней головой, качалась старуха, жалостно причитала, узорила клейменую бязевую грязную рубаху слезами* [Там же, с. 523].

Все близкие, знакомые и приятные запахи для казака связаны с земледелием, домашними животными, бытовой сферой. Руки Натальи пахнут «свежим тестом»; «Аксиньины пальцы пахнут парным коровьим молоком» [Там же, с. 50]; ладони казака пахнут «табаком и конским потом»; в сенцах «пахнуло на него (Григория. – Е.К.) запахом перекишенных хмелин и пряной сухменью богородицыной травки» [Там же, с. 17]; «из горницы пахнет слежалой одеждой и почему-то – анисовыми яблоками» [Там же, с. 45]; во дворе «тянуло жильем, пригоревшей сажей, парным запахом скотиньего база» [Там же, с. 144]; в сарае «запах ременной упряжи и слежалой соломы» [Там же, с. 184]. Иначе пахнут представители хуторской интеллигенции, собирающиеся в гостиной у Сергея Платоновича Мохова: *Почтмейстер – чудаковатый, заплесневелый, с запахом сургуча и дешевых духов холостяк* [Там же, с. 102]; из спальни Лизы «сладко пахнет девичьим, теплым во сне телом и неведомым сладким запахом духов» [Там же, с. 107].

С приходом войны на донские земли появляется новый запах – запах смерти: *Сотня шла в нескольких шагах от трупов. От них уже тек тяж-*

кий, сладковатый запах мертвечины [12, т. 1, с. 379]. Слово *мертвечи-на* («труп животного, падаль») употребляется обычно применительно к животным. М.А. Шолохов, подчеркивая нехристианское отношение к непогребенным трупам, использует данное существительное по отношению к человеку. После получения извещения о смерти Григория «незримый покойник ютился в мелеховском курене, и живые пили его васьковский трупный запах» [Там же, с. 313].

Земля как живое существо в романе участвует в событиях, происходящих в жизни людей. Накануне разгрома отряда Подтелкова «степь, как чаша, до краев налитая тишиной, таила в складках балок грустные отсветы дня. Чем-то напоминал этот вечер осеннюю пору. Даже травы, еще не давшие цвета, излучали непередаваемый запах тлена» [Там же, с. 678]. *Запах тлена* («гнили, пепла, праха»), который излучают травы, – это предупреждение о близкой смерти.

Степь для казаков не только «нечто большое, ровное, бескрайнее», степь – это источник жизненной силы, живое существо, мать, поэтому, описывая ее, М.А. Шолохов создает зрительно-обонятельные пейзажи: *Несказанным очарованием была полна степь, чуть зазеленевшая, налитая древним запахом оттаявшего чернозема и вечно юным – молодой травы* [12, т. 2, с. 229]. Зеленый цвет весенней степи – цвет обновления и плодородия. Все в природе движется по кругу, умирает и вновь возрождается. Степь символизирует рождение и смерть, молодость и старость, т.к. существует неизменно с тех пор, как помнит себя казачество. Поэтому степь наполнена *древним* запахом чернозема и *юным* запахом молодой травы. Весенняя степь зеленая, наполненная запахом чабреца, молочая, медвянки, летом степь желтая, выжженная солнцем, окутанная пьянящими запахами всех полеглих под солнцем трав, осенняя степь бурая, поблекшая, с горьким ароматом полыни, зимой степь заснеженная, сугробистая, задернутая лиловой марью.

Создавая образы природы, М.А. Шолохов придает объекту окружающей действительности собственную характеристику. Постоянным эпитетом к слову запах является прилагательное *пресный* в значении «лишенный запаха соленого»: *Песчаная земля была размыта, извилижаена следами крохотных ручейков, пресно пахла дождем* [Там же, с. 496]; *Неглубокий, чуть выше человеческого роста, ров был залит на полчетверти водой. Пахло илом, прелой хвоей и пресным бархатисто-мягким запахом дождя* [Там же, с. 379]; *Пахло мужским потом, скученными здоровыми телами, папиросным дымом и пресным бражным запахом выпавшей за ночь росы* [Там же, с. 692]; *Прелью сырой и пресной дышал берег*» [Там же, с. 18].

Явления окружающей действительности М.А. Шолохову удается представить в поэтической, притягательной форме. Его произведения позволяют увидеть и почувствовать казачий мир изнутри. «Земледельческая жизнь людей и жизнь природы (Земли) измеряются одними и теми же масштабами, теми же событиями, неотделимы друг от друга» [1, с. 140].

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб., 2000.
2. Большой толковый словарь донского казачества / Под ред. В.И. Дегтяревой. М., 2003.
3. Диброва Е.И. Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл: Избр. работы. Т. I. М., 2008.
4. Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество. СПб., 2000.
5. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М., 2002.
6. Жирицкая Е. Легкое дыхание: запах как культурная репрессия в российском обществе 1917–30-х гг. // Ароматы и запахи в культуре. М., 2003.
7. Купер М. Как понимать язык цвета. М., 2004.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
9. Рыбальченко Е.А. Колоративная лексика в языке романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
10. Словарь языка Михаила Шолохова / Гл. ред. Е.И. Диброва. М., 2005.
11. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2007.
12. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман в 2-х т. М., 2000.

Е.П. Королёва

Двоеверие и проблема авторства древнеанглийской поэмы «Беовульф»

Статья ставит вопрос об определении авторства поэмы «Беовульф», создание которой относится к периоду переселения ряда германских племен в Британию. Показывается, что композиционно-структурное расположение христианских мотивов в поэме имеет цель либо ослабить языческое восприятие действительности, либо заменить его на христианское. Однако введение новой религиозной

концепции не уничтожает языческую трактовку, поскольку она, являясь сутью поэмы, пронизывает ее полностью. На основе анализа глубинного кодово-схематического макета поэмы, где имеют место только языческие мотивы, и поверхностного стилистически завершенного текста, где наряду с языческими широко представлены христианские мотивы, делается вывод об исходном авторе поэмы.

Ключевые слова: авторский ракурс, сюжетная перспектива, функциональная смысловая зависимость, адстрат, субстрат, суперстрат, авторство поэмы «Беовульф».

Вопрос об авторстве древнеанглийской поэмы «Беовульф» до сих пор обычно рассматривается с точки зрения общесюжетной направленности ее содержания, исходя из которого автором был признан один человек, хорошо знавший быт и традиции раннефеодального строя, присущего описываемым в тексте древнегерманским племенам данов, гаутов, готов, ютов и некоторых других. Такой подход носил в основном литературоведческий характер и не затрагивал лингвистические особенности поэмы, которые в значительной мере выпадали из поля зрения исследователей. Тем не менее, привлечение современных методов анализа позволяет поставить под сомнение бытующее в науке мнение о единоавторстве данной поэмы.

Для решения проблемного вопроса авторства поэмы «Беовульф» нами была использована теоретическая концепция профессора И.Г. Кошевой, согласно которой языковая материя имеет трехуровневую систему внутренней организации и внешней выраженности в тексте: первый уровень концентрирует идею автора, которая на втором – глубинно-языковом – уровне позволяет ему создать схематично-кодовый макет текста, а на третьем – поверхностно-речевом – декодировать этот макет с помощью всех доступных автору речевых средств, превращая его в стилистически завершенное литературное произведение [4, с. 12–26].

Поскольку процесс кодирования и декодирования определяется различными формами функциональной смысловой зависимости – авторским ракурсом на глубинно-языковом уровне и сюжетной перспективой на поверхностно-речевом уровне, мы сделали попытку вначале посмотреть на текст поэмы в плане ее кодового представления, когда схематически макет строится автором в ракурсе воплощения той идеи, которая была основополагающей в его мировоззренческой платформе, следовательно, должна была основываться на восприятии современным ему обществом именно в ключе, раскрывающем сугубо авторское понимание добра и зла.

Как свидетельствует содержательная сторона поэмы, автор излагает события, представляя добро и зло в их оппозиционном соположении:

благородство и подлость; истинная физическая сила, идущая от природы, которой наделен герой поэмы Беовульф, и ложная мистическая сила, идущая от заклинаний, которыми наделены окружающие людей чудовища; дружба и взаимопомощь – клевета и наговоры; щедрость как вознаграждение – скупость как презрение к личности стяжателя [4, с. 12–26].

Как показало наше исследование, эти оппозиционно выделенные автором качества представлены в поэме в двух мотивах: воинство и религия. Кодово-схематичный макет поэмы «Беовульф» строится на линии авторского ракурса как выражение этих двух мотивов, которые, во-первых, включают в себя традиции, быт, амуницию и представления о воинских подвигах того времени, когда автор создавал поэму; во-вторых, обязательно входят в обе отмеченные выше оппозиционные стороны представления добра и зла; в-третьих, проявляются обе в неразрывном переплетении с религиозным верованием древних германцев. Например:

Hwxt! We Gar-Dena in gear-daguns
Слушайте! Мы о датчанах в прежние дни
Theod-cyninga thrym gebrunon
Короля племен славу слышали
Hut ha aethelingas Ellen fremedon!
Как те князья славные вершили (дела)!
Oft scyld Scefing sceathena threa tum
Часто славу до вражеских войск
Monegum maeg thum meodo-selta ofteah
У многих племен бранные скамьи отбирал
Weox unter wolcnum weorth myndum thaeh.
Он вырос в почестях небесных.

Как свидетельствует проанализированный фактический материал, этот последний, а именно религиозный фактор и является ведущим: он доминирует во всем повествовании, т.к. пронизывает буквально весь текст поэмы и выступает своего рода стеновым хребтом всего кодово-схематичного макета, определяя линию авторского ракурса. Но в его основе, согласно проведенному нами анализу, не христианское, а языческое вероисповедание является не только доминирующим, но и главенствующим.

В этом отношении была проанализирована проблема несобственно-прямой речи, как на линии авторского ракурса, так и на линии сюжетной перспективы. Обе эти линии – авторский ракурс и сюжетная перспектива – будучи разноуровневыми формами функциональной смысловой зависимости, как оказалось, включают в себя несобственно-прямую речь в трех ее компонентах: 1) идее, 2) голосе автора, 3) подключении реципиента как лица, психологически воспринимающего предлагаемый ему

текст (независимо от того, является ли он изложением непосредственно автора или исполнением бардов).

Нами была рассмотрена форма этой речи на обоих уровнях. Оказалось, что позиционно она занимает различное положение, что сказывается на соответствующей миграции каждого из компонентов функциональной смысловой зависимости. Идея, которая на глубинном уровне в кодово-схематическом макете находится на первом месте, перемещается на поверхностном уровне на второе место, а голос автора со второго места глубинного уровня, т.е. с линии авторского ракурса, переходит на третье место поверхностного уровня, где он фиксируется на линии сюжетной перспективы. Что же касается психологического воздействия на реципиента, то оно носит возрастающий характер, максимально усиливаясь на поверхностном уровне под влиянием различных стилистических приемов, употребляемых автором.

Таким образом, идет позиционное передвижение третьего компонента с психологическим подключением реципиента и его переходом с третьего места глубинного уровня на первое место поверхностного уровня. Соответственно, осуществляется то взаимопроникновение религиозного фактора в воинский, который при кодировании сюжета оказывается максимально тесно слитым с идеей. А это значит, что благодаря несобственно прямой речи религиозный мотив входит во все три типа речевых комплексов, на которые, как отмечает Л.К. Свиридова, распадается функциональная смысловая зависимость: начинательный тип; ключевой тип; итоговый тип [5, с. 215–227].

Каждый из них, имея свою семантическую, композиционную и структурную основу на глубинном уровне (как на линии авторского ракурса), оказывается внутренне связанным с религиозной позицией автора, а на поверхностном уровне (как на линии семантического декодирования исходного макета) может быть относительно легко сдвинут в конечную позицию, если на то будут иметься определенные посылки (мы позволим себе в этом случае не приводить иллюстративный материал ввиду его объемности). Теперь посмотрим на то, какой была религиозная позиция автора – непосредственного создателя поэмы «Беовульф».

Время создания этой поэмы, по мнению большинства исследователей (К. Бруннер и др.), относится к эпохе до Великого переселения народов, т.е. до IV в. н.э., когда германские племена еще не оккупировали Британские острова, жили по другим традициям и верованиям, чем те, что описаны в поэме «Беовульф» [1, с. 167–216]. У них был свой иберо-кельтский культ, поклонение сакральным явлениям, который восходил еще к культовым дольменам Стоунхенджа.

В поэме «Беовульф» четко дано описание не иберо-кельтских, а языческих верований: тризны в виде сжигания воинов на костре, преклонение перед силой Судьбы, гиперболизация физических возможностей человека и т.д. Однако в IV в. древние германцы начинают активную экспансию с материка на Альбион (как в то время у римлян именовалась Британия) [2, с. 8–10.]. С собой они, естественно, переносят одно из лучших произведений своего поэтического творчества – поэму «Беовульф», которую многие знают в устном исполнении бардов.

Христианство в это время еще не проникло в древнегерманский быт как всеохватывающая религия. Ее широкое распространение начинается, как известно, несколькими веками позже. Поэтому естественно заключить, что в тексте поэмы «Беовульф» при ее начальном написании христианских мотивов быть не могло. Однако, если мы посмотрим с этих позиций на сам текст поэмы, т.е. на завершенное произведение в его речевом поверхностно-стилистическом выражении, то окажется, что христианское вероучение занимает там весьма значительный объем. И, конечно, это положение не может не поставить перед исследователем закономерный вопрос: чем объясняется такое положение?

Для ответа на него обратимся к рассмотрению позиционных мест, занимаемых христианскими мотивами в корпусе поэмы по их расположению в типах функциональной стилистической зависимости. При этом еще раз подчеркнем, что в кодово-схематичном макете христианские мотивы отсутствуют – вместо них имеется выражение идеи добра и зла, воплощенное в понятие Судьбы в ее чисто языческом представлении:

Ne waes thaet wyrd tha gen
Но не была судьба
Thaet he ma moste manna cunnen
Чтобы он еще человеческий род
Dhicgean ofer tha niht
Поедал после той ночи.

Что же касается христианских мотивов, то они даются как главенствующие, подчиняющие себе все происходящее в жизни людей, начиная от рождения каждого человека:

Thaem eafera waes aefter cenned
Ему сын был потом рожден
Geong in geardum thone God sende
Юный при дворах которого Бог послал.

Но при этом обращают на себя внимание следующие моменты: во-первых, христианские мотивы почти нигде не встречаются в ключевом типе функциональной смысловой зависимости; во-вторых, появляются они

главным образом в конце итогового типа и иногда как вводящая часть начинательного типа. Но, как известно, оба эти типа носят, в основном, лишь расширительный характер, появляясь лишь на линии сюжетной перспективы, т.е. не на глубинном, а на поверхностном уровне.

Что же касается глубинного уровня, то там, как свидетельствует проанализированный нами текст, мы сталкиваемся не с религиозными догмами христианского учения, а с религиозными обрядами и представлениями языческого восприятия жизни, в связи с чем в авторском ракурсе основное место отводится именно понятию Судьбы и ее всемогущей роли, что не присуще христианскому пониманию этого понятия.

Поэтому нам представляется вполне логичным связать нашу гипотезу с имевшим место на территории Англии процессом двоеверия, происходившим при введении христианства. Применяя к нему общий для развития языка закон трехфазового движения «адстрат – субстрат – суперстрат», предложенный А. Мейе и рядом других исследователей, но использованный нами для рассмотрения процессов упрочнения христианской религии, получаем следующее.

1. Ступень адстрата, когда обе религии – язычество и христианство – сталкиваются на одной и той же пространственной территории Британских островов.

2. Ступень субстрата, когда одна из религий – а именно язычество – начинает переходить субординационное положение по отношению к христианству.

3. Ступень суперстрата, когда опять же одна из этих религий (в данном случае христианство) оказывается в доминантной позиции и становится лидирующей.

Отражение этого процесса можно со всей очевидностью наблюдать в тексте при анализе поэмы «Беовульф», исходно написанной в духе монорелигиозной концепции автора, которая представляется явно языческой.

Однако после введения христианства и его прогрессивно-поступательного движения языческие представления о мире на какой-то промежуток времени сосуществуют с христианскими представлениями, т.е. находятся в состоянии адстрата. Это положение поддерживается тем, что германцы как победители, оседая на постоянное жительство в Британии, брали себе в жены кельтских женщин, которые в семье сохраняли языческие культы. Ведь кельты, хоть и относились к другой ветви язычества (не германской, а иберо-кельтской), были все же язычниками, и, следовательно, языческие постулаты (даже несколько видоизмененные) были им ближе, чем христианские. Поэтому период адстрата как времени сосуществования языческих верований, хоть и пошатнувшихся и не сохраняю-

щих свою исконногерманскую чистоту, все же значительно затягивался на Альбионе. В связи с этим в строящихся христианских монастырях и аббатствах активно готовились священники и шла, как известно, наступательная кампания на язычество. Надо полагать, что именно в это время, когда христианство начало переходить из состояния адстрата в состояние суперстрата, в поэму «Беовульф» были выборочно вставлены целые абзацы христианского содержания о сотворении мира: о Каине, о Боге, наказывающем грешников и т.д.:

Saegal se the cythe
Заговорил он певец, который
Frumsceaft fira feorran,
Происхождение людей из древних времен рассказать
Cweath thaet Aelmihtiga eorh an weorthe,
Сказал, как Всевышний землю создал,
Wide – leorhtne wang swa waeter bebugeth;
Блестящую долину, которую вода окружает;
Gesette sige – hrethig sunnan – luendum
Свет, чтобы светить жителям Земли,
Ond gefraetwade foldan sceatas
И украсил Земли поверхность
Leomum ond leofum; lifeac gesceop
Ветками и листьями; жизнь также создал
Cynna gehwylcum thara the ewice hwyrfath
Существа каждого, которое живое движется.

Отсутствие этих мотивов в авторском ракурсе и наличие их в сюжетной перспективе наглядно свидетельствует:

1) об их более позднем и дополнительном внесении в поэму «Беовульф»;

2) о наличии второго автора, участвовавшего в написании трех частей поэмы христианской направленности, которые были необходимы для христианизации древне-германского общества и обращения его к новой религии.

Безусловно, таким соавтором должен был быть прекрасно образованный человек, знающий Ветхий и Новый Завет и знакомый с системой стихосложения, что позволило ему не только провести цензурную правку исходного текста, изъяв языческие тексты или скорректировав их в требуемом русле, но и внести свои дополнения, которые должны были быть сделаны в том же ритмическом рисунке, что и весь сохранившийся текст поэмы «Беовульф». Неслучайно в чисто стихотворном плане в поэме наблюдается однотипное построение строф, где начальный со-

гласный одного ударного слога в первом ударном полустиишии совпадает с начальным согласным одного ударного слога во втором полустиишии, а каждый стих, соответственно, состоит из двух полустиишии и при этом, что особенно важно, в каждом из таких полустиишии обязательно присутствуют два ударных слога (типа: *Waes se grimma: gaest Grendel haten*).

Данный момент полностью сохранен во всей поэме, что свидетельствует о несомненной поэтической одаренности соавтора, сумевшего воспроизводить и другую особенность древнегерманского стихосложения. Здесь следует сказать о том случае, когда ударный слог начинается с гласной, и все гласные оказываются в состоянии свободного варьирования между собой (типа: *Him se yldesta andswarode*). Таким образом, в поэме сохранялся так называемый «твердый приступ» (англ. *glottal stop*). Хотя надо отметить, что в те времена обучению приемов риторики и стихосложения уделялось большое внимание: им обучали монахов в аббатствах в Британии и особенно в римско-католических монастырях и семинариях в Италии, куда довольно часто аристократы отправляли своих сыновей и сами ходили паломниками, но все равно выполнить такую работу по стихотворным вставкам в уже существующее произведение было под силу только безусловно талантливому человеку.

Сам факт адстратного состояния двух вероучений – христианского и языческого, переходившего в субстратное состояние, – подчеркивается имевшей в то время неустойчивостью написания германских числительных, которые даются то в римско-католической форме, то в чисто германской, то в смешанной. Таким образом они совмещают в себе обе системы – германскую и римско-католическую. Например, германское написание:

Ic thaes leode heold

Я хранил державу

Fiftig wintra

Пятнадцать зим.

Сравните римско-католическое написание числительного:

XII wintra tid torn getholode

Двенадцать зим вождь достойный

Wine sculdinga weana gehwelcne

Друг скорби смертные

Sidra sorga.

И бесчестие терпел.

В то же время в поэме, как видно из приведенных примеров, сохраняется неустойчивость древнегерманского обозначения летоисчисления, при

которых годы даются в их обозначении через дни, ночи, зимы, и автор избегает обобщенного слова «год» или «сутки» (см. примеры, приведенные выше).

На очень древний период создания поэмы указывает также отсутствие наименования латинского, т.е. дохристианского пантеона богов и связанных с ними названий дней недели. Время в поэме подается как разделение на периоды жизнедеятельности главного героя, Беовульфа, – его рождение, детство, взросление, возмужание и смерть, наапример:

Tha waes on bugrum Beowulf Sculdinga,

Так долго правил твердыней

Leof leod cyning long thrage

Беовульф датский народоводитель.

В таких темпоральных периодах идет раскрытие линии авторского ракурса и схематичное построение кодового макета, который на поверхностном уровне представлен в стилистически многомерных детализациях.

Возможность подобных христианских дополнений, изменений, языческих искажений, изъятия и уточнений общих положений по новому вероисповеданию не представляется чем-то единичным и несвойственным для истории литературного творчества. Как показали исследования современных ученых (И.Г. Кошевой), во всемирно известную поэму «Слово о полку Игореве» несколько частей были вписаны, некоторые части изменены, а некоторые значительно расширены [3]. Причем сделано это было, так же, как и в поэме «Беовульф», безымянными авторами, поскольку в те времена произведения декларировались на слух и распевались бардами, гуслеями, акынами, которые не ставили своих слушателей в известность, кто был первым – исходным автором-создателем произведения, а кто был вторым или одним из последующих соавторов. В принципе, не исключено, что они сами не знали имена этих творцов и цензоров – соавторов или дополнителей. Но для нас важно подчеркнуть, что такие факты были присущи тому периоду творчества, т.к. они определялись слабой грамотностью населения.

Итак, рассмотрение поэмы «Беовульф» с позиции двоеверия, проведенное нами в русле современных теоретических требований с привлечением к анализу текста новых современных методов, позволяет заключить, что авторство поэмы «Беовульф» принадлежит не одному создателю, а, по меньшей мере, двум, где второй является соавтором лишь той части, которая вводит реципиента в круг христианского вероучения, но не лишает поэму платформы языческого восприятия жизни, быта, традиций и нравов древнегерманского социума.

Библиографический список

1. Бруннер К. История английского языка. М., 2007.
2. Ильиш Б.А. История английского языка. М., 1981.
3. Кошечая И.Г. К проблеме знака и значения. М., 2012.
4. Кошечая И.Г. Стилистика современного английского языка. М., 2009.
5. Свиридова Л.К. Роль эмоциональных структур в формировании категории тождества. М., 2004.

Е.О. Кузьмина

Поэтика жанровых разновидностей и структурных особенностей афористики С. Кржижановского

На основании анализа афористических высказываний писателя дается классификация жанровых разновидностей афористики как минимального жанра словесного искусства по тематике, целям и форме высказывания. Текст афоризма рассматривается как модель коммуникативного акта, в котором выделяются различные виды информации (информативная и верификативная), а также этапы процесса восприятия афористического высказывания, особенности его понимания и интерпретации.

Ключевые слова: афоризм-философема, идеологема, мифологема, персонологема, афоризм-ассоциация, эпиграмма, анекдот, автор-читатель, декодирование информации.

Важную роль в литературном творчестве С. Кржижановского играет афористика. Афоризмы писателя (их насчитывается около трехсот), выражающие с предельной краткостью мысли в оригинальной, художественно заостренной запоминающейся форме, включенные в пятый том собрания сочинений С. Кржижановского в раздел «Ненаписанное» («Афоризмы», «Записные тетради», «Записи, наброски, афоризмы на отдельных листах») [4], впервые появились в «Литературной газете» в 1935 г. под заглавием «Черновые записи Прутков-внука». Однако, как

замечает В. Перельмутер во вступительной статье к первому тому собрания сочинений С. Кржижановского, публикация вызвала отрицательную оценку, и в газете «Правда» 21 октября 1935 г. появилась редакционная заметка «Распоясавшийся пошляк», в которой остроты писателя С. Кржижановского, «потомка автора бессмертных афоризмов», были обозначены как «сомнительно дурно пахнущие» [6, с. 62–63].

В афоризмах, в которых воплотилось стремление автора в лаконичной форме дать оценку окружающей действительности, продемонстрировать переход из сферы быта в пространство бытия, чаще всего манифестируется или сентенция – умозаключение нравоучительного характера, или максима – логический, этический принцип, выраженный в краткой форме, или суждение, которое отражает определенный момент исторического, идеологического, культурного, социально-бытового развития общества. Отличительной особенностью жанровой сущности афоризмов писателя является их ироническая философичность, непосредственная связь с мирозерцанием автора и социокультурным контекстом эпохи 20–30-х гг. XX в. Следовательно, можно выделить следующие *жанровые разновидности* афористики С. Кржижановского:

- *по тематике* (афоризмы о жизни и смерти, литературном творчестве и литературной критике, об искусстве, образовании, религии, идеологии общества, назначении писателя);

- *по цели* высказывания (афоризм-философема, афоризм-идеологема, афоризм-культурологема, афоризм-мифологема, афоризм-гендерологема, афоризм-персонологема);

- *по форме* (когда форма направляет содержание) (афоризм-ассоциация, афоризм-эпиграмма, афоризм-анекдот, афоризм-эпитафия). Рассмотрим своеобразие афоризмов С. Кржижановского по их жанровым отличительным признакам.

Афоризмы-философемы передают жизненные установки автора, его мысли о вопросах бытия, о законах развития общества, об отношении к различным явлениям жизни. В своей совокупности афоризмы-философемы представляют собой философию жизни, в которой на первый план выдвигается непосредственное внутреннее переживание, раскрываемое в контексте исторического опыта духовной культуры. Писатель полагает, что жизнь необходимо понять с помощью методов вчувствования, вживания, сопереживания, которые направлены на понимание и самого себя, и других людей. Поэтому столь широк и разнообразен список тех понятий, которые охватывает автор в своей попытке дать им глубокомысленное толкование: бытие, земля, время, вечность, жизнь, истина, мышление, слава, смерть, культура, интеллигент, друг, любовь и др. Причем

к некоторым понятиям жизненной философии автор подбирает несколько вариантов определений, что свидетельствует о его рассудительном и серьезном отношении к фундаментальным вопросам бытия и философии жизни. При этом мысли выражены кратко, метко и изящно: *Бытие – перманентное чудо. Юдо в этом есть, а чуда нет; Гений: снежный ком, умеющий превратиться в лавину; Жизнь: игра в «нолики и крестики», – не переспорив ноля, ложимся под крест; Жизнь – глупая мучительная бессонница; Жизнь – сперва так, «ничего», а потом ничто; Интеллигент – это человек, который, когда его толкнут, отвечает: извините; Истина, знаете, это есть то, чего не бывает; Истину думаньем не возьмешь: тут надо включить мышление; Культура: труд, обращенный на свой талант; Мыслитель – не тот, кто верно мыслит, а тот, кто верен мыслям.*

Внутренний процесс борьбы с самим собой, неудачи в писательской деятельности формируют у С. Кржижановского пессимистическое настроение и трезвый, колкий, пародийный образ мыслей, боль сердца и боль ума: *Мыслить – это расходиться во мнении с самим собой.* Догматизм, упрощенный взгляд на культуру подвергаются ироническому «обмысливанию»: *Бытие пусть определяет сознание, но сознание не согласно; Я выбрал: лучше сознательно не быть, чем быть, но не сознавать; Самое омерзительное на свете: мысль гения, доживающая свои дни в голове бездарности.*

Афоризмы-идеологемы представляют собой высказывания, в которых отражается система взглядов, идей, характеризующих общество. Наблюдение и анализ его преобразований, переоценка духовных ценностей и внедрение в сознание людей новой идеологии определяют мировоззрение С. Кржижановского и вырабатывают в нем критический взгляд на окружающую действительность. Отдельные мысли писателя – идеологемы – являются отражением существенных сторон социальной действительности и представляют собой определенную форму духовной жизни общества и систему принятых ценностей. Официозные стереотипы и понятия массового советского сознания делают человека жертвой навязанных иллюзий, которые подвергаются в изречениях автора иронической оценке: *Сейчас незачем трудиться – зарывать талант свой в землю: другие зароят; Вместо крупных мастеров слова – мастера крупных слов.*

Афоризмы-культурологемы С. Кржижановского отражают особую реальность 1920–30-х гг., когда формировались те ценностные ориентации и идеалы, которые не соответствовали авторским принципам и установкам, отсюда и его иронический взгляд на бытийное измерение

культурного и социального развития советского общества: образование, литературу, критику, периодику. Сам автор выступает своеобразным фиксатором этических принципов и эстетических норм эпохи, он убежден, что искусство исчерпало себя, внутренне нелепо, абсурдно: *Искусство все-таки среднего рода; Пустыня – пустынная оттого, что в ней нет воды. Наша литература – пустыня оттого, что в ней нет ничего, кроме воды; У литературы выцпали все ее перья.*

Писатель иронизирует над стереотипами советского, унифицированного образа мыслей, переосмысливает знакомые всем тексты, цитаты, образы, отчего те приобретают новые, неожиданные смыслы: *У нас слаще всего живет Горькому, а богаче всех – Бедному; Произведения иных пролетарских писателей напоминают котлеты из свеклы или гороховую колбасу: по форме скоромно – по содержанию скоромно более чем надобно; Хорошо, если бы техника наших драматургов dorosла хотя бы до «Недоросля»; Если когда и был Бог, то люди давно довели его до самоубийства.*

Каждый компонент этих афоризмов-культурологом включен в культурную парадигму и может быть истолкован с помощью отсылок к понятийному полю, принятому в общекультурном контексте эпохи: *Наших критиков особенно интересует то, что ниже всякой критики; Учительница (детям): Первый римский триумvirат состоял из Кая, Юлия и Цезаря.*

Как видим, смелые, язвительные, иронические выпады автора в адрес литературы, литературной критики, писателей, образования передают его пессимистическую взгляд на характерные черты культурной эпохи 20–30-х гг. XX в.

Афоризм-мифологема связан с мифологическими сюжетами. В немногих афоризмах-мифологемах С. Кржижановского предпочтение отдается Орфею, которой является для писателя символом высочайшего искусства и профессионализма, а также борцу против филистимлян Самсону, являющемуся для писателя олицетворением мужества, стойкости и созидательной борьбы: *Писателей (музыкантов) разделяю на Орфеев и Морфеев; Самсона всегда предпочту Дон-Кихоту: ибо последний, кидаясь на мельницы, мешает их вращению, в то время как первый в поте чела вращает свой мельничный жернов; Самсон не боролся со своей мельницей. Он отращивал волосы, а может, и то, что под ними: мысль.*

Специфика языкового сознания и речевого поведения в афористических высказываниях автора выявляется также и в гендерном аспекте. *Афоризм-гендерологема* выражает в социокультурном плане статус чело-

века, обусловленный полом говорящего. С лингвистической точки зрения, гендер проявляется как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении, хотя данные о гендерных различиях речевого поведения весьма противоречивы [3, с. 182]. Тематика высказываний такого рода, а также речевая тактика в оценке женского пола отражает стереотипность мужского взгляда на природу женщины и ее место и роль в социокультурном жизненном пространстве. В афоризмах С. Кржижановского, с точки зрения гендерных особенностей, обусловленных ситуативным контекстом, выделяются фиксированные стереотипы, выражающие ироническое представление о женщине как объекте оценивания. Приведем примеры: *Там, где мужчина может только подсидеть, женщина может еще и подлежать*; *Теперь, когда не достать молока, только женское декольте напоминает мне, что я млекопитающее*; *Двояковынутые стекла его очков жадно ловили двояковыпуклости легко одетых встречных женщин*; *Любовница и жена на вкус – это телятина и... конина*.

Афоризмы писателя содержат множество добавочных смыслов, обогащающих буквальный смысл высказывания и нередко возводящих его в ранг философского обобщения. В «шутливой упаковке» непристойность становится допустимой шалостью и глубокомыслием.

Афоризм-персонологема касается биографии С. Кржижановского и отражает его собственные мысли о себе, содержит критический взгляд на свое место в литературе. Увидеть «жизнь глубинных пластов бытия», «понять сущность ее движения» может только писатель-мыслитель [1, с. 31]. Таким писателем-мыслителем и был С. Кржижановский, так и не увидевший при жизни в печати своих произведений, которые не являлись ответом на социальный заказ или пропагандой насущных идей социализма. Непонятный широкой публике оригинальным неповторимым языком и стилем своих произведений, не способный ни на какие компромиссы, создавая литературу, не отвечающую пролетарским стандартам и потребностям советской действительности, С. Кржижановский не печатался на страницах пролетарских журналов, оставаясь известным своей неизвестностью. Писатель, пишущий «не то», представлялся фигурой заведомо обреченной. Отсюда – опыт одиночества писателя, опыт обоснования себя в пространстве культуры, доказательство возможности существования с внутренней пустотой. «Источник всех моих горестей, – писал Кржижановский, – литературные невезятины». При относительной скупости биографических данных о С. Кржижановском, воспоминаний тех лиц, кто был наиболее близок писателю, значение афористических персонологем, выступающих в качестве собственного портретирования, зна-

чительно возрастает. В афоризмах-персонологемах представлены эмфатически переживаемые черты внутреннего мира писателя, параметры его целостного этико-эстетического идеала.

Творчество Кржижановского обусловлено личной необходимостью. Надежда на признание является основой существования. Но чем больше человек тратит сил на надежду и достижение цели, тем сильнее разочарование, если цель оказалась недостижимой. Поэтому страх разочарования увеличивает страх предстоящего опустошения: *Уж сколько лет сердце мое стучится в жизнь, а ему не отворяют; Раз почвы подо мной нет – значит, надо под почву; Единственные мои гости: мысли; Я известен своей неизвестностью; Я бы и хотел выйти из художественности (и совести), но не знаю, где дверь; Настроение – это предмет психологической роскоши. Я не могу себе ее позволить.*

Важный момент в концепции личности Кржижановского – тема жертвенности писателя как следствие принципиальной свободы и самостоятельности. В афоризмах-персонологемах фиксируется сложность личности автора, в которой сочетается опустошенность и трагизм бытия: *Я живу на полях книги, называемой: «Общество»; С сегодняшним днем я не в ладах, но меня любит вечность; Я – колесо, у которого отняли обод, вдернули спицы и говорят... «катись»; Меня выбросили из социализма, как слишком мелкую рыбу из сетей; Я – музей: все идеи, возникающие во мне, я погружаю в омут хранилища.*

Тем не менее творчество помогает жить и удерживает от распада. Однако при отсутствии хоть какого-то признания подкрадывается сомнение в объективной абсолютной ценности творческого созидания и остается банальное пьянство, и, пожалуй, именно это осознание и было для писателя наиболее трагичным опытом: *Алкоголь дает недоданную человеку жизнь, правда, начисляя 40% с его реальной жизни; Да, я опустил... на дно бутылки; Опьянение дает глиссандо мироощущений до мироощущения включительно* (итал. *glissando* – скользить).

Творчество, подразумевая обращенность к высшему началу, в конечном счете требует абсолютного признания творческого успеха, однако отдаленность цели порождает ощущение эфемерности жизни и напряженное предвосхищение смерти. Поэтому стержнем лексико-семантического ряда афоризмов-персонологем является ключевое слово «смерть». Неоднократно обыгрываемая тема смерти предстает как уход из бытия в небытие. Мысли о смерти преследуют писателя, потерявшего веру в жизнь и уставшего от нее: *Я не рискую жизнью – я иду на верную смерть; Близится станция назначения: Смерть. Пора укладывать мысли; Я не хочу, чтобы мое сердце достучалось. Ведь открывает ему Смерть; Я умер.*

И слышу рост травы надо мной. Это все-таки лучше, чем слышать пощечины на своей щеке.

Кржижановский утверждает трагическую судьбу писателя в образах странника, блуждающего по пустыне; остроконечного меча, место которого в ножнах; крапивы, беспощадно и больно жалящей словами правды: *Моя жизнь – сорокалетнее странствование в пустыне. Земля обетованная мне будет предложена с заступов могильщиков; Я не человек, но меч. Я лягу в гроб, как в ножны* (Варианты: *Пусть буду не человек, но меч, и в гроб меня пусть вложат, как в ножны. Я был мечом и в гроб лягу, как в ножны*); *Когда умру – пусть растет над моей могилой крапива и – в память обо мне – жалит.*

Афоризм-ассоциация (лат. *association* – присоединение, приобщение) – высказывание, в котором отражается и устанавливается связь между отдельными представлениями, образами; при этом одно из представлений вызывает другое, тем самым расширяя образный ряд понятий, предметов, явлений окружающего мира. Мышление в образах, свойственное автору, есть путь, возвращающий читателя от формы и оболочки знака к его первоначальному образному представлению – к замыслу, к самой идее. Автор как бы вовлекает читателя в игровую ситуацию – процесс опознания стереотипа в новом ассоциативном контексте, дающем работу творческому воображению. Например: *Единица всегда ходит тощей и с опущенным носом, а ноль чванно пятит свое двубрюшие; Вопросительный знак в юности был стройным восклицательным знаком. Но постепенно состарился, отвокнулся, стал горбиться крючком, оглох и лезет теперь ко всем со стариковскими переспросами; Ассоциативный ряд: на улице афиша о пианисте Марешаль (Париж) – котлеты марешаль – а на первое суп из Парижа – Гоголь, Пушкин... [4, с. 319].*

Афоризм-эпиграмма – короткое сатирическое стихотворение, но это может быть и колкое, язвительное умозаключение, носящее характер эпиграммы, адресованное, как правило, современникам С. Кржижановского, фамилии которых зашифрованы заглавной буквой: *Литератор Р. носит портфель под мышкой, как официант салфетку; Голова пародиста А. – увы – подобна солонке, в коей ни крупинцы соли; Критик Р. делает большие успехи: он уже умеет отличить гипотезу от гипотенузы.*

Афоризм-анекдот рассматривается нами, с одной стороны, как короткий, занимательный, смешной рассказ с неожиданной концовкой, с другой – как забавный поучительный случай из жизни или практически-бытовая реализация официально-массовых мифологем, раскрываемых в сюжетном механизме. Задача автора – создать и поддержать скрытую двойственность (амбивалентность) текста вплоть до наступления пуан-

та – финальной перемены точки зрения субъекта изображения, поворотного пункта, демонстрирующего возможность увидеть любую ситуацию в новом и неожиданном свете [7, с. 199]. Развязка анекдота заключается в соединении в комическом сообщении образов и скриптов (ситуаций), а их интерпретация происходит благодаря мобилизации социокультурной памяти; смех же является признаком того, что острота анекдота была адекватно воспринята:

1) – *Вы талантливый сатирик, но вас надо перевоспитать.*

– *Да? Разве сатира не есть искусство быть невоспитанным?;*

2) *О нашей периодике можно побасенничать так:*

– *Она красная?*

– *Нет, желтая.*

– *Почему желтая?*

– *Потому что зеленая (то же о смородине);*

3) *Апостол Пётр потерял ключи. Поиски. В это время у ворот скопились праведники. Нашел – открыл: праведники дерутся – как в очереди за маслом – в очереди за раем;*

4) *Писатель:*

– *я провожу идею о том, что...*

Идея (вмешавшись):

– *Нельзя ли без провожатых?*

Афоризм-эпитафия – надгробная надпись, стихотворение, которое автор приготовил для себя, сформулировав и подведя итог своей деятельности:

Когда умру, а это будет скоро, <...>

Пусть надо мной растёт, иглясь, крапива

И жалит всех, как мыслью жалил я:

Да будет мне, как и была, тяжка земля [4, с. 419].

Рассмотрим своеобразие структуры афоризмов С. Кржижановского.

В качестве единой доминанты афористической жанровой формы современное афористоведение указывает, прежде всего, на особое афористическое «дальше-мышление» [5, с. 26]. Исключенность отдельного афоризма из какого-либо контекста обуславливает «афористическую рецепцию», т.е. ситуацию необходимого индивидуально-читательского «допонимания», «достраивания» «смысловых пустот» афористического высказывания, не заполненных или не исчерпанных словом. В афоризмах С. Кржижановского как модели коммуникативного акта каналом коммуникации является цепочка: автор – текст (высказывание) – читатель (пассивный участник). Задача автора – в лаконичной форме не только передать информацию, некий ее смысл, но и создать и поддержать скры-

тую двойственность (амбивалентность) высказывания. Текст афоризма (непосредственно высказывание) в соответствии с законами жанра включает в себя два компонента: *информативную* часть (авторское видение мира), в которой содержится основная информация (фактологическая, концептуальная), и *верификативную*, в которой передается информация фоновая, дополнительная, оценочная, интерпретирующая (чаще всего подтекстовая). Автор кодирует, читатель декодирует сообщение. Поэтому можно выделить этапы «обратного» процесса в восприятии текста афоризма для читателя: 1) *принятие сообщения* – собственно восприятие, непосредственное раскрытие значений слов; 2) *фаза шока* – усилия читателя направлены на преодоление коммуникативного тупика; 3) *фаза осмысления* – понимание и интерпретация сообщения через анализ внешней вербальной формы и раскрытие внутреннего смысла сообщения; 4) *развязка* – понимание сообщения и реакция читателя, приводящая к фазе озарения, которая является признаком того, что острота афоризма была адекватно воспринята. *Понимание* включает в себя осмысление афористического текста по его компонентам, соотнесение языковых единиц с их значениями и установление отношений между ними. Что касается *интерпретации*, то она обозначает переход в восприятии текста афоризма на более глубокий уровень понимания, связанный с соотнесением языковых знаний с неязыковыми и получением выводных знаний на основе логического вывода [2, с. 248–249]. Такой тип эстетической организации текста афоризма превращается у С. Кржижановского в особый художественный прием.

Так, например, основная информация выражена в лаконичности и емкости следующих высказываний: *У нас часто путают властителей дум с блюстителями дум; Литература: борьба властителей дум с блюстителями дум*. Понимание данных афоризмов включает в себя осмысление текста по его компонентам: «властители дум» и «блюстители дум». Верификативная часть высказывания – присутствие в ней недостающей информации в виде фоновых знаний – вклинивается в текст афоризма, и этот художественный прием дает эффект диалогизации: читатель, мобилизуя ресурсы своей социокультурной памяти и соединяя авторское видение и дополнительную подтекстовую информацию, получает адекватное восприятие афоризма. Аллюзийная ссылка на два стихотворения: Г.Р. Державина «Властителям и судиям» (1780) и А.С. Пушкина «К морю» (1924), – дает представление о «властителях дум» человечества. Парономазийное обыгрывание известного слова «властитель» (тот, кто имеет власть: тиран, судия – у Державина, великий человек – у Пушкина) и новообразования «блюститель» (тот, кто соблюдает закон) разво-

дит эти понятия в афоризмах Кржижановского на противоположные по смыслу: «властителями дум» оказываются не свободно мыслящие творческие личности, а люди, зависимые от диктата власти, поэтому они превращаются в «блюстителей дум». Быть властителем дум – значит занимать позицию нравственного авторитета, воплощающего в своей личности и в своем творчестве комплекс представлений о служении Отечеству. Однако, с точки зрения автора, таких фигур в России больше нет, поэтому словосочетание «блюстители дум» обозначает утрату общепризнанных лидеров и снижение социального статуса литературы, освобожденной от многих традиционных обязательств, а также от обязательств властвовать умами, и потому литература есть всегда «борьба властителей дум с блюстителями дум». Соединение в одном высказывании взаимоисключающих друг друга понятий создает диссонанс в его логической структуре и приводит к логическому парадоксу: противоречивости между общепринятыми взглядами и авторским представлением о действительности.

Таким образом, тематическое, смысловое, стилистическое оформление афористических высказываний С. Кржижановского, представляющих собой вкрапление культурных реалий, философских, идеологических, религиозных, гендерных, персональных характеристик, разрушает жанровые каноны афористики и приводит к созданию новых типов жанровых разновидностей афористических образований по тематике, целям и форме высказывания. Текст афористического высказывания писателя опирается на информативные и верификативные дискурсы, существующие в виде фоновых знаний (идеология, культура, литература, образование), которые требуют от читателя их декодирования – понимания и интерпретации не только содержания, но и языковой, стилистической и эмоционально-экспрессивной информации оценочного характера. Парадокс, ирония, интертекстуальные связи, каламбурная игра слов и мыслей моделируют стилистические особенности афоризмов писателя. Эти речевые средства, кроме функции непосредственной передачи авторской позиции, выполняют и иные роли: во-первых, они служат для создания иронического контакта автора с читателем; во-вторых, активно воздействуют на читателя с целью расширения его критических знаний о ценностях бытия; в-третьих, демонстрируют интеллектуальное мастерство писателя, богатство и искусство его словотворчества.

Библиографический список

1. Бовшек А. Глазами друга (Материалы к биографии Сигизмунда Доминиковича Кржижановского) // Кржижановский С. Возвращение Мюнхгаузена. Повести. Новеллы. Л., 1990. С. 5–40.

2. Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003.
3. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и межкультурной коммуникации. М., 2004.
4. Кржижановский С. Афоризмы. Записные тетради // Кржижановский С. Собр. соч.: в VI т. Т. V. М., 2010. С. 312–431.
5. Кулишкина О.Н. Афоризм // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2008. С. 25–26.
6. Перельмутер В. После катастрофы // Кржижановский С. Чужая тема. Собр. соч. Т. 1. СПб., 2001. С. 5–73.
7. Тамарченко Н.Д. Пуант // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2008. С. 199.

Е.А. Моисеев

Поэтика комедии: Мольер и Грибоедов

В статье рассматриваются параллели в высоких комедиях Мольера и комедии «Горе от ума» Грибоедова: своеобразие идейного содержания (лицемерие, отцы и дети, деньги, лишний человек) и художественные особенности. Материалы статьи могут быть полезны при проведении факультативного занятия по литературе.

Ключевые слова: поэтика комедии: Мольер и Грибоедов, система образов высоких комедий Ж.Б. Мольера и «Горе от ума» Грибоедова, своеобразие идейного содержания высоких комедий Мольера и «Горе от ума» Грибоедова, «мировая литература», Тартюф–Молчалин, Альцест–Чацкий, Фамусов–Гарпагон.

Обращаясь к системе научных работ, посвященных формированию мировой литературы, можно подчеркнуть общую идею – черты сходства обуславливаются близкими условиями общественного развития этих народов. В искусстве народов стран Европы сменяются такие течения, как классицизм, романтизм, реализм и т.д. Актуальность проблемы взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур определяется не только новым уровнем науки о литературе, но и развитием самой литературы.

При изучении русской классицистической литературы, несомненно, следует обратить особое внимание на лучшие образцы комедии конца XVIII – начала XIX вв. Традиции мировой комедиографии, восходящие к творчеству Менандра, Плавта, Мольера и др., можно увидеть в «Недоросле» Фонвизина и еще более – в «Горе от ума» Грибоедова.

В первую очередь, начиная анализировать взаимосвязь творчества писателей, следует обратить внимание на эпоху, в которой творили писатели. Именно этот аспект одним из главных выделил известный литературовед А.Н. Веселовский в своем этюде «Альцест и Чацкий», выпущенном в книге «Этюды и характеристики» (1894). В нем литературовед сравнивал творческое наследие писателей, уделяя особое внимание исторической обстановке во Франции и России и возможности их сопоставления. Особая роль в этот период принадлежит театру, где среди самых прославленных драматургов звучат имена Мольера и Грибоедова. А.Н. Веселовский обращает внимание на социально-политическую злободневность комедии «Горе от ума», доказывая это тем, что во время выхода комедии (1825 г.) касаться вопросов, которые затрагивались в ней, было запрещено. Связь с мольеровским «Мизантропом» была замечена в узких кругах читателей, но на нее в то время не принято было указывать ввиду того, что «Критик этим самым выражает недоверие к оригинальности грибоедовского творчества» [3, с. 743]. Признание любого иностранного образца, писал А.Н. Веселовский, было бы ошибкой со стороны молодой литературной партии.

В 1757 г. в русском театре впервые ставят Мольера. Но зрители не до конца понимали суть его комедии «Мизантроп». По мнению А.Н. Веселовского, зритель относился к этой горячо написанной социальной комедии, как к другим французским пьесам, признанным классическими. Данью времени и салонного этикета было обязательное благоговение, любование хорошим стихом, сильными местами, благородною дикцией актера. Обличение пороков общества, т.е. настоящий замысел комедии, пишет Веселовский, будет понятен только позднее, когда «идеи просветительского века коснулись наконец и русской молодежи» [Там же, с. 745]. Еще раз затрагивая тему исторической обстановки, нужно особо отметить, что время написания Мольером своих комедий – это время антиправительственных смут и последующего общественного неустойчивости во Франции, время Фронды. Принцип «исправлять развлекая» (на который Мольер указывает в предисловии к «Тартюфу») оказался очень продуктивным: влияние комедий Мольера на общество было значительным. «Нужно было сильно проникнуться духом освобождающего западного развития, усвоить себе строгие требования от жизни <...>, чтобы находить в словах Альцеста отзвук того, что бушевало у себя на

сердце» [3, с. 744], что бушевало на сердце у Мольера и любого француза того времени. В русском обществе в силу указных причин никто не мог раскрыть замысел комедии Мольера «Мизантроп», пока А.С. Грибоедов не написал свою комедию «Горе от ума».

Вместе с тем интерес к французской культуре усилился во время похода русских войск на Париж. В декабре 1825 г. Россию всколыхнуло антиправительственное восстание декабристов. И именно этот год является датой выхода комедии А.С. Грибоедова. Через 150 лет русский народ начал переживать то, что во Франции уже было и о чем писал Мольер. Благодаря схожей исторической обстановке и выходу грибоедовской комедии, русские читатели смогли полностью понять неведомые до того тайны «Мизантропа». «Итак, нашелся наконец человек, который мог не только верно понять главную мысль мольеровской пьесы, но и воссоздать ее в самостоятельном произведении» [Там же, с. 750]. Идея, сюжет и его развязка в «Мизантропе» становились все более понятными и в силу того, что многие видные деятели, относительно близкие к кругу декабристов, были сосланы или сами удалились на время из общества.

При анализе системы образов комедий в первую очередь следует выделить такие идейно-художественные связи, как Альцест и Чацкий, Тартюф и Молчалин, Фамусов и Гарпагон. Рассматривая линию Тартюф–Чацкий, как общее можно выделить скрытый характер обманщика. Главная необходимая для того времени черта личности секретаря-домочадца – не столько быть компетентным, сколько заслуживать доверие хозяина. Именно это с успехом удастся сделать персонажам комедий, Тартюфу и Молчалину. Требуется также получить репутацию человека высокой нравственности и добродетельного поведения. Достигается это с помощью «модного» порока – лицемерия. Сам хозяин оказывается одураченным и оказывается на вторых ролях. По собственной глупости Оргон собирает отдать свою дочь Марианну обманщику Тартюфу, что является типичным поведением для «ослепленных» персонажей в комедиях Мольера (точно также происходит и в комедии «Скупой», где Гарпагон, выдавая замуж свою дочь, также не понимает своих действий, ориентируясь только на наживу). В комедии «Горе от ума» невеста видится как «трамплин»: к дальнейшему сближению – со стороны Фамусова, к дальнейшей карьере – со стороны Молчалина.

При анализе образов Чацкого и Альцеста можно сказать, что и тот, и другой являются жертвами социальной несправедливости. Чацкого можно назвать Альцестом, перенесенным во времена декабристов, которого окружила русская светская толпа двадцатых годов XIX в. Идеи авторов, Мольера и Грибоедова, находят свое выражение в репликах

Альцеста и Чацкого. Персонажи выражают эти идеи и не встречают понимания в общественной среде. В конце мы видим схожий финал: герои покидают сцену для скитаний по свету, «где оскорбленному есть чувству уголок» [1, с. 124]. Грибоедов останавливает повествование практически в тот же момент, что и Мольер. Альцест и Чацкий самоизолируются от общества. Фамусов обещает Софье, что она будет наказана, Лиза может быть отправлена в ссылку в деревню. Молчалин, потеряв доверие, может не только лишиться службы, но и повторить судьбу Тартюфа. Отношения со Скалозубом могут испортиться. Всего этого мы не знаем, но произведения классицизма позволяют «достраивать» сюжет на базе знания поэтики и существующих социально-политических принципов. Комедия Грибоедова может в значительной степени быть трактована с позиции жанра «высокой комедии», что предполагает трагическое содержание – «гибель прекрасного».

У персонажей комедий Мольера много черт, близких образу Фамусова. Это, например, Гарпагон, с его поучениями молодому человеку другого поколения, своему сыну, как надо жить: умеренно и аккуратно, но заботясь о сохранении и приумножении капитала. Гарпагон говорит, что надо отдать деньги в надежное дело, чтобы однажды найти их в целостности. Кроме того, он, также как и Фамусов, держит в строгости и повиновении свою дочь. Типично, что для него, как и для Фамусова, эта покорность оказывается иллюзией. Это связано с развитием социума и постепенным разрушением патриархальности, понимания роли главы семьи. Личность Фамусова раскрывается в его «заботе» о том, как достойно выдать дочь замуж. Характерно и то, что он руководствуется не чувствами дочери, а собственными светскими соображениями. Только он и знает, какой жених по-настоящему достоин ее («Не нынче-завтра генерал» [Там же, с. 37]). Точно также поступают и персонажи комедий Мольера. Гарпагон находит дочери Элизе жениха Ансельма. Как жених, он обладает превосходным качеством – богатый дворянин. Гарпагон замечает и еще ряд полезных качеств: ум, отсутствие обузы в виде семьи, к тому же, по понятиям Гарпагона, он еще не стар.

Похожи не только образы, но и сцены. Со временем Фамусов и Гарпагон узнают о «увлечениях» своих дочерей и намереваются всех разогнать, проучить и т.д.

Переходя к проблематике произведений, нужно тоже определить темы для рассмотрения. Это «тема отцов и детей», лицемерия, денег и службы.

Конфликт «отцов и детей» очень схож у Грибоедова с высокими комедиями Мольера. Например, в комедии «Скупой» мы видим, что Гарпагон обвиняет своего сына Клеанта в том, что он бездельник, мот, «строит из

себя маркиза». Фамусов же, в свою очередь, также обвиняет представителя нового поколения Чацкого: «именьем, брат, не управляй оплошно» [1, с. 31] и предлагает послужить.

Конфликт «отцов и детей» оригинально был представлен Мольером в трех поколениях. Рассматривая комедию «Тартюф», мы видим, что особо древним поколением является Госпожа Пернель. К старому поколению принадлежит Оргон, когда-то хорошо служивший королю и еще способный к службе. Далее идут молодые – все прочие герои комедии, в том числе и сын Дамис, и Тартюф. Их мышление кардинально отличается от старого поколения и со временем это мышление выйдет на главные роли в мировой литературе.

То же самое происходит и в комедии А.С. Грибоедова: древнее (времен Екатерины) поколение с архаическими взглядами, выраженное в особо радикальной форме, представлено госпожой Хлестовой. Старшее поколение представлено Фамусовым, прямолинейно и агрессивно отстаивающим позиции старого. Новое, молодое поколение представлено несколькими образами: служащим ради карьеры Скалозубом, критически настроенным неслужащим Чацким, шумящей молодежью в лице Репетилова.

Рассматривая тему лицемерия, нужно опять же вернуться к анализу образов Тартюфа и Молчалина. Помимо лицемерия этих персонажей, нужно рассказать о понятии лицемерия в принципе и проявлении его в других эпизодах комедий. «Лицемерить – принимать на себя личину, быть двуличным, облыжным, действовать притворно» [2, с. 429]. Лицемерие становится главным пороком общества нового времени. Лицемерие переплетается с обманом, под которым можно подразумевать старые традиционные приемы хитрецов и плутов. Очень важно уточнение ситуации – как функционирует обман в обществе, как он распространяется. Мольер показывает, что общество продолжает быть устроено традиционно – на феодально-патриархальной основе. И это несмотря на новые тенденции, новые профессии. Масштабное ростовщичество – явление относительно новое для XVII в. Однако семья ростовщика Гарпагона живет по-старому, он предпочитает устраивать отношения традиционно, т.к. это ему выгодно. Лицемерие для главы семьи – уже не столько хитрость, сколько образ мыслей. Если не найдут его украденные деньги, то общество не может защитить главные ценности. Выяснив, что должник в его руках и он может его грабить и «душить», как ему заблагорассудится, Гарпагон рассуждает о необходимости помогать ближнему. Присутствующий мэтр Симон, исполняющий обязанности посредника и юриста, соглашается. Не потому, что не хочет перечить, а потому, что

видит в этом общественное установление. Мольер нам показывает, что в каждой «ячейке» общества – по лицемеру, который занимает ведущую позицию. Это сформировавшийся лицемер Гарпагон – король лицемеров. Формирующийся лицемер Тартюф, сложившийся лицемер Оронт и пр. Лицемерие становится модным пороком. Так определил Мольер. Повторять эту сентенцию Грибоедову смысла не было. Ко времени написания комедии Грибоедова общество несколько продвинулось вперед. Вместе с тем имелась и традиционная специфика общественного развития. Лицемерие уже не перерастает в угодничество, а переросло, полностью трансформировалось. Можно только проследить «путь» этой метаморфозы в рассуждениях Фамусова о службе. Основа тактики поведения Фамусова, по его же рассказу, – лицемерие, но практически оно реализуется угодничеством.

С теоретической базой угодничества уже выступает Молчалин: «ведь надобно ж зависеть от других». Казалось бы, это похоже на следы исконного рабства. Однако все не так однолинейно. Именно Молчалин – главный лицемер в комедии. У него свой расчет. Все персонажи – актеры с четко занятыми позициями, достаточно прозрачными. Только Молчалин – хитрец и лицемер, как и Тартюф, он приспосабливается к любой среде, как хамелеон. Порок лицемерия уже не модный, а распространенный. Да он уже не осознается как порок. При этом очень важно, что Мольер его зафиксировал как порок – пока он не стал распространенным.

Таким образом, в отношении лицемерия мы видим сочетание литературной преемственности и адекватное отображение социально-общественного устройства в конкретную эпоху.

Важное место в комедиях занимает тема денег. Мольер и Грибоедов констатируют: деньги становятся со временем все большей силой. Перед властью и деньгами преклоняются уже все. Это особенно заметно «со стороны» – для приезжего Чацкого и стоящего в стороне от общества Альцеста. Также определяющей силой в обществе является власть вельмож. Даже имея большие деньги, Журден стремится получить протекцию, дружбу со стороны вельмож. Силен тем, что имеет доступ в высшие круги, и Оронт. Деньги и власть – две силы, которые все оттеснили в обществе, составляя теперь его основу.

И последним аспектом в сопоставлении произведений являются художественные особенности комедий. Используемый Мольером художественный метод – классицизм с элементами реализма. Художественный метод комедии Грибоедова – реализм с отдельными чертами классицизма. Черты реализма переносятся на тот образ, которому принадлежит перспектива общественного развития, как представляется писателю. Во

Франции в комедиях Мольера это простолюдин, слуга. В реальности же это финансовая буржуазия – Гарпагон. Таковы две главные и перспективные фигуры общества Нового времени.

В каждой высокой комедии Мольера и комедии Грибоедова есть все композиционные элементы, предполагаемые поэтикой классицизма: экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка. Комедии Мольера – наиболее характерный образец жанра т.н. высокой комедии. «Горе от ума» Грибоедова нельзя отнести к жанру высокой комедии. Однако связь с трагедией классицизма очевидна.

Для комедиографии Мольера характерно сочетание комедии характеров и комедии ситуаций. Тот же принцип используется и Грибоедовым. Особенность комедии Грибоедова в том, что каждый персонаж комедии – «характер», его действия и речи неожиданны для других персонажей, что создает «комедию ситуаций».

Подводя итоги, необходимо сказать, что в литературе еще с античных времен всегда существовали и будут существовать «вечные проблемы», всегда будет существовать круг определенных сюжетов, художественных приемов, идей и образов. Их создавало время и поэтому перекличка между ними есть. Но каждый писатель интерпретирует их по-своему. Так создавал свои комедии и сам Мольер, т.к. большая часть его творчества опирается на античную литературу. Из этого можно сделать очень важный вывод, что лишь в сопоставлении с предшествующими и последующими произведениями возможно понять произведение во всей его глубине, понять со всех его сторон. Читая произведения А.С. Грибоедова, мы можем уяснить то, чего мы не поняли в произведениях Мольера, они дополняют друг друга. И это можно применить не только к Мольеру и Грибоедову, но и к Пушкину и Байрону, Булгакову и Гёте и др. В сопоставлении мы лучше осознаем особенности эпохи. А.С. Грибоедов написал свое великое произведение в первой четверти XIX в., когда в России ощущалось сильное влияние культуры Франции, когда французский язык был обязательным в обществе. Татьяна Ларина у Пушкина пишет письмо по-французски, «Без грамматической ошибки я русской речи не люблю» [4, с. 234] – иронично комментирует это обстоятельство А.С. Пушкин. Действие «Войны и мира» Л.Н. Толстого происходит в этот период: часть романа написана на французском языке. А поскольку «Горе от ума» – произведение драматическое, то на что, как не на комедии великого драматурга Ж.Б. Мольера, оно должно опираться? Именно с комедии Грибоедова начинается становление жанра комедии высокого реализма в России, т.к. до него в жанре классицистической комедии писали сравнительно мало. Вершиной русской комедии является «Горе от ума».

Библиографический список

1. Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 2001.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 2002.
3. Мольер Ж.Б. Пьесы. М., 1997.
4. Пушкин А.С. Соч. в трех томах. Т. 2. М., 1986.

Л.Н. Сарбаш

Рецепция «инонационального»
в творчестве М.И. Невзорова:
мусульманский мир в «Путешествии в Казань,
Вятку и Оренбург в 1800 г.»¹

Мусульманский мир в произведении М. Невзорова «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» предстает в разнообразной этнической характеристике: уклад жизни, татарское богослужение, мусульманские молитвы и религиозная эпиграфика.

Ключевые слова: рецепция, «инонациональное», М. Невзоров, мусульманское богослужение в русской литературе, религиозная эпиграфика.

В русской литературе начала XIX в. широкое распространение получает жанр «путешествия», в котором описываются различные культурно-географические части Российского государства: это произведения П. Сумарокова «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и географическим описанием всех тех мест» (1800), «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» (1803–1805), «Прогулка по 12 губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 г.» (1839); В. Измайлова «Путешествие в полуденную Россию» (1802); П. Шаликова «Путешествие в Малороссию» (1803) и «Другое путешествие в Малороссию» (1804); К. Батюшкова «Отрывки из писем русского офицера о Финляндии» (1810); А. Бестужева-Марлин-

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 12-14-21004а.

ского «Поездка в Ревель» (1821); И. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (1823) и многие другие.

Одним из первых, обратившихся к путешествию русского по России, был М.И. Невзоров – русский поэт и переводчик, масон, сподвижник Н.И. Новикова. «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» Максима Невзорова (1803) – произведение с явно выраженной сентименталистской установкой, важным является передача чувства, которое сентименталисты считали основным духовным началом в человеке. Однако чувствительность не суживает и не ограничивает описание: в путешествии возникает широкое изображение российской действительности. М. Невзоров обратился к изображению жизни и исторического прошлого Центральной России и Поволжья, к этнографическим особенностям быта и уклада, обычаев и нравов народностей. В маршрут писателя входят как русские города и села, которые описываются со стороны достопримечательностей и ремесел, исторического развития (Богородицк, Покров, «Володимир», Мошки, Муром, Зябликовский погост, Павловское, Нижний Новгород, Лысково, «Василь-сурск»), так и местности, где рядом с русскими проживают нерусские («Кузьмодемьянск», Чебоксары, Казань). Писатель одним из первых в начале XIX в. обращается к описанию российской инородческой жизни.

Этнографический контекст обозначен в идейно-художественной системе произведения: в «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» возникает описание нерусских народностей – чувашей, мордвы, черемисов; дается яркий образ мусульманского мира – картина татарского уклада жизни. С документальной точностью описывается инациональный пласт бытия: от бытовой специфики до духовно-религиозной характеристики – свадебная и похоронная обрядность, описание мечети и мусульманского богослужения. «Татарское» идентифицируется как «мусульманское», как особая национальная характерология российской действительности и предстает в детализированном изображении.

Максим Невзоров описывает строение татарского дома и его внутреннее убранство, обращает внимание на внешний вид татар, отмечает своеобразие национальной кухни, отличающейся от русской. Художественная легитимация мусульманского мира создается описанием различных аспектов национальной жизни. Маркером «этнического» является национальный костюм, которому дается подробное описание. Татары носят скуфьи, надевая на них летом широкополые шляпы, а зимой меховые шапки с широкими опушками (по-татарски «чебак»); надевают два кафтана-халата – нижний короткий, верхний длинный; кожаную мягкую обувь – «чулки». Национальным украшением женского платья служат

перевязи, унизанные монетами, лоб покрывают «решетчато» жемчугом и носят пирамидальные шапки с монетами различного достоинства, «смотря по достатку» [2, с. 246]. Писателем выделяется национальный костюм как доминантный признак «этнического», который будет существенно дополнен религиозным.

Специфической художественной особенностью «Путешествия в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» является присутствие конфессионального этнографического материала: в повествовании выделяется большой национально-религиозный пласт – описание богослужения, мечети, религиозных атрибутов, введение текста мусульманских молитв. Писатель обращается к религиозно-этническому опыту народа, детерминантом национальной жизни выступает религия. Мусульманское богослужение описывается в сравнительно-сопоставительном аспекте с христианским, поясняется русским эквивалентом: призыв муэдзина к молитве – колокольный звон; ниша, символизирующая сторону Мекки, – алтарь храма; мулла (по-татарски), имам (по-арабски) – священник; возвышенное место, на которое всходит мулла, – клирос. Через «свое» намечается изображение «другого»; как писал И. Гончаров во «Фрегате «Паллада», «искомый результат путешествия – это параллель между чужим и своим» [1, с. 70]. Соположение национально-конфессиональных традиций позволяет выделить универсальное и специфическое в религиозном богослужении.

Мусульманский ритуал – «Татарское Богослужение», как «иное» в религии и культуре российского мира, передается в обстоятельной конкретике. Описывается культовое сооружение – мечеть и функциональное назначение ее частей: притвор, в котором снимают обувь, сам храм, где молятся, и ниша, изображающая Мекку, куда в молитве «духом» должны обращаться верующие. Мусульманский храм не имеет украшений, стены голые. Путешественник, будучи христианином, проявляет уважение и толерантность к иной религии, что следует из тональности авторских интенций в описании мусульманского богослужения: татары молятся, стоя на коленях, с чрезвычайным благоговением, автору кажется, что во время молитвы «ощутительным образом чувствуют над собою присутствие Бога сильного, мощного и страшного» [2, с. 225]. Во внешнем проявлении моление заключается в том, что верующие «утирают» руками лица, оборачиваются на правую и левую стороны и произносят слова: *Ассялаю Гяляйком Вярхмятулла! Т.е. Здравствуйте благие Ангелы Божии* [Там же, с. 224]. Невзоров маркирует повествование словом национальной речи, что вместе с другими атрибутами татарской жизни способствует созданию образа мусульманского мира. В произведение

вводится большого объема инонациональный религиозный текст, соответствующий различным моментам мусульманского богослужения. Вначале писатель дает призыв муэдзина, сзывающего на молитву: *Бог есть велик, Бог есть велик, и нет другого Бога, кроме одного. Магомет есть Пророк Его; поспешайте творить доброе дело Богослужения* [2, с. 221]. Затем даются пространные, на несколько страниц, тексты мусульманских молитв. Невзоров знакомит читателя с «мухаммеданскою» религией в ее конкретном выражении – религиозной проповеди, молитве, в которых содержится непосредственное обращение к Богу.

Автор-путешественник излагает «речь» муллы к верующим, в которой угадывается кораническая реминисценция суры первой – «Открывающей книгу», без которой намаз не полон и не закончен: *Да будет полная хвала Высочайшему создателю! Он есть един беспримерный и в единстве нет Ему подобного... Алла Боже мой Создатель! Алла Боже мой создатель! Алла Боже мой Создатель! Помилуй меня* [Там же, с. 229–230]. Писатель излагает пространное обращение к верующим слугителя ислама: мулла называет тех, кто первыми признали Магомета как посланника Аллаха, кто достойны уважения и почитания: это Абубакир, ставший, как известно, первым халифом, Усман – третий халиф, дяди пророка Хамза, Габбаль и другие. Описание этой культурно-религиозной традиции явно преследует просветительскую тенденцию. Трансфер религиозных текстов создает представление о мусульманской вере в ее основных и значимых доминантах, расширяет границы изображения российской действительности. Обстоятельный конфессиональный пласт занимает значительное место в повествовании о «татарском» и представляет собой достаточно редкое явление для литературного процесса начала XIX в.

Дается в «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург...» рецепция мусульманской обрядности, свадебной и похоронной, которая обстоятельно излагается в сравнительно-сопоставительном аспекте с аналогичными русскими обрядами. Максим Невзоров знакомит читателя и с религиозной эпиграфической культурой, передающей представления мусульманина о человеке и мироздании. Писатель приводит переведенную по его просьбе эпитафию на могильном камне, философские строки которой говорят о вечности Аллаха и бренности человеческого бытия: *Святой, непорочный, неизменяемый, непреложный, великий и всехвальный Бог говорит, что на земле сей нет ничего вечного; но сам великий и благоговейно поклоняемый твой Бог, о Мухаммед, есть вечен и ни начала, ни конца не имеет* [Там же, с. 249].

Повествование о «мусульманском» заключает большой историко-мифологический контекст. Эпиграфическая запись дает представление о

мусульманском летоисчислении, которое начинается от эгиры (эджры) – переселения Магомета из Мекки в Медину; первый год эгиры – 622 г. по Рождеству Христову: «От Егиры 936 лета в месяце Зилькагиде, из рук иноверца убит Мухаммед Галей Мухаммед Шахов» [2]. Делая необходимые подсчеты, писатель сообщает своему читателю, что сейчас у мусульман 1178 год от Егиры, по современному автору летоисчислению этот человек умер в 1558 г. [Там же, с. 250]. Путешественник отмечает, что эпиграфическая надпись содержит и слова пророка Мухаммеда: *Мир сей не вечен, и в нем нет совершенного спасения, Благослови Господи его спасение* [Там же, с. 249]. Писатель предлагает читателю узнать о мусульманской эпиграфике в записках своего предшественника Лепехина, пишущего о Поволжье и Урале. Автор «Путешествия в Казань...» выступает как человек глубоко религиозный, православный, но и другая вера, мусульманская, вызывает пристальный интерес и приятие.

В произведении М. Невзорова «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» создается всесторонняя картина татарской жизни. Мусульманская характерология предстает в разнообразных этнических проявлениях, как бытовых, так и культурно-религиозных.

Библиографический список

1. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. Фрегат «Паллада». М., 1978.
2. Невзоров Максим. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г. Ч. 1. М., 1803.

Г.А. Сорокина

Эмигрантский поэт А. Гингер – «прихожанин буддистского храма»

В статье рассматриваются буддийские аспекты в творчестве поэта А.С. Гингера – представителя молодого поколения русской эмиграции.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, эмиграция, буддизм, творчество А. Гингера.

«Прихожанин буддистского храма», – так написал о Гингере писатель русского зарубежья М.А. Осоргин. Принадлежность Гингера к буддизму

определила весь модус его творческой жизни, поведения и взаимоотношений с другими людьми. Большой интерес представляет взгляд на личность Гингера через призму литературы русского зарубежья.

Имя поэта Александра Самсоновича Гингера (1897–1965) почти неизвестно в России, однако оно было широко известно среди русской эмиграции. Он родился в Санкт-Петербурге, был участником Первой мировой войны, в эмиграции с 1920 г. Оказавшись в Париже, он сразу же начал активно участвовать в творческой и общественной жизни русской эмиграции. В 1921 г. группа поэтов и художников создала литературно-художественное объединение «Гатарапак», стала собираться в кафе на Монпарнасе – здесь читались стихи и доклады на литературные темы. Среди первых участников этого объединения были поэты А. Гингер, Б. Поплавский, Б. Божнев, С. Шаршун. В том же году они вступили в группу «Палата поэтов». Издательство «Франко-русская печать» взяло на себя публикацию сочинений поэтов-эмигрантов под одноименной рубрикой. В 1922 г. был издан сборник стихов Гингера «Свора верных». Таким образом, Гингер наряду с другими участниками этих объединений стоял у истоков «русского Монпарнаса», т.е. у истоков литературы младшего поколения русской эмиграции в Париже.

В хронике событий литературной и художественной жизни русской эмиграции 1921–1925 гг. выступления поэта Гингера зафиксированы почти на всех вечерах, заседаниях и вернисажах [6, с. 227]. В 1925 г. вышла вторая книга его стихов «Преданность», а сборник «Сердце» Гингер успел подготовить к изданию незадолго до своей смерти. Кроме того, его стихи печатались во многих других изданиях – имя поэта было широко известно среди русской эмиграции.

Оценивая его творчество, эмигрантский литературный критик Ю. Терапиано писал: «Гингер сразу, с первых же шагов нашел свою собственную манеру и показал большое техническое умение, порой – мастерство» [11, с. 227]. В другой статье Терапиано дал такую оценку: «Гингер – поэт своеобразный и острый, <...> одаренный от природы слухом, глазом и внутренней музыкой – Гингер... – поэт значительный» [12, с. 168]. Впоследствии, уже после смерти Гингера, писатель Газданов сказал о нем и его творчестве, что это «ни на кого непохоже, никто не был таким, никто не писал, как он. В ней (поэзии Гингера. – Г.С.) не было соблазнительной легкости, не было пронзительных лирических нот, не было “красивости”» [3, с. 671].

Анализ мемуарных материалов и писем тех, кто знал Гингера, свидетельствует о том, что существовала неразрывное единство, целостность творческого и личностного начала поэта. Представитель этого эмигрантского поколения К. Померанцев вспоминал, что Гингер был настоящий

пацифист. Ему близки были идеи индуизма и буддизма. «Этот последний своим осязанием мира, в котором царят болезни, страдания и смерть, и таким же осознанием необходимости противостояния им своими, но лишь духовными силами. <...> Думаю, что Гингеру было близко все, что он находил высокого во всех религиях. Так, он очень высоко ставил христианство, о чем свидетельствуют некоторые из его стихотворений. Но может быть, главной его отличительной чертой была честность с самим собой и верность своим принципам. Я не встречал человека, столь скрупулезно следовавшего принципам (к тому же довольно высоким), которые он сам для себя поставил» [8, с. 53–54].

Философ и критик Г. Адамович о Гингере написал, что он был одним из самых порядочных людей, которых ему довелось знать. «Конечно, Александр Гингер был и внешне, формально безупречно порядочен. Но была в нем прямота, была естественная, непоколебимая лояльность в дружбе, какая-то душевная опрятность: то, что к чертам общественно-обязательным причислить, к сожалению, нельзя. Далеко не все столпы общества ими обладают, и отсутствие их никто в упрек им не ставит» [1, с. 266].

В тяжелых условиях эмигрантского выживания, в условиях идейной и политической разобщенности, когда часть представителей эмиграции не смогла преодолеть искус национал-социализма, пойдя на прямое сотрудничество с ним, когда совершалось национальное и человеческое предательство, Гингер всегда оставался человеком чести, человеком высокого духа в глазах всего эмигрантского сообщества.

Для Адамовича же Гингер-поэт и человек неразделимы: «Он был подлинным, прирожденным поэтом. В его стихах есть та же прямота, несговорчивость, духовная требовательность, которые были в нем, как в человеке. Есть в них – и это, пожалуй, самое важное – неуклонный духовный подъем» [Там же, с. 267–268].

Образ Гингера, представленный его современниками, и его собственное представление о себе весьма далеки друг от друга, что вполне естественно. Интересна в связи с этим автобиография Гингера, опубликованная им как некое поэтическое произведение в сборнике «Преданность»:

Автобиография

Стихи без метра Сергею Шариуну

Родился в Петербурге.

*Был на военной службе (но не добровольцем,
а по обязательному набору).*

Труслив, мало интересен.

В этом в полной мере проявилась ирония и самоирония, присущая Гингеру. Вместе с тем, этот краткий текст дает нам некоторое представление о внутренней духовной работе, которую он совершал на протяжении многих лет. Можно предположить, что отсутствие определенной уверенности в себе в те годы, осознание своей внутренней сущности побудили Гингера к духовному совершенствованию и преобразованию собственной личности. Газданов, близкий друг поэта, вспоминал, что во время Второй мировой войны в течение четырех лет германской оккупации Парижа Гингер проявлял незаурядную смелость: он отказался покинуть Париж и носить на одежде желтую звезду, свободно расхаживал по городу. Газданову он говорил: «Вы же знаете, что я не еврей, я буддист». Возможно, что принадлежность к буддизму определила две основные особенности личности, о которых писал Газданов: «Своеобразную, спокойную мудрость – я не могу найти другого слова – и столь же спокойное мужество» [3, с. 667].

«Сверхспокойный ум» Гингера упоминал и Г. Адамович в письме к писателю В. Варшавскому, ставшему летописцем жизни и творчества младоэмигрантов [2, с. 490].

Буддийское мировоззрение было прочной жизненной основой Гингера, оно проявлялось в каждом его поступке, в обыденной жизни, в отношении к людям. Так, в разговоре с Гингером об одном советском писателе, часто приезжавшем в Париж, Газданов выразил презрение к этому писателю. Далее приведем разговор Газданова и Гингера в изложении Газданова: «Трудно передать выражение глаз Гингера. В них была мягкая насмешка и за ней что-то очень далекое и неопределенное. – Это все ваше душевное богатство? Больше у вас нет ничего по отношению к этому человеку? – Кажется, нет, милый друг, – сказал я. – А у вас? Презрение к нему вещь понятная, – сказал он, – хотя, вероятно, никого не надо презирать. Но я по отношению к нему испытываю еще жалость» [3, с. 667].

Такая жизненная позиция есть проявление сочувствия и сострадания к людям, что считается одной из важнейших добродетелей буддиста. Гингеру была присуща душевная мягкость. При этом «его суждения о людях были чаще всего неумолимо верны, и ввести его в заблуждение было очень трудно, он знал цену всем, с кем его сталкивала судьба. Но он никогда не осуждал тех, кто явно заслуживал осуждения, осознавая свое органическое, если так можно сказать превосходство над ними – превосходство, которое он упорно отрицал» [Там же, с. 671–672]. О характере Гингера писал и Померанцев: «Из непротivления и буддизма Гингера не надо выводить, что он был какой-то смиренной размазней. Далеко нет! В нем жило настоящее рыцарское мужество. Он любил силу, здоровье, смелость» [8, с. 56].

Многолетний «прихожанин буддистского храма» – это означает не что иное, как принадлежность к буддийской общине. Гингер, по-видимому, прошел там определенный путь ученичества, необходимые ступени буддийского воспитания под руководством наставника, что предполагает традиция этого учения. Об этом, в частности, свидетельствует буддийский погребальный обряд кремации тела умершего Гингера, проведенный в августе 1965 г. Спустя месяц в тринадцатом округе Парижа в присутствии родственников, друзей, близких, многочисленных коллег и почитателей Гингера в буддийском храме был проведен «день поминовения». Службу вел бонза в оранжевом одеянии, он читал и пел молитвы на «экзотическом языке» – так вспоминал эту прощальную церемонию Терапиано [10, с. 231].

Буддизм Гингер воспринимал очень глубоко и органично. Принятие этого учения было для него результатом глубоких философских размышлений о природе вещей, о природе всего сущего. Благодаря записям Газданова мы располагаем высказываниями Гингера на эту тему: «Вы знаете, почему я буддист? – спросил он меня однажды. – Меня всегда привлекало это непрекращающееся пантеистическое движение, это понимание того, что ничто не важно и что важно все, этот синтез отрицания и утверждения, который дает нам единственную возможность гармонического видения мира. Собственно не мира, а миров, которые возникают, исчезают, появляются вновь в преображенном виде, и время – это только бессильный свидетель их бесконечного смещения. Я верю, что ничто не исчезнет бесследно. И если бы я в это не верил, если бы лучшие вещи в нашей жизни были обречены на безвозвратную гибель, было бы слишком трудно, слишком тягостно жить, вы не думаете?» [3, с. 667–668].

Эта способность гармоничного видения мира, признание всех религий вдохновили Гингера на создание стихотворения «Доверие», посвященное католической святой Терезе, – стихотворение, подобное страстной молитве. Особая эмоциональная интуиция, которой обладал Гингер, позволила ему в поэтической форме передать и высокий мистический настрой католической молитвы (стихотворение «Доверие»), и символический образ Тибета (стихотворение «Тибетская песня»).

Каждое слово «Тибетской песни» имеет глубокий философский смысл, неразрывно связанный с буддийским учением. Как истинный буддист, осознающий единство мира, Гингер в созданную им картину мироздания с чувством глубокой благодарности включил и себя как неотъемлемую его часть. Согласно буддийской традиции, он также возносит хвалу всем живым существам:

*Хвала вам, шесть концов: Восток, Юг, Запад, Север,
 Зенит, Надир;
 пусть будет мир для всех: для ангела, для зверя
 пусть будет мир.
 Я одолел подъем дороги нетенистой –
 вот верх горы:
 привет вам, шесть концов, с вершины каменистой
 земной коры.
 Как все, кто до меня стоял на перевале,
 я вниз гляжу
 пред спуском – как и те, что здесь перебивали –
 я положу
 на кучу камень мой. Хвала живущим, жившим
 вблизи, вдали –
 на грани облаков свой камень приложивших
 к трудам земли. [цит. по: 8, с. 60].*

По словам Померанцева, это «одно из лучших его стихотворений, наиболее полно характеризующее его внутреннюю сущность» [8, с. 60].

Образная система поэзии Гингера в полной мере соответствует творческому кредо, которое он в завуалированной форме выразил в рассказе «Вечер на вокзале». В нем речь идет о некоем дневнике, где «факт и внешние формы были описаны крайне подробно, но души людей и вещей отсутствовали» [4, с. 78]. Для Гингера сутью творчества было именно постижение внутреннего. Как известно, буддийские практики направлены на выработку у адепта способности к преодолению иллюзорности сознания и постижению истинной реальности. Все, знавшие Гингера, отмечали его тонкое и проникновенное понимание жизненных обстоятельств, людей, литературы.

Имя Гингера вошло в историю эмигрантской литературы не только как оригинального поэта, он также оказал влияние на других авторов русской эмиграции. Среди них – Борис Поплавский. Известно, что Поплавский посвятил Гингеру два стихотворения: «Art poétique» (1925–1931) и «Блестит зима...» (1926–1931). В последнем Поплавский отразил сложный, высоко духовный человеческий образ Гингера:

*Но есть сердца, которые безумно,
 Бесцумно и бесчувственно горят.
 Они со счастьем спорят неразумно,
 Немогутствуют и новый рвут наряд [9, с. 270–271].*

Кроме того, для всего эмигрантского сообщества Гингер – «блестящий собеседник и мэтр, остроумно и беспощадно расправлявшийся с

“противной стороной” в свои беседы с поэтами, сложный, утонченный, скептический, совершенно равнодушный к внешним успехам – каким его изобразил под именем Аполлона Безобразова в одноименном романе Борис Поплавский» [10, с. 228]. Сам Поплавский, говоря, по-видимому, о таких качествах личности Гингера, как отрешенность и величие духа, в одном из писем задается вопросом: «Не стоит ли Гингер уже “по ту сторону”, “не воскрес” ли он в самом деле от людей?» [цит. по: 7, с. 31].

Кроме того, Поплавский, мировоззрение которого было связано с идеями всеединства, в статье «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции» рассматривал Гингера как одного из самых значительных мистических эмигрантских поэтов [10, с. 311]. Строки, посвященные Гингеру, свидетельствуют о том, что его поэзия в духовном отношении чрезвычайно близка Поплавскому.

С Газдановым Гингера связывала почти сорокалетняя дружба. Анализ творчества Газданова и Гингера приводит к мысли о глубинном, на уровне философского понимания действительности, сродстве этих двух людей. Газданов приводит один из многочисленных разговоров с Гингером, когда тот сказал: «Меня удивляет... что вы сами не чувствуете себя в какой-то степени буддистом» [3, с. 668]. Это в «какой-то степени буддистом» свидетельствует о многом и, несомненно, прочитывается в различных произведениях Газданова и, прежде всего, в романе «Возвращение Будды». В связи с этим не будет, по-видимому, преувеличением говорить об определенном влиянии Александра Гингера, как и в случае с Поплавским, на жизнь и творчество Газданова в контексте идей буддизма. И если Гингер был практикующим последователем, буддистом высокого уровня, то Газданову прежде всего присущ научно-философский взгляд на буддийское учение.

Гингер принадлежал к тому типу людей, которые, несмотря на свою скромность, оказывали большое влияние на окружающих. Об этом есть немало количество свидетельств, отзывов, воспоминаний его современников. Все, что мы сегодня знаем о Гингере, говорит о его особых ярких качествах личности, характерных для последовательного буддиста. Жизненный путь его был осознанным и целеустремленным и, позволим себе высказать эту мысль, наполненным неким «миссионерским» смыслом по отношению к другим людям. Однако «миссионерство» Гингера проявлялось в удивительно скромной и достойной форме. Для эмигрантского сообщества Гингер был значимой фигурой – были значимы человеческие, духовные ценности, которые он воплощал как в своем творчестве, так и в общественной жизни.

Библиографический список

1. Адамович Г. Об Александре Гингере // Мосты. 1966. № 12.
2. Варшавский В. Незамеченное поколение. М., 2010.
3. Газданов Г. Памяти Александра Гингера // Собр. соч. в 5 т. Т. 3, М., 2009.
4. Гингер А. Вечер на вокзале // Числа. 1930. № 2–3.
5. Гингер А. Преданность: Вторая книга стихов. Париж, 1925.
6. Ливак Л. Литературный авангард русского Парижа (1920–1926) // Диаспора. 2005. Вып. 7.
7. Менегато Е. Монпарнаса русского Орфей // Поплавский Б. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. М., 2009.
8. Померанцев К. Сквозь смерть. Воспоминания. Л., 1986.
9. Поплавский Б. Стихи // Мосты. 1966. № 12.
10. Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. 1930. № 2–3.
11. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Париж–Нью-Йорк, 1987.
12. Терапиано Ю. Парижские молодые поэты // Встречи: 1926–1971. М., 2002.

К.М. Веремьева

Представление о лингвистическом пространстве

Статья посвящена отражению пространственных отношений в языке, определено значение понятия «лингвистическое пространство». Также представлены три временные зоны, в которых, по мнению И.Г. Кошевой, осуществляется отражение объективного времени и пространства в языке (зона времени, зона антивремени и зона псевдовремени).

Ключевые слова: лингвистическое пространство, топонимия, ономастика, ономастическое пространство, зона времени, зона антивремени, зона псевдовремени, пространственная семантика.

Совокупность пространственных характеристик вещей типа длин, площадей, объемов, угловых размеров, отношений слева (*to the left*), справа (*to the right*) называется пространством. Пространство есть выражение сосуществования вещей (явлений, процессов). Совокупность временных характеристик вещей типа длительностей, отношений раньше (*earlier*), позже (*later*), одновременно (*simultaneously*) называется временем. Время выражает сменяемость вещей (явлений, процессов).

Современная лингвистическая мысль проявляет все более возрастающий интерес к отражению пространственных связей в языке и речи (М.М. Айтматова, В.Ш. Арсланов, Б.М. Балин, И.Г. Габинова, Ю.И. Костенко, И.Г. Кошечая, И.Я. Курилина, Л.Л. Нелюбин и др.). Объясняется это тем общеуниверсальным характером пространственных отношений, который проявляется в языке через систему многомерных структур, специфично преломленных в речевых ситуациях.

Сама речевая ситуация, будучи неоднозначной, способствует, как известно, выражению не только конкретно названной пространственной точки, но и общей ориентации человека в пространстве.

Толкование терминопонятия «лингвистическое пространство» весьма трудно обнаружить в современных лексикографических изданиях. Некогда сугубо философское понятие «пространство», интерпретируемое мыслителями как всеобщая форма бытия материи, стало общепризнанным явлением научной лингвистики, реализуясь в словосочетаниях типа «языковое пространство», «речевое пространство», «ономастическое пространство», «художественно-литературное пространство», «лингвистическое пространство».

Для философа смысловое наполнение понятия «пространство» (*space*) осуществляется посредством синонимического ряда слов *расстояние* (*distance*), *протяжение* (*extent*), *размер* (*size*), *количество* (*quantity*), *верх* (*head*), *низ* (*bottom*), *простор* (*spaciousness*), находящихся в оппозиции: *пространство вселенной* – *пространство земное* (*universe space* – *earth space*).

Языковед же не ограничивается кругом указанных ядерных лексем, обозначающих не только категории отвлеченной и конкретной предметности, но и семантические противопоставления периферийных пространственных атрибутов типа *близкий–далекый*, *окрестный–удаленный*, а также адъективов-антонимов – *широко–узко*, *глубоко–мелко*, *высоко–низко*, *внешнее–внутреннее*. Вместе с тем здесь нет интеллектуально-отраслевого противоречия, ибо философу важно постулировать общенаучное содержание объекта мысли, тогда как языковед систематизирует конкретные семантические группы с пространственной семантикой, описывает частичную панораму размерно-количественной картины языкового мира.

Система пространственных отношений в топонимии обусловлена самой логикой месторасположения имеющих свое название географических реалий, в их статике и динамике.

В литературе по научной ономастике пока еще нет заметных публикаций, касающихся лингвофилософской интерпретации ономастической и особенно актуальной в данном контексте топонимической лексики, которая является по своей сути очевидным вербальным знаком концепта «пространство», фиксирующего конкретное месторасположение объекта.

Ономастическое пространство вбирает в себя разные по семантике тематические группы собственных имен, включая агионимы (имена святых, почитаемых церковью), акронимы (символьные сокращения целых фраз и предложений, используемые в виртуальном общении), астронимы (псевдонимы, в котором вместо имени употреблены звездочки, набранные на верхнюю линию справа от буквы или самостоятельно), гелонимы (названия болот, заболоченных мест), гидронимы (названия водных объ-

ектов: рек, озер, морей, заливов, проливов, каналов и т.п.), дромонимы (названия путей сообщения), космонимы (собственное название зоны космического пространства или созвездия), урбанонимы (названия внутригородских объектов), хоронимы (название больших областей, стран, обширных пространств) и иные разряды онимов, описания пространственных пределов, в которых представляется актуальным ввиду малоизученности и безусловной перспективности.

Все многообразие форм, присущее связям в пространстве, отражается прежде всего лексико-синтаксическими средствами (значениями предлогов и падежей). Именно предложно-падежные формы выражают различные грамматические значения, составляющие в своей совокупности систему пространственных отношений.

Все типы пространственных значений, выражающихся в языке с помощью лексико-грамматических средств, можно разбить на две основные группы:

- с общим значением направления действия–движения в пространстве:
- с общим значением месторасположения предмета распространения действия–движения в определенной точке пространства.

Любое направление действия предполагает наличие как минимум двух точек в пространстве: одна из них является движущейся, а вторая – неподвижной. Неподвижная точка служит как бы ориентиром, к которому или от которого направляется движущийся предмет. Отсюда следует, что значение направления обязательно предполагает исходный и конечный пункты движения.

Как утверждает И.Г. Кошечкина, отражение объективного времени и пространства в языке осуществляется путем преломления характера протекания действия в трех временных зонах:

- 1) в зоне времени, отражающей реальное время как настоящее, совмещенной с пространством и совпадающее с моментом речи;
- 2) в зоне антивремени, отражающей реальное время как прошедшее, совмещенное с реальным пространством, но не совпадающее с моментом речи (поскольку предшествует ему как прошедшее);
- 3) в зоне псевдовремени, не отражающей ни реального времени, ни реального пространства, как будущее, поскольку оно еще не наступило и поэтому несовместимо с моментом речи.

Наличие реального пространства (его бытия) характеризует реальность времени, а его отсутствие характеризует нереальность времени. Развитие действия в настоящем и прошедшем времени не лишает его реальности пространства, в котором оно совершается. Развитие же действия в будущем лишает его реального пространства. Будущее выражает значе-

ние еще не наступившего пространства (или, иначе, сверхпространства). Поэтому действие в будущем представляется проблематичным и имеет две формы: модальную, выражаемую глаголами волеизъявления *shall*, *will*, и пространственную, выражаемую приставками (например, *пишу* – *напишу*).

Настоящее время – самое непостоянное из времен. Его скольжение по линии времени позволяет по-разному преломлять временной план в видовом. Все эти формы настоящего несовместимы непосредственно с формами будущего или прошедшего времени.

Переход действия в прошлое связан с идеей антивремени, т.е. отсутствующего времени. Оно было, но прошло. Однако понятия антивремени и связанного с ним пространства остаются реальными в прошлом, т.е. они не исключают реальности существования объекта в прошлом.

Переход действия в будущее основан на понятии псевдовремени (т.е. не наступившем и поэтому нереальном; соответственно, оно еще не достигло и реального пространства, которое поэтому выступает как сверхпространство), связанное с субъективным фактором.

По словам И.Г. Кошевой, отсутствие пространственного бытия в будущем создает понятие сверхпространства, т.е. такого пространства, которое еще не наступило и поэтому не связано с бытием как существованием объекта в настоящем или в прошлом. Для реализации существования объекта время должно совместиться с пространством. Только в этом случае процессность, в которой находится объект, может себя реализовать, а до этого время нереально.

Изучение языковых средств отражения пространства в речи представляет не только несомненный практический, но и непосредственно теоретический интерес.

Пространство, как одна из форм бытия материи, не может не найти своей изолированной и, главное, разноуровневой фиксации в языке. Будучи выражено как лексической, так и грамматической системой языка, пространство изначально выступает в нем в виде обязательной части языкового инвентаря, а именно той части, которая пронизывает и организует язык на уровне речи. Это касается, в первую очередь, слов-индикаторов конкретизированного пространства (типа собственно-топонимов, гидротопонимов и астротопонимов). Согласно исследованиям Р.У. Мацаевой и Л.К. Свиридовой, это те единицы вокабуляра, которые не просто фиксируют, а называют пространственное местоположение объекта на суше, воде или в космосе.

Топонимы – это особая часть языкового материала, которая имеет ряд отличительных свойств, позволивших для ее выделения, чисто условно,

обозначать ее написанием с заглавной буквы. К числу отличительных естественных признаков топонимов в английском языке можно отнести следующее:

- 1) конкретность наименования;
- 2) условность договорного характера, позволяющая соотносить название с точно обозначенной им пространственной точкой;
- 3) чисто грамматическое оформление собственно топонимов, которые при назывании местности, расположенной на суше, не допускают использования определенного и неопределенного артиклей.

Гидро- и астротопонимы обладают теми же тремя основными закономерностями, что и собственно топонимы, но, в отличие от собственно топонимов, им свойственно обязательное сочетание с определенным артиклем.

Итак, текст – это в первую очередь пространство. Феномены пространство и текст в определенном смысле могут быть признаны синонимичными. Сегодня категория пространства рассматривается как обязательная понятийная текстообразующая категория, причем анализу подвергаются разные аспекты бытия феноменов, например, текст как материальный объект в пространстве реального мира, культура и текст, внутренне пространство текста его объективные и субъективные составляющие, «текст в тексте», метатекст и др.

Библиографический список

1. Кошечкина И.Г. Грамматические структуры и категории английского языка: теоретический курс. М., 2010.
2. Кошечкина И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков: Учеб. пособие. М., 2008.
3. Нелюбин Л.Л. Лингвистика современного английского языка. Изд. 3-е, перераб. М., 1990.
4. Проблемы языка и речи в современном лингвистическом пространстве: Межвуз. сб. науч. ст. / Сост. Фомиченко Л.Г. и др. Волгоград, 2005.
5. Свиридова Л.К. Грамматические связи некоторых конкретно пространственных существительных в языке и речи (на материале современного английского языка). М., 1998.
6. Фролов Н.К., Белякова С.М. Пространство и время в языке, язык в пространстве и времени. Тюмень, 2005.

Н.А. Калёнова

О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистике

В обзорной статье представлены основные направления современных отечественных и зарубежных лингвистических изысканий в области эпистолярной коммуникации. Частное письмо рассмотрено как объект лингвистики во всем многообразии исследовательских подходов. Обозначены результаты и перспективы изучения частного письма.

Ключевые слова: частное письмо, теория частного письма.

«Антропоцентрическая энергетика» [1, с. 16] формирующейся современной лингвистики отражается на выборе методов, подходов, источников исследования языка и речи. В последние годы все активнее исследуются такие продукты речемыслительной деятельности, как дневники, мемуары, записки, пометы в блокнотах (Н.Н. Кознова, С. Федоровская, Г.Г. Елизаветина, Л.Я. Гинзбург, А.Г. Тартаковский, Н.А. Николина, О.Г. Егоров, А.С. Петровский, В.Д. Осоцкий) и т.д. Особое место в ряду этих источников занимает частное письмо (О.П. Фесенко, Н.А. Ковалёва и др.).

Возникновение частного письма ученые (Е.К. Куварова, В.А. Сметанин и др.) связывают с зарождением письменности. На заре становления социальной коммуникации появляется необходимость в таком способе, канале, который был бы способен реализовать потребность в общении людей, разделенных расстоянием, лишенных возможности живого непосредственного диалога. Интерес к частному письму в науке также имеет древнюю историю, начинаясь с античной теории эпистолярного стиля [11, с. 49–69; 14, с. 3–5].

Несмотря на то, что частное письмо подвергается разноаспектным исследованиям в современной лингвистике (Н.А. Ковалёва, О.П. Фесенко, Т.Н. Кабанова, Е.К. Куварова, и др.), само определение «частное письмо» остается нечетким. Словарные дефиниции фиксируют такие характеристики письма, как 1) текст, 2) посылаемый/передаваемый (на расстоянии); 3) кому-либо; 4) с целью сообщить о чем-либо. При этом названные признаки могут быть релевантными в отношении не всех документов, квалифицирующихся как письма, и наоборот, могут быть соотнесены с другими видами документов. Например, известна «Переписка из двух углов» Вячеслава Иванова и Михаила Гершензона: *Наша*

*случайно начавшаяся переписка из угла в угол начинает меня занимать. Вы помните: в мое отсутствие вы написали мне первое письмо и, уходя, оставили его на моем столе; и я отвечал вам на него, когда вас не было дома. Теперь я пишу при вас...*¹ [6, с. 387]. Документы содержат написанные тексты, посылаемые для сообщения чего-нибудь кому-нибудь (участники коммуникации оставляли письма на столе), созданные для изложения своих мыслей, выражения своих чувств, однако коммуниканты не были разделены расстоянием.² В дефинициях подчеркивается существенный признак письма – документ *посылаемый*. Однако письма могут быть созданы и не отправлены. Так, существуют два письма Н.В. Гоголя [4, с. 435–446], одно из которых так и осталось у адресанта. Записка, переданная от одного человека другому³ – *текст/бумага с текстом, переданный адресату с целью сообщить о чем-либо*, не является при этом письмом.

Возрастающий интерес к частному письму как объекту лингвистического исследования (Н.А. Ковалёва, О.П. Фесенко, Т.Н. Кабанова, И.А. Лешутина и т.д.) выявляет терминологические трудности и призван их преодолеть. Письмо рассматривается как текст, жанр, стиль, дискурс [15], при этом термины, которыми оперируют ученые, часто взаимосвязаны, взаимоопределяемы. Например, характеризуя частное письмо как специфическую форму общения, как адресованную речевую деятельность, А.В. Белова уточняет: «переписка отражает дистантный диалог, диалогическое общение двух коммуникантов, которое представляет собой эпистолярный дискурс» [2, с. 9]. Наиболее полно, на наш взгляд, частное письмо изучено Н.А. Ковалёвой: «Представля личностное речевое общение, эпистолярный отражает культуру, язык, стилистику своего времени в лексико-семантическом и синтаксическом контексте. Жанр текста письма – социально обусловленная конвенция языкового общения, существующая как единство коммуникативно-прагматических, структурно-семантических и эмотивно-аксиологических свойств. Коммуникативные функции эпистолярия отвечают запросам эпохи и эволюционируют вместе с ней...» [10, с. 6]. Как вторичная речевая форма синкретичного типа, эпистолярный жанр включает в свой состав первичные жанры (приветствие, просьба, благодарность, пожелание, приказ [Там же, с. 13].

¹ Письмо М.О. Гершензона В.И. Иванову, 19 июня 1920 г.

² «Летом 1920 года Иванов и Гершензон волей случая оказались в одной комнате московской здравницы для работников науки и культуры» [15].

³ Например, на собрании, где невозможна/нежелательна непосредственная коммуникация, даже если коммуниканты не разделены расстоянием, а сидят рядом, но не могут/не желают разговаривать, чтобы не мешать выступающему, не привлекать всеобщее внимание и т.д.

Стилистика лексико-фразеологического состава частного письма, как справедливо утверждает Н.А. Ковалёва, определяет его жанровые характеристики [10]. Частное письмо как источник исследования языковых единиц разного уровня интересует ученых (А.М. Дубинина, Н.А. Ковалёва, О.П. Фесенко и др.) в силу того, что частное письмо наиболее приближено к ситуации реального общения, в которой проявляется все многообразие речевых свойств языковых единиц. Совмещая традиционный структурно-семантический и функциональный анализ фразеологических единиц с концептуальным и дискурсивным, а также синхронный и диахронический аспект исследования, О.П. Фесенко выявляет дискурсивные свойства дружеского эпистолярия, реализующиеся средствами фразеологии [14].

Специфика языковых единиц, придающих тексту частного письма свойства «разговорности», – в своеобразии их использования, в смысловых наращениях семантики единиц разного уровня и т.д. [18]. Письмо, занимая промежуточное положение между разговорной и книжной речью, оптимально подходит в качестве источника для решения общих проблем теории текста и речевого жанра [2]. Изучение живой неподготовленной речи имеет свои источниковедческие проблемы (В.В. Виноградов, Л.П. Крысин, Г.Я. Солганик, Л.В. Яссман и др.), решению которых в некоторой степени может помочь обращение к тексту частного письма. Набор обыденного речевого инструментария, используемого участником эпистолярной коммуникации, так или иначе отражен в частном письме.

Одним из перспективных направлений научного поиска является сопоставительный анализ языкового своеобразия источников личного происхождения автора и его художественного произведения (О.А. Подъяпольская, S. Wright и др.). Двухнаправленное сопоставительное исследование показывает эффективность лингвокогнитивного, дискурсивно-прагматического подходов. Не обозначая свою приверженность к этим парадигмам, S. Wright тем не менее результативно сравнивает: 1) А) события/сюжетные действия эпистолярного романа и Б) реальные истории, отраженные в письмах; 2) А) язык частного письма и Б) язык эпистолярного романа, аргументировано доказывая гипотезу о прямой соотнесенности наблюдаемых явлений [20]. На наш взгляд, проблема соотнесенности языка частного письма и языка художественного произведения актуальна для когнитивно-дискурсивной лингвистики.

Период становления современного русского языка в XIX в. подвергался разноаспектным исследованиям (Ю.А. Бельчиков, Р.А. Будагов, Е.Ф. Будде, Л.А. Булаховский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур и др.), однако частные письма – особый материал для анализа происходивших

в языке изменений [10, с. 66–69]. Использование двух языковых систем в коммуникации, а если речь идет о частном письме, то в коммуникации повседневной, представляет большой интерес для ученых не только в связи с сопоставительными исследованиями, диахроническими, но и когнитивно-дискурсивными. В современной лингвистике проанализирована специфика билингвизма как речемыслительной деятельности на материале писем российских дворян. Выбор языкового кода, как считает В.М. Блинохвотова, зависит от многих факторов, среди которых пол коммуникантов, степень близости их отношений, речевые нормы, эмоциональное состояние адресанта, отсутствие таких единиц в первом языке для обозначения некоторых объектов реальной действительности, которые есть во втором, и т.д. [3]. Специфика авторской русско-французской фразеологии и французских вкраплений в двуязычной переписке соотносится с языковой ситуацией и речевой культурой русского общества XIX в. [5]. Описывая двуязычно-диглоссийную ситуацию второй половины XVIII – первых десятилетий XIX вв., А.М. Дубинина определяет роль и место фразеологии и французских вкраплений в частном письме и авторских идиостилиях русского литературного языка. Выявление специфики билингвизма/двуязычно-диглоссийной ситуации XIX в. открывает перспективы когнитивно-дискурсивного анализа речемыслительной деятельности, механизмов создания речевого произведения, коим является частное письмо.

В когнитивно-дискурсивной парадигме поднимается вопрос о гендерных особенностях речевой коммуникации (А.А. Денисова, В.И. Карасик, Г.Е. Крейдлин и др.). Эпистолярный в гендерном аспекте – малоизученный феномен, при этом проблем, касающихся различий и в создании эпистолярного дискурса, и в его восприятии, достаточно много [17; 21]. Интересно обратить внимание не только на различия в «манере письма» (в выборе языковых средств, композиционном своеобразии, в специфике использования этикетных формул и т.д.), но и на то, какие объекты/явления реальной действительности репрезентированы в эпистолярном дискурсе. Обратимся к примеру «женского» письма: *Если ты хочешь знать Московские новости, скажу тебе, что соседка наша Соковнина при смерти вследствие родов*¹. *Соллогуб родила сына*². *Вот неделя как я не видала Вяземского. И муж и жена*³ *оба больны. На наших*

¹ Соковнина Софья Васильевна (урожд. кн. Хованская) умерла 22 мая 1812 г. на 24 году жизни [7, с. 568].

² У графини Софьи Ивановны Соллогуб (урожд. кн. Хованской), жены графа А.И. Соллогуба, 18 мая 1812 г. родился сын Лев, который был на год старше своего брата, известного писателя В.А. Соллогуба (1813–1882) [7, с. 568].

³ Вяземская Вера Федоровна (урожд. кн. Гагарина) (1790–1886), жена П.А. Вяземского с 18 октября 1811 г. [7, с. 568]

*вечерах постоянно бывало много гостей, так как из всех знакомых домов только в одном нашем аккуратно принимают каждый день*¹ [7, с. 560]. Те объекты / явления реальной действительности, которые нашли то или иное отражение в эпистолярном дискурсе, являются актуальными в жизни, в восприятии мира адресантом, будь то мужчина или женщина. А это уже знание о картине мира (индивидуальной, характерной для той или иной эпохи, и т.д.), о специфике восприятия повседневности и т.д. Перспектива гендерных исследований эпистолярия связана, на наш взгляд, с развитием гендерной теории и методики, а также с тем, что письма представляют собой интересный, насыщенный источник для подобных изысканий.

Частное письмо как результат речемыслительной деятельности адресанта привлекает внимание ученых с психофизиологической точки зрения [19]. Экспериментально доказана роль когнитивных механизмов в создании частного письма. Испытуемые 1) с афазией (после инсульта), 2) с нарушениями умственной и речевой деятельности как следствием травмы головного мозга, 3) не имеющие травм и нарушений головного мозга, создавали эпистолярные тексты. Проследив реализацию двух функций частного письма (информативной и функции социальной коммуникации) в исполнении реципиентов всех групп, автор делает вывод, что нарушения головного мозга отражаются в структуре и языковом коде письма. Авторы писем, страдающие афазией, например, следуют целостной структуре письма, однако в меньшей степени используют богатства родного языка. Эксперименты, отмечает L. Mortensen, необходимо продолжать, а их результаты нуждаются в глубоком осмыслении [19, с. 247]. Частное письмо как результат речемыслительной деятельности должно стать междисциплинарным объектом, в том числе и психолингвистики, особенно экспериментальной. Например, с целью выявления взаимосвязанных тенденций изучен цикл из 23 писем самоубийцы. Анализируемый эпистолярный охватывает около двух лет до смерти автора. Ученые находят в тексте частного письма закономерности, лингвистические маркеры формирующейся мысли о самоубийстве [16]. Такие исследования как интересны науке, так и полезны в практике при работе, например, психологов по предотвращению суицида, а разработанную методику можно «наложить» на другие источники личного происхождения.

Участники эпистолярной коммуникации находятся по разные стороны эпистолярной цепочки, попеременно выступая то адресантами, то адресатами. Механизмы реализации одной или другой коммуникативной роли

¹ Письмо М.А. Волковой В.И. Ланской, 18 мая 1812 г., М.

нуждаются в изучении в аспекте когнитивно-дискурсивной деятельности языковой личности: «Переписка создает контекст реального диалога, который ведется с реальным собеседником, что воспроизводит исторический адресантно-адресатный облик коммуникантов» [11, с. 14]. Взаимосвязь участников эпистолярной коммуникации анализируется через категорию адресованности, которая является одной из ведущих категорий эпистолярного текста [12]. Признание позиции адресанта лидирующей происходит через призму языковой оценки как антропоцентрической категории [9].

Коммуникативная структура частного письма имеет свои особенности. На материале эпистолярия русской интеллигенции XX в. изучена специфика эпистолярного текста с позиций теории речевого общения [8]. Характеризующая письмо фатическая функция, как считает Т.Н. Кабанова, реализуется контактоустанавливающими и контактоподдерживающими единицами, являющимися коммуникативно-организующими, они обязательны в любом письме [Там же]. Прагматический анализ обратной эпистолярной коммуникации как дистантного диалога обнаруживает роль языковых средств в речевом оформлении интенций, в формировании эмоционально-интимного тона переписки, особенности речевого поведения коммуникантов с учетом их языковой личности и ситуации общения [2].

Необходимость в когнитивном, дискурсивном, лингвопрагматическом, лингвокультурологическом подходах к языку и речи обусловлена тем, что «реализация и интерпретация определенных стратегий речевого общения не могут осуществляться без учета многообразных личностных и социокультурных аспектов коммуникативного процесса» [1, с. 17]. Перспективы изучения частного письма, на наш взгляд, находятся в русле этих антропоцентрических направлений. Интересны в этом плане не только письма известных личностей, владеющих элитарной речевой культурой, но и письма простых людей. Письма разных эпох в развитии языка с лингвистической точки зрения – тот материал, который позволит пополнить знания о диахронических процессах как в языке и речи, так и в становлении языковой картины мира. Анализ языковых особенностей писем одного адресанта в разные временные периоды с учетом экстралингвистических данных, сопровождающих создание письма, позволит проследить, как репрезентируются те или иные события из жизни адресанта, чем обусловлен выбор вербальных средств, коммуникативных стратегий и т.д. Эти и многие другие проблемы лингвистических исследований частного письма составляют перспективу научного поиска.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: Сб. науч. тр. / Сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. М., 2011. С. 16–27.
2. Белова А.В. Лингвопрагматическая характеристика обратимой эпистолярной коммуникации (на материале переписки Ал.П. Чехова и А.П. Чехова): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
3. Блиохватова В.М. Русско-французский билингвизм российского дворянства первой половины XIX в. (на материале писем): Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.
4. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. в 14 т. Л., 1952. Т. 13.
5. Дубинина А.М. Русско-французский эпистолярный I половины XIX века: фразеология и иноязычные вкрапления: Дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2005.
6. Иванов Вяч. Собр. соч. в 4 т. Брюссель, 1979. Т. 3.
7. Из писем М.А. Волковой В.И. Ланской, 1812–1818 гг. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] А.К. Афанасьева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2007. [Т. XV]. С. 558–569.
8. Кабанова Т.Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (На материале рукописных и опубликованных текстов XX в.): Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004.
9. Кирьянова А.П. Адресант эпистолярного текста в аспекте языковой оценки: на материале писем М.И. Цветаевой: Дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2007.
10. Ковалёва Н.А. Русское частное письмо XIX в.: Коммуникация, жанр, речевая структура. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.
11. Лешутина И.А. Константы и переменные русской «почтовой прозы» первой трети XIX столетия. М., 2006.
12. Подъяпольская О.Ю. Типология адресованности в текстах эпистолярного жанра: на материале писем Ф. Кафки: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004.
13. Синеокая Ю.В. По ту сторону бесконечного тупика (Проблема культуры в философии Серебряного века) // Философский журнал «Логосфера». URL: <http://runivers.ru/philosophy/logosphere/60182/> (дата обращения: 17.05.2012).
14. Фесенко О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2009.
15. Фесенко О.П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2008. № 23 (124). Вып. 24. С. 132–143.
16. Barnes D.H., Lawal-Solarin F.W., Lester D. Letters from a Suicide // *Death Studies*. 2007. Vol. 31. № 7. P. 671–678.
17. Christer G. Gender-Based Variation in Nineteenth-Century English Letter Writing // *Language and Computers, Corpus Analysis: Language Structure and Language Use* / Ed. by Pepi Leistyna and Charles F. Meyer. Rodopi. P. 87–106.
18. Daher J. Written Arabic of Personal Letters // *International Linguistics Community Online: Academic Paper*. URL: <http://linguistlist.org/pubs/papers/browse-papers-action.cfm?PaperID=6881> (дата обращения: 17.05.2012).

19. Mortensen L. Written Discourse and Acquired Brain Impairment Evaluation of Structural and Semantic Features of Personal Letters from a Systemic Functional Linguistic Perspective // Clinical Linguistics and Phonetics. 2005. V. 19. №. 3. P. 227–247.
20. Wright S. Private Language made public: The language of letters as literature // Poetics. 1989. Vol. 18. № 6. P. 549–578.
21. Fesenko O.P. On gender notions correlation and individually – author's style (on material of the friendly letters) // Scientific notes. Krasnoyarsk. 2006. Vol. 4. P. 84–85.

В.П. Пинковский

Sensiblerie и литература XVIII столетия¹

В статье рассматриваются факторы формирования преувеличенной чувствительности во французской культуре XVIII в. и реакция языка и литературы на это явление.

Ключевые слова: французская культура XVIII в., «слезная комедия», *sensiblerie*, классицистические нормы вкуса.

Появление в языке новых слов предметной сферы – вещь столь же обычная, как и исчезновение их из активного употребления вслед за уходом обозначаемых этими словами предметов. Новая абстрактная лексика, производимая научной сферой, тоже не редкость, но даже та ее часть, которая удостоивается терминологического статуса, редко становится достоянием и общеупотребительного языка. Совсем редкий случай – появление в общеупотребительном языке отвлеченных существительных, синонимичных давно бытующим. Такое явление заслуживает особого внимания, потому что свидетельствует о больших культурных сдвигах.

Примерно в середине XVIII в. во французском языковом обиходе появилось слово *sensiblerie*. Назвать точное время появления этой лексемы

¹ Статья написана в рамках выполнения государственного задания 6.2609.2011 «Система жанров французской поэзии XVIII века».

затруднительно: она отсутствует в словарях XVII в. и по крайней мере первой половины XVIII в. [5; 8; 9], но в лексикон конца XVIII – первой половины XIX вв. входит прочно, означая неестественную, преувеличенную чувствительность («*affectation, exagération de la sensibilité*» [11, p. 365]). Показательно, что французский язык, с его расчетливым словообразованием, склонный скорее к переосмыслению наличных слов, чем к изобретению новых (в отличие от русского), вынужден был в определенный исторический момент отреагировать неологизмом на не выделявшееся ранее явление.

В искусстве первым симптомом нового явления стало появление так называемой «слезной комедии» (*comédie larmoyante*). Известный французский филолог Г. Лансон, занимаясь историей этого жанра, пришел к выводу, что слезная чувствительность как черта искусства и общественных нравов становится заметной во Франции в 1690-е гг. В театральной публике возникла мода на прилюдные слезы в наиболее трогательные моменты представления. По мнению Лансона, избыточной чувствительности в обществе становилась тем больше, чем меньше в нем сохранялось истинной христианской веры. «Слезность» стала чем-то вроде знака «мирской религиозности» (*mysticisme laïque*), духовное заместилось душевным [6, p. 226–233].

Объяснение, данное Г. Лансоном, убедительно, но недостаточно: в нем учтена смена духовной парадигмы французского общества, но без внимания оставлен собственно эстетический фактор. Дело в том, что «слезность» нравов развивается на фоне господства классицистических вкусов, а «чувствительность» классицистического искусства ориентирует не на слезы, а на возвышение над ними (достаточно вспомнить знаменитые стансы Ф. де Малерба, обращенные к потерявшему дочь господину Дю Перье, – призыв к мужественному и сдержанному преодолению горя). Неслучайно в иерархии классицистических жанров наиболее «чувствительному» из них – элегии – отведено невысокое место: в «последнем разряде на Парнасе» [3, p. 198]. Кроме того, элегии предписано ограничение чувственной амплитуды: «Элегия является очень умеренной (*fort tempéré*) как по силе чувства, так и по стилю; она подходит для выражения некоторой нежности (*quelque tendresse*), печали или неудовольствия (*deplaisir*)» [10, p. 74].

Именно сформированный классической культурой XVII в. вкус, сторонний к «слезности», оказался болезненно восприимчив к новому явлению. Ш. Колле, характерный представитель позднего классицизма, порицал «*le genre larmoyant*» за надуманность сюжетных положений, нелепость характеров персонажей, «плаксивый тон и тоскливость» (*le ton*

pleureur et l'ennui) – за все, что отличает литературу этого рода от стремящихся к воплощению истины произведений, например, мольеровских [4, р. 169–171]. Логично предположить, что носители классического вкуса и создали слово *sensiblerie*, которое, с учетом культурного контекста, следовало бы переводить с оценочным акцентом – «чувствительщина».

По мере ослабления классицистических норм и возрастания в литературе тенденции к более разнообразному и свободному проявлению чувств происходит иерархическое расслоение самой чувственной сферы. «Высокая» чувствительность (*sensibilité*) локализуется в вершинных произведениях сентиментализма (в первую очередь в прозе Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро), «приземленная» – в бытовой драме и песенной лирике. Примечательно выдвижение в последней трети XVIII в. элегии в качестве ведущего лирического жанра (немногочисленные достижения французской поэзии этого периода проявляются почти исключительно в текстах элегического содержания – в знаменитой «Оде IX» Н. Жильбера, в поздних элегиях Э. Парни, в элегических стихотворениях «Ямбов» А. Шенье).

В искусстве «слезное» творчество будет оттеснено к XIX в. на периферию, отзываясь иногда реликтовыми проявлениями (почти «срывами») в поэтике отдельных крупных авторов, например, Стендаля. «Он оперирует весьма немногими условными и поверхностными признаками эмоций, которые в литературе были приняты от далеких традиций XVII и XVIII веков. Желая быть сколько-нибудь разнообразным, он варьирует детали лишь в рамках степени их интенсивности и всюду впадает в чудовищные преувеличения. Чаще всего фигурируют традиционные слезы. Всякое волнение, радостное, горестное ... вызывает увлажнение глаз, потоки слез, судорожные рыдания и т.п.» [1, с. 175]. Однако в бытовых нравах «слезная мораль» оказалась более стойким явлением, доказывая отсутствие обязательной синхронной корреляции между реальной жизнью и высоким искусством (почему и ошибочным было бы составлять себе представление о «французском характере» только по, например, произведениям Мериме, Мопассана, Лотреамона, издевательски пародирующего в том числе чувствительность).

Летописец французских нравов первой четверти XIX в. Ш.-Ж. Колне Дю Равель (1768–1832) дает такую характеристику парижанам, представляющим у него за всю французскую нацию так же, как эпический герой за свое племя: «Они добры, чувствительны (*sensibles*) и великодушны. Они не могут спокойно (*sans émotion*) слушать рассказ о каком-нибудь благородном и трогательном поступке (*une action noble et touchante*). О них по праву можно сказать: они люди, и ничто, интере-

сующее человечество, им не чуждо. Наконец, они более, чем остальной народ, расположены к состраданию (*pitié*) и слезам (*larmes*) в несчастье» [2, р. 233].

Наиболее резко суть *sensiblerie* проявляется при соприкосновении с культурами, имеющими не столь высокую «температуру чувств», например, с английской или русской. С позиции этой «перегретой» чувствительности Ш.-Ж. Колне Дю Равель даже обвиняет в бесчувственности (*insensibilité*) одного из главных европейских сентименталистов – Л. Стерна [2, р. 231].

В мемуарах пленного французского офицера Ж. Буиссона, наблюдавшего русских вблизи в 1813–1814 гг., содержится характеристика русской чувствительности: «не требуйте от них [русских] сердечных откровений (*franchise du cœur*), душевных излияний [*épanchement de l'âme*], той совокупности чувств, которые делают дружбу столь сладостной [*si douce*], которые единственно создают настоящую дружбу. Их сердце сухо, их душа закрыта. <...> ...Вас хорошо принимают, вас приглашают на обеды и вечера (*soirées*), вас везут в поместье, вводят в свой (*particulière*) круг... знакомят с друзьями, облегчают доступ ко двору... И что? Более ничего, этим все ограничивается (*tout se borne là*)» [7, р. 233]. Разумеется, это не только частное мнение мемуариста, оно явно дополнено впечатлениями соотечественников Буиссона, поскольку он, безвестный младший лейтенант (*sous-lieutenant*), бывал разве что в помещичьих домах, а уж про царский двор мог только слышать. Но важно другое: автору недостаточно действенной доброты по отношению к нему как к пленнику, он жаждет аффектированного сочувствия. Это *sensibleri*.

Прихотливое проявление *sensiblerie* в литературе, общественных нравах, личностных реакциях придает этому феномену статус одного из важнейших знаков культурного кода французского XVIII в. Добавим: пока еще почти не изученного русской литературной наукой знака.

Библиографический список

1. Скафтымов А. О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого // Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 165–181.
2. Du Ravel Ch.-J. L'Hermite du faubourg Saint-Germain, ou Observations sur les moeurs et les usages français au commencement du XIX-e siècle: 2 vol. Vol. I. P., 1825.
3. Chaudon L.-M. Bibliothèque d'un homme de goût, ou Avis sur le choix des meilleurs livres écrits en notre langue sur tous les genres de sciences et de littérature: 2 vol. T. 1. Avignon, 1772.
4. Collé Ch. Contre le genre larmoyant // Anthologie poétique française. XVIII siècle. P., 1966. P. 169–171.

5. Furetiere A. Essais d'un dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots François tant vieux que modernes. Amsterdam, M.DC.LXXXV.
6. Lanson G. Nivelles de La Chaussée et la comédie larmoyante. P., 1887.
7. Les prisonniers français en Russie (1813–1814). S. 1. 1859.
8. Ménage G. Dictionnaire étymologique de la langue française. P., 1750.
9. Nouveau dictionnaire de l'Académie française. P., 1718.
10. Phérotée de La Croix, A. L'art de la poésie française, ou La Méthode de connoître et de faire toute sorte de vers. Lyon, 1675.
11. Roquefort B. de, Champollion-Figeac J.-J. Dictionnaire étymologique de la langue française, où les mots sont classés par familles: contenant les mots du dictionnaire de l'Académie française. 2 vol. Vol. 2. P., 1829.

Ж.В. Свинцова, М.В. Субботина

Структура инаугурационной речи в регионе (на примере речей Президентов Чувашской Республики)

В статье выявлены основные семантико-структурные компоненты инаугурационных речей глав регионов; выявлены специфические особенности в структуре конкретных речей.

Ключевые слова: семантико-структурные компоненты, эпидейктическая речь, инаугурационное обращение, глава региона, структурные особенности инаугурационных речей.

Согласно энциклопедическому словарю, инаугурация (от лат. *inauguro* – посвящаю) – «торжественная процедура вступления в должность главы государства и ряда других выборных лиц» [1]. Среди традиционных элементов инаугурационной церемонии выделяют торжественную речь вступающего в должность Президента, также известную как инаугурационная речь или речь при вступлении в должность Президента.

Материалом для исследования послужили речи Президентов Чувашской Республики Н.В. Федорова (1994, 1998, 2001 гг.) и М.В. Игнатьева (2010 г.). Анализируемые речи были представлены в газете «Советская

Чувашия». В основе исследования лежат описательный, сравнительно-сопоставительный и аналитический методы.

Согласно Аристотелю [2], любая речь должна включать в себя следующие части: вступление, тезис, доказательство, заключение. Инаугурационное обращение традиционно относится к эпидейктической риторике, определяемой традицией. Инаугурационная речь тесно связана с политической традицией, в то же время изменение политической обстановки оказывает сильное влияние на инаугурационную речь.

Исследователь российского политического дискурса М.В. Гаврилова [6] изучила композиционно-речевые особенности инаугурационных речей на примере речей Б.Н. Ельцина и В.В. Путина и выявила обязательные устойчивые компоненты композиционной структуры выступления: обращение к адресату сообщения; положительная оценка деятельности бывшего президента; благодарность сторонникам, отдавшим свой голос за избранного президента; обращение к избирателям, которые голосовали за других кандидатов; определение цели развития страны; уверенность в возможности реализовать поставленные задачи; обещание президента достойно выполнять свои обязанности; кульминационный финал. Таким образом, по мнению М.В. Гавриловой, «инаугурационная речь создается по довольно устойчивым композиционным правилам. Однако формирование закрепленной структурной организации текстов допускает вариативность их языкового наполнения» [Там же, с. 21].

Рассмотрим структуру речей Президентов субъектов Российской Федерации на примере речей Президентов Чувашской Республики Н.В. Федорова (1994, 1998, 2001) и М.В. Игнатьева (2010).

Все речи начинаются со вступления, которое включает в себя обращение к аудитории. Обращение в речах характеризуется использованием этикетных выражений «уважаемые», «дорогие».

В речах Н.В. Федорова нет разделения аудитории на социальные классы. Используются универсальные формы обращения: *Уважаемые соотечественники! Уважаемые гости российские!...* [7, с. 2], *Дорогие соотечественники, уважаемые гости республики...* [3, с. 3]. В речи М.В. Игнатьева выделяется особое обращение к определенным лицам, играющим важную роль в церемонии: *Уважаемый Григорий Алексеевич! Уважаемый Николай Васильевич! Уважаемые члены Правительства!* [5, с. 2].

Тезис во всех речах представляет собой именование темы – определение момента, которому посвящена речь.

Н.В. Федоров актуализирует важность проходящей церемонии инаугурации в истории: *Сегодня по воле чувашского народа я впервые вступил в должность Президента* [3, с. 2]. Семантическая модальность речи

Н.В. Федорова заключается в том, что он подчеркивает важность роли народа в происходящей церемонии. М.В. Игнатьев делает акцент на важности самой церемонии: *Вступая сегодня в должность Президента Чувашской Республики, я в полной мере осознаю важность и ответственность этого момента* [5, с. 2]. Для М.В. Игнатьева характерна эго-тема.

Доказательство во всех речах включает в себя следующие структурно-семантические компоненты: обозначение целей и задач, стоящих перед президентом и администрацией, принятие президентом личных обязательств, похвала нации, представление желаемого будущего.

Н.В. Федоров начинает доказательство с подчеркивания величия нации. В речи от 1994 г. Н.В. Федоров отмечает мудрость своего народа: *Я горжусь своим народом... горжусь, что мой народ не принял зло и ненависть, он отверг политическую корысть и грязь, которые ему предлагали некоторые политики* [3, с. 2]. В речи от 2001 г. он акцентирует внимание на достижениях республики: *Чувашия прочно зарекомендовала себя как инновационный полигон* [7, с. 2]. В речи Н.В. Федорова от 1993 г. на первом месте стоят личные обязательства Президента: *Я принял их боль и надежду, и в исполнении их чаяний буду работать, утверждая Свободу, знания, культуру, нравственность* [3, с. 2]. После этого Президент упоминает задачи, которые должна будет решить администрация: *перед нашим народом... много сложных задач* [Там же].

М.В. Игнатьев выражает благодарность социально значимым лицам, принимающим участие в церемонии и Президенту РФ за оказанное доверие: *Я искренне благодарен Президенту Российской Федерации Дмитрию Анатольевичу Медведеву...* [5, с. 2]. Далее Президент выделяет цели и задачи, стоящие перед ним и администрацией, подчеркивая общность целей, выделяя личную роль в осуществлении задуманного. В речи М.В. Игнатьева сначала определяются цели: *Своей главной целью на посту Президента считаю укрепление стабильности, сохранение динамики социально-экономического развития* [Там же], а затем Президент упоминает о личных обязательствах: *Хочу сразу сказать, что за результаты деятельности готов нести ответственность* [Там же].

После этого президенты упоминают достижения народа: *Все эти годы республика успешно развивалась и эффективно решала задачи, поставленные руководством страны* [7, с. 1], освещают желаемое будущее: *Чувашия не стояла и не должна стоять в стороне от этих процессов. Наоборот, мы должны прибавить обороты* [5, с. 2].

Заключительный момент во всех речах – это благодарность за участие в церемонии: *Благодарю всех за участие в церемонии вступления в*

должность Президента Чувашской республики [7, с. 1]. М.В. Игнатьев выражает благодарность аудитории на чувашском языке: *Тавтапуç!* [5, с. 2]. Кроме этого, в заключительной части он выражает благодарность предшественнику: *Особые слова искренней благодарности я хотел бы выразить Николаю Васильевичу Федорову, первому Президенту Чувашской Республики* [Там же].

Таким образом, структура речи выдержана во всех проанализированных образцах. Обязательными структурно-семантическими компонентами являются обращение к аудитории, именование темы, цели и задачи, стоящие перед президентом и администрацией, личные обязательства президента, достижения народа, представление желаемого будущего. Речи различаются смысловой модальностью. Речь Н.В. Федорова представляет собой антиномию «народ – личность президента». Президент противопоставляет себя народу как выдающегося сильного лидера, но в то же время подчеркивает необходимость поддержки народа. Для речи М.В. Игнатьева характерна эго-тема, важная роль отводится политической элите общества.

Таким образом, мы можем видеть, что основные структурные компоненты: вступление, тезис, доказательство, заключение – имеют структурно-семантическое наполнение, которое изменяется в зависимости от оратора, историко-культурной среды, проблем, освещаемых в речи. Основными семантико-структурными компонентами инаугурационной речи в регионе являются обращение, именование темы, благодарность за оказанное доверие, перспективы развития и достижения населения республики, цели и задачи, которые стоят перед руководством региона, личные обязательства президента. Характерные особенности, сформировавшиеся как устойчивый компонент инаугурационных обращений глав субъектов Российской Федерации, включают в себя использование обоих государственных языков в приветствии и в заключительной части инаугурационной речи. Для речи 2010 г. характерна тенденция благодарить не только аудиторию, но и выражать персональную благодарность Президенту РФ, его полномочному представителю и своему предшественнику. Кроме того, несмотря на устойчивую структуру речей, глава региона может внести дополнения и варьировать содержание речи, в частности, добавить такие части, как отсылка к историческому прошлому, выражение уверенности в силе своего народа.

Библиографический список

1. Академик. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 21.05.2012).
2. Аристотель. Поэтика. Риторика. М., 2000.

3. Буду работать, утверждая свободу // Советская Чувашия. 1994. № 2. С. 3–4.
4. Ведомая сердцем, присяга народа // Советская Чувашия. 1998. № 4. С. 1.
5. Выступление Президента Чувашской Республики М.В. Игнатьева // Советская Чувашия. 2010. № 9. С. 1–2.
6. Гаврилова М.В. Инаугурационная речь: идеальный проект дела и идейная основа объединения общества // Политическая наука. 2009. № 4. С. 138–156.
7. Николай Федоров вступил в должность Президента // Советская Чувашия. 2001. № 1. С. 2.

Ю.М. Шемчук

Лингвотолерантность в эпоху глобализации

По мнению автора, сегодня, в век скоростей и стремительно развивающихся инновационных процессов, в соответствии с известным законом языковой экономии следует ввести в обиход термин «лингвотолерантность» и активно использовать его для описания сложившейся на сегодняшний день в языке ситуации терпимости в эпоху глобализации. Лингвотолерантность и пуризм образуют своеобразную лингвистическую антиномию, или дихотомию, одновременно дополняя и исключая друг друга.

Ключевые слова: толерантность, лингвотолерантность, глобализация, лексика, заимствование, пуризм, контактная лингвистика, эколингвистика.

Вопросами влияния глобализация на язык в настоящее время занимаются многие ученые как в России, так и за рубежом: Алпатов М.В., Гриценко Е.С., Кирилина А.В., Корженский Я., Лалетина А.О., Тарасов Е.Ф., Тульнова М.А., Ammon U., Androutsopoulos J., Block D., Blommaert J., Braselmann P., Busch B., Cameron D., Crystal D., Dong J., Fairclough N., Gardt A., Heller M., Hüppauf B., Mufwene S.S., Saraceni M., Singleton D., Pool J., Recento T., Stibbe A. и др. Глобализацию традиционно связывают с изменившейся языковой ситуацией в Европе, которая рассматривается через призму процессов интеграции. Языковая интеграция касается, прежде всего, современного развития речевой коммуникации, подверженной влиянию со стороны английского языка, что, в свою очередь, способствует возникновению понятия «англоязычная экспансия». По мнению М.В. Тарасовой, «в настоящее время англоязычная экспансия

приобретает новое значение, сущность которого заключается в тесной связи этого процесса с глобальными цивилизационными изменениями» [1, с. 6].

Проблема толерантности активно разрабатывается сегодня историками, культурологами, социологами, политологами, философами, психологами. Не исключением стала лингводидактика, о чем свидетельствуют многочисленные конференции различного уровня, обсуждающие вопросы формирования толерантности в процессе обучения иностранным языкам, что приобретает особую актуальность в рамках перехода России на двухуровневую систему высшего профессионального образования. В соответствии с ФГОС ВПО по направлению подготовки 035700 – Лингвистика (квалификация (степень) «бакалавр») выпускник должен обладать определенным набором общекультурных компетенций, среди которых прописана необходимость воспитания бакалавра в соответствии с «принципами культурного релятивизма и этническими нормами, предполагающими отказ от этноцентризма и уважение своеобразия иноязычной культуры и ценностных ориентаций иноязычного социума» [2, с. 6].

Всеобщее внимание к проблеме толерантности не обошло стороной и языкознание. По большому счету, язык всегда был и будет толерантным общественным явлением, терпимым к любым изменениям. В наше время в соответствии с известным законом языковой экономии следует ввести в обиход термин «лингвотолерантность» и активно использовать его для описания сложившейся в языке ситуации терпимости.

Толерантность языка, учитывая большой интерес социума к данному явлению, таким образом, можно назвать лингвотолерантностью, которая, в свою очередь, уже оформилась в виде отдельного языковедческого течения современности. Как известно, лингвистические течения характеризуются наличием языковедов, занимающихся разработкой проблематики течения. Такие ученые, как, например, Голев Н.Д., Гольдин В.Е., Дзялошинский И.М., Емельянов Б.В., Костомаров В.Г., Котюрова М.П., Купина Н.А., Михайлова О.А., Попова Е.С., Стернин И.А., Хомяков М.Б., Шилихина К.М. и др. в той или иной мере исследуют вопросы толерантности и языка.

Лингвотолерантность следует различать с эколингвистикой (Иванова Е.В., Лыкова Н.Н., Нечипоренко В.Ф., Потеряхина И.Н., Сковородников А.П., Науген Е. и др.), развитие которой приходится на начало XXI в. Одна из задач эколингвистики (существует и другое название – «лингво-экология») заключается в сохранении своеобразия как отдельных языков, так и диалектов на многонациональной территории. Эколингвистика предполагает деятельностный подход к поддержанию самобытности

языка, в отличие от нее лингвотолерантность пассивна и ограничивается лишь согласием со всеми языковыми изменениями. Истоками возникновения эколингвистики как языковой дисциплины, занимающейся исследованием межкультурного взаимодействия с целью сохранения многообразия языков, следует считать пуризм – движение за чистоту языка. Необходимость появления эколингвистики при существовании пуризма можно объяснить, на наш взгляд, двумя причинами: 1) новое название помогает призвать общественность на активную борьбу за сохранение не только языков, но и диалектных форм его существования; 2) новое название семантически шире старого, т.е. обозначает целый раздел языкознания, а значит, нуждается в собственном понятийном аппарате.

Лингвотолерантность проявляется, прежде всего, принятием иноязычных единиц в словарный состав языка. Примерами здесь могут послужить многочисленные заимствования, используемые в молодежной субкультуре европейских стран, откуда они постепенно переходят в разговорный жаргон. Так, вопросами англоязычных заимствований в современный русский язык посвящены работы последних лет таких лингвистов, как Валгина Н.С. (2003), Дуплийчук В.А. (2010), Ермакова О.П. (2008), Земская Е.А. (2008), Крысин Л.П. (2004), Нечаева И.В. (2008), Прокутина Е.В. (2010) и др. Проблемой англо-американского влияния на немецкий язык занимались Васильева Т.В. (2004), Гордишевская Е.В. (2005), Кобенко Ю.В. (2005), Патрикеева А.А. (2008), Романова М.С. (2001), Тарасова М.В. (2009), Шемчук Ю.М. (2012), Busse U. & Görlach M. (2002), Glahn R. (2000), Rinner-Kawai Y. (1991), Schütte D. (1996), Zimmer D. (1997) и др. Можно утверждать, что современные европейские языки наиболее толерантны, прежде всего, к английским лексемам как лексическим единицам языка глобального общения, активно заимствуя и употребляя их в обиходной речи.

Частотность использования заимствованных лексем в языке привлекает внимание не только современных лингвистов-теоретиков, но и практиков, задача которых видится в фиксации лексической диахронии. Словарный импорт, как доказательство лингвотолерантности эпохи глобализации, проходит, таким образом, кодификацию. Необходимо отметить, например, работы таких немецких лексикографов, как Д. Герберг [5], Ф. Гольдштейн [4], В. Крэмер [6], И. Сёренсен [7]. Вероятно, наибольшую известность в Германии и за ее пределами получил словарь «Wörterbuch überflüssiger Anglizismen» (составители Р. Погарелл, М. Шрёдер и Р. Барцш), о чем свидетельствует его 8 переиздание [3].

В языкознании постепенно формируется особый раздел, занимающийся исследованиями проблем взаимоотношения различных языков, так

называемая контактная лингвистика (Аврорин В.А., Багана Ж., Бараникова Л.И., Вайнрайх У., Виноградов В.А., Жлуктенко Ю.А., Крысин Л.П., Лехисте И., Мейе А., Пауль Г., Розен Е.В., Розенцвейг В.Ю., Сэпир Э., Хапилина Е.В., Хауген Э. и др.). Следствием языковых контактов, а значит, одним из ключевых понятий контактной лингвистики, является «заимствование», которое объединяет эту новую языковую дисциплину и лингвотолерантность.

Лингвотолерантность и пуризм образуют своеобразную лингвистическую антиномию, или дихотомию, одновременно дополняя и исключая друг друга. Контактная лингвистика эпохи глобализации включает лингвотолерантность. Пуризм сегодня следует, на наш взгляд, рассматривать в рамках эколлингвистики.

Библиографический список

1. Тарасова М.В. Семантические изменения английских заимствований в русском и немецком языках в условиях глобализации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009.
2. ФГОС ВПО по направлению подготовки 035700 – Лингвистика (квалификация (степень) «бакалавр»). М., 2010.
3. Bartzsch R., Pogarell R., Schröder M. Wörterbuch überflüssiger Anglizismen. 8 Aufl. Paderborn, 2009.
4. Goldenstein F. Sags doch Denglich! The book for the better understanding. Basic vocabulary. Frankfurt, 2006.
5. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen / Von Herberg D., Kinne M., Steffens D. B.; NY, 2004.
6. Krämer W. Modern Talking auf deutsch – ein populäres Lexikon. München; Zürich, 2000.
7. Sörensen I. Englisch im deutschen Wortschatz. Lehn- und Fremdwörter in der Umgangssprache. B., 1995.
8. Von «aufmüpfig» bis «Teuro». Die «Wörter der Jahre» 1971–2002 / Hrsg. von J.A. Bär. Dudenverlag, 2003.

М.Ю. Артемов

Модернизация образования: проектная деятельность на уроках русского языка

В статье рассматривается программа экспериментального обучения формирования способностей проектной деятельности при изучении и повторении частей речи. Изложены принципы организации учебной деятельности по русскому языку в соответствии с изменением образовательной парадигмы с традиционной на инновационную. В связи с этим подробно рассмотрен вопрос о ведущем принципе организации познавательной деятельности, об этапах проектной деятельности как о содержании познавательной деятельности по русскому языку. Большое внимание уделено организации учебного времени в рамках инновационной образовательной парадигмы, расчету учебных часов на проектную деятельность, способу защиты готовых учебных проектов.

Ключевые слова: проектная деятельность, этапы проектной деятельности, коммуникативно-деятельностный подход, традиционная образовательная парадигма, инновационная образовательная парадигма, предметное содержание урока, деятельностное содержание урока, аудиторная форма работы, внеаудиторная форма работы, Федеральный государственный образовательный стандарт.

Мы предлагаем опыт экспериментального обучения и организации учебной деятельности по предмету «Русский язык» в 6-х классах общеобразовательной школы по теме «Повторение частей речи». Создавая методическую систему проектной деятельности, мы ориентировались прежде всего на принципы организации современного образовательного процесса, регламентированные ФГОС. Основой современного образования согласно стандартам должна стать инновационная деятельностная парадигма, в соответствии с которой любой образовательный процесс

должен быть организован как познавательная деятельность по той или иной учебной дисциплине. Учебный процесс, организованный подобным образом, способен привести к формированию у учащихся предметных и надпредметных компетенций. В соответствии с этим мы спроектировали методическую систему, которая ориентирована на организацию учебной деятельности по созданию проектов по русскому языку с целью формирования у учащихся языковой, лингвистической и коммуникативной компетенций. Реализовать данную методическую систему призвана программа экспериментального обучения.

Согласно коммуникативно-деятельностному подходу в образовании, на котором основывается наша методическая система, и аудиторная, и внеаудиторная формы организации включают в себя как предметное, так и деятельностное содержание образования. Предметное содержание в данной программе представлено темами, на изучение которых отведено определенное количество аудиторных часов из расчета 6 уроков в неделю согласно учебному плану ФГОС и внеаудиторных часов в зависимости от индивидуальных возможностей каждого учащегося. Внеаудиторные часы работы включают в себя необходимую самостоятельную домашнюю работу учащихся по выполнению продуктивных упражнений, которые помогают учащемуся подготовить индивидуальный проект. Помимо самостоятельной домашней работы, внеаудиторные часы предполагают индивидуальные и групповые консультации после аудиторных часов, время на которые было выделено школой на внеурочную деятельность¹.

В связи с тем, что данная методическая система – это попытка найти формы, соответствующие требованиям ФГОС, которые четко регламентируют переход на деятельностную парадигму образования, ведущую роль в организации занятий по изучению и повторению морфологии в курсе русского языка шестого класса играет деятельностное содержание образования. Деятельностное содержание представлено в нашей методической системе этапами проектной деятельности. Чтобы овладеть способностями и готовностями по определенной учебной теме, ученик должен сначала последовательно пройти все запланированные этапы проектной деятельности, а затем восстановить пройденный путь в виде алгоритма своих действий: только в таком случае знания и умения будут интериоризованы учащимися.

Практика реализации проектной деятельности по русскому языку показывает, что не всегда это можно сделать за 45 мин. урока. Ввиду этого

¹ Время, отводимое на внеурочную деятельность, определяется образовательным учреждением.

одно занятие могло бы выходить за привычные временные рамки традиционного урока. Поэтому целесообразно было делить занятия условно на этапы проектной деятельности, которые участники образовательного процесса проходили по мере того, как приближались к цели – конечному продукту своего исследования, проекту по морфологии. Таким образом, один этап мог растягиваться на два и более уроков или включать в себя более одной учебной темы. Тема же, представленная в предметном содержании, ограничивала рамки учебной коммуникации, но не была во главе ее. Особенностью данной программы экспериментального обучения является не вертикальное, а линейное (горизонтальное) прохождение этапов проектной деятельности. Таким образом, после этапа аудиторной деятельности следует этап внеаудиторной деятельности, после этого снова аудиторной, затем внеаудиторной. Следует учитывать тот факт, что плохо проработанный учащимся внеаудиторный этап является причиной того, чтобы не начинать следующий аудиторный этап.

Правильная организация занятий по формированию самостоятельной познавательной деятельности при повторении частей речи с помощью метода проектов ведет к успешному созданию учащимися собственных творческих работ, изменению качества образования и динамики обучения по русскому языку в лучшую сторону, а также формирует у учащихся устойчивый интерес к предмету, а главное, твердую мотивацию к познанию и учебной деятельности. Главным стержнем организации занятий подобным образом является самостоятельная познавательная деятельность учащихся. Защита готовых проектов проходит в несколько этапов, на нескольких уроках, т.к. на защиту проекта одного ученика отводится от 10 до 15 мин.

К вопросу об организации учебного времени. До сих пор в методическом опыте учителя привычной была иная структура урока, и его этапы никак не были привязаны к деятельности, производимой участниками учебной коммуникации. Традиционный урок русского языка имеет свои этапы: организационный, этап опроса и проверка домашнего задания, объяснение нового материала, закрепление изученного, обобщение и систематизация материала, домашнее задание. Эти 6 структурных компонентов соответствуют целям и логике урока и должны быть реализованы за 40–45 мин. учебного времени. Введение ФГОС новых методических понятий: способности и готовности, которые включают в себя прежние ЗУН(ы), соответственно, предполагает иную, отличную от предыдущей, модель их формирования. Предметные способности и готовности – это не просто знания предмета или навыки, это, в обобщенном смысле, возможность учащегося приобретать знания с помощью учебной

деятельности и применять их практически в виде навыка. А применять их учащийся может тоже в деятельности, только не в учебной, а в практической.

Разработанная нами программа формирования способностей проектной деятельности при изучении и повторении частей речи полностью соответствует принципам разработанной нами методической системы. Как мы уже упоминали, ведущую роль в организации занятий по данной программе играет коммуникативно-деятельностный подход в связи с переходом образования на деятельностьную парадигму. Это значит, что организующим звеном любого занятия должны стать 5 этапов проектной деятельности: построение понятия, использование определения понятия как инструмента познания, выделение существенных признаков понятия, выявление логических связей между признаками понятия, между признаками смежных понятий, рефлексивное построение алгоритма действий с понятием (проектом). При такой организации аудиторной формы занятия возникает вопрос о структуре урока, об организации учебного времени и о соответствии конкретной учебной темы данным этапам проектной деятельности. Отправной точкой каждого занятия по русскому языку, организованного с помощью метода проектов, должны стать этапы проектной деятельности, а учебная тема призвана ограничивать рамки учебной коммуникации. Таким образом, смещается методический акцент урока: не тема определяет содержание урока, а учебно-познавательная деятельность. Из этого следует, что не всегда все 5 этапов могут быть пройдены за один урок в рамках одной темы. Это значит, что незавершенные этапы автоматически переходят на следующий урок в рамках этой же темы.

Предложенные нами этапы полностью соответствуют общедидактической (общеметодической) структуре урока и его деятельностной основе. Они в корне отличаются от традиционных этапов урока и не всегда могут быть реализованы 40–45 мин., т.к. этапы деятельности всегда будут шире учебной темы. Из этого совершенно не следует, что временной лимит урока нужно увеличить. Это было бы неправильно, потому что временные границы урока определены, прежде всего, психофизиологическими особенностями детского и подросткового организма. Но это говорит о том, что в новой парадигме образования должны быть расставлены новые методические акценты и структура урока должна стать иной, преобразовавшись в структуру познавательной деятельности.

Расчет учебных часов на проектную деятельность согласно учебным планам ФГОС. Работа по предложенной нами программе должна проходить в два этапа. Данная программа предусматривает организа-

цию деятельности по изучению и повторению пяти частей речи, изучаемых шестиклассниками. Программа была разработана на основе учебника под научной редакцией Н.М. Шанского [2]. Это не говорит о том, что учитель, использующий в своей работе другие учебники, не сможет реализовать данную программу. В последнем поколении ФГОС в примерном учебном плане основного общего образования на изучение русского языка в 6-м классе отводится 6 часов в неделю (204 учебных часа в учебный год). По учебнику под научной редакцией Н.М. Шанского в 6-м классе изучаются следующие разделы русского языка: лексика и фразеология, словообразование и орфография, имя существительное как часть речи, имя прилагательное как часть речи, глагол как часть речи, имя числительное как часть речи, местоимение как часть речи. На изучение каждого раздела отводится соответствующее количество часов из расчета 204 часа на год. К данным разделам следует добавить учебные часы на повторение в начале и конце года. Приведем расчет учебных часов для реализации программного материала шестого класса по учебнику под научной редакцией Н.М. Шанского по популярному в учительских кругах методическому пособию Г.А. Богдановой «Уроки русского языка в 6 классе: книга для учителя» [1] (таблица 1).

Таблица 1

Раздел	Количество часов
Повторение изученного в 5-м классе	10
Лексика и фразеология	13
Словообразование и орфография	28
Имя существительное	21
Имя прилагательное	21
Глагол	30
Имя числительное	14
Местоимение	22
Повторение и систематизация изученного в 6-м классе	10
Всего часов	170

По учебному планированию, составленному Г.А. Богдановой на год, остаются нераспланированными 34 часа. Это то время, которое можно отвести на уроки развития речи учащихся, на контрольные уроки, если времени на них не хватит в основном планировании. Это резервные часы, которые необходимы учителю для реализации возможностей проектной деятельности.

В разработанной нами модульной таблице, в которой представлена рабочая программа проектной деятельности по изучению и повторению

частей речи, вниманию учителя предложено определенное количество часов на каждую учебную тему. Эти часы были распланированы нами из расчета 204 часа на год, предложенных на изучение русского языка в примерном учебном плане ФГОС в 6-м классе. Поскольку наша рабочая программа предполагает проектную деятельность только по изучению и повторению частей речи, изучаемых в 6-м классе, расчет часов удобно произвести, разбив изучаемые разделы русского языка на три блока следующим образом: повторение в начале года, лексика и фразеология, словообразование и орфография (те разделы, которые не представлены в нашей программе); имя существительное, имя прилагательное, глагол, имя числительное, местоимение (те разделы, проектное изучение которых подробно представлено в нашей программе); повторение в конце учебного года (раздел, который предполагает, в соответствии с нашей программой, защиту и оценивание готовых проектных работ, выполняемых учащимися на протяжении процесса проектного изучения всех частей речи) (таблица 2).

Таблица 2

Разделы языка	Количество часов	Количество часов в блоке
Повторение изученного в 5-м классе	10	55
Лексика и фразеология	17	
Словообразование и орфография	28	
Имя существительное	26	124
Имя прилагательное	23	
Глагол	36	
Имя числительное	16	
Местоимение	23	
Защита учебных проектов в рамках повторения изученного материала	25	25
Всего часов	204	

Таким образом, разработанная нами программа формирования способностей проектной деятельности при изучении и повторении частей речи рассчитана на изучение с помощью проектной деятельности пяти частей речи: имя существительное, имя прилагательное, глагол, имя числительное, местоимение, и повторение этих частей речи в конце учебного года путем защиты подготовленных во время изучения учебных проектов.

О защите учебных проектов. Согласно разработанной учебной программе, по каждой части речи учащийся готовит проект, последователь-

но проходя этапы проектной деятельности. Готовый проект он должен защитить, представив его на суд жюри и класса не только визуально, но и сопровождая демонстрацию «топографической карты» рассказом на лингвистическую тему, а жюри должно его оценить по специальным критериям и задать защищающемуся вопросы, а это требует определенного временного лимита. В «топографическую карту» учащимся могут быть включены не только морфологические категории той или иной части речи, но и некоторые орфограммы, также разделы лексики или способы словообразования. Повторение, организованное подобным образом, универсально, т.к. с помощью проектной деятельности учащиеся прорабатывают не только части речи, но и способы словообразования, орфографию и лексику, изученные ими до частей речи. Практическим путем было установлено, что временной лимит защиты проекта не должен быть меньше 15 мин. Так, на класс из 25–27 человек требовалось 5–6 уроков, что полностью соответствует отведенным в нашей программе 25 часам на повторение, иными словами, на защиту учебных проектов. Вопросы, на которые учащиеся не смогли получить ответы на уроке и не нашли на них ответа дома при работе над проектом, они могут задать учителю на консультационных часах. Также там могут быть заданы и вопросы по учебной литературе. В подобной последовательности изучаются все пять частей речи и выполняются проектные работы по каждой из них. Защита же индивидуальных проектных работ в штатном порядке в строго отведенное для этого учебное время происходит в рамках повторения в конце учебного года (25 учебных часов).

При работе с данной учебной программой учителю удастся перевести преподавание русского языка в деятельностьную парадигму и сместить методические акценты с традиционных на инновационные, что полностью соответствует требованиям ФГОС последнего поколения и не нарушает временные рамки традиционного урока, но меняет его структуру.

Библиографический список

1. Богданова Г.А. Уроки русского языка в 6 классе: Кн. для учителя. 9-е изд. М., 2008.
2. Русский язык. 6 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений / М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова и др.; Науч. ред. Н.М. Шанский. 32-е изд. М., 2010.

В.С. Дудкина

Методы изучения модальных средств выражения значения потенциальности на уроках русского языка в 8 классе

В статье раскрывается сущность основных методов развития модального компонента речи учащихся, направленных на формирование учебно-языковых и речевых умений. Анализируются речевые ситуации, требующие использования модальных средств потенциальности.

Ключевые слова: методы развития модального компонента речи, средства выражения модального значения потенциальности.

Пути, посредством которых мы можем развивать модальный компонент речи учащихся, определяются методами и приемами, позволяющими учитывать достижения лингвистики и дидактики последних лет. Под методами обучения мы, вслед за М.Р. Львовым, понимаем «способы взаимодействия учителя и учащихся при руководящей роли учителя, направленные на достижение целей обучения», приемы – это «составные части методов, конкретные действия учителя и учащихся, подчиненные общему направлению работы, общим установкам, которые определены требованиями метода» [2, с. 161].

В данной статье мы представим методы (упражнения), направленные на изучение учащимися 8 класса модальных средств выражения потенциальности. К ним относятся глаголы повелительного наклонения, сложноподчиненные предложения следующей структуры (*чтобы* + гл., *нужно* + гл.), краткие прилагательные (*должен, обязан, нужен, необходим, вынужден, принужден*), фразеологические сочетания (*имеет смысл, есть потребность, есть необходимость*), глаголы повелительного наклонения, инфинитив, слова категории состояния (*надо, нужно, необходимо, должно, положено, пора*), глаголы повелительного наклонения с частицей *не*, составное глагольное сказуемое, составное именное сказуемое, неопределенно-личные предложения, сложноподчиненные предложения цели.

Методы (упражнения) подразделяются на группы, выделенные с учетом типа формируемого умения: 1) упражнения, направленные на формирование учебно-языковых умений; 2) упражнения, направленные на фор-

мирование речевых умений [1]. Данная система упражнений учитывает грамматическую и речевую природу модального смысла потенциальности. Рассмотрим указанные группы упражнений.

I. Упражнения, направленные на формирование учебно-языковых умений, предполагают мыслительные действия с модально-языковым материалом.

Процесс формирования учебно-языковых умений начинается с постановки умения опознавать модально-языковое явление по его характерным признакам. Целью *опознавательных упражнений* является нахождение языковых единиц в предложении и тексте и определение их роли в создании модальной рамки высказывания.

Первым на этапе собственно формирования умений является метод нахождения модально-языкового явления, который реализуется на конфликтном материале: «Обозначьте в тексте составные глагольные сказуемые со значением необходимости»; «Выпишите модальные глаголы со значением долженствования, образующие составное глагольное сказуемое»; «Найдите в тексте глаголы со значением возможности. В каком фрагменте текста они используются? Почему?».

Для первичного формирования опознавательных умений предлагаем использовать диктант выборочный или с заменами. При этом следует иметь в виду, что диктант с заменами («Найдите в диктуемом тексте предложения с простым глагольным сказуемым, замените их составным глагольным сказуемым со значением необходимости. Понаблюдайте, как изменился смысл высказывания») применяется в процессе изучения тем, касающихся словоизменительных категорий и структуры языковых единиц, а выборочный диктант – классификационных категорий, функций и семантики языковых единиц (выпишите из диктуемых предложений краткие прилагательные, слова категории состояния, имена существительные, передающие модальное значение необходимости).

На заключительном этапе формирования опознавательных умений (этапе первичного контроля и подведения итогов) предлагаем самостоятельно подобрать примеры изученных языковых единиц, формирующих модальный смысл потенциальности: «Составьте и запишите предложения так, чтобы глаголы *показаться, явиться, быть* входили бы в составное глагольное сказуемое со значением необходимости или желательности»; «Составьте безличные предложения, включив в составное глагольное сказуемое слова *нужно, нельзя, невозможно, пора*»; «Составьте безличные предложения, в которых сказуемое выражено глаголом в неопределенной форме со значением возможности, невозможности, желательности, резкого приказания».

Опознавательные учебно-языковые умения являются базой классификационных умений этого же типа. *Классификационные упражнения* формируют умения – действия по группировке явлений. Методика преподавания русского языка располагает следующими практическими методами (упражнениями): определение основы группировки, заполнение готовой таблицы примерами, выборочное списывание с группировкой, распределительный и выборочно-распределительный диктант, группировка языковых явлений, данных вперемешку, составление таблиц.

Выборочно списывая предложенный дидактический материал, школьники находят изучаемые модальные средства потенциальности среди других, внешне похожих, и группируют их по указанному признаку, выполняя следующее задание: «Спишите предложения в такой последовательности: обозначающие а) реальный фрагмент действительности; б) желательный или возможный».

Классифицируя языковые явления, данные вперемешку, учащиеся определяют возможные основания группировки и осуществляют ее в соответствии с выбранным признаком: «Найдите в диктуемом тексте односоставные предложения, выражающие значение необходимости, желательности».

Аналитические умения, третий вид умений учебно-языкового типа, основываются на опознавательных и классификационных действиях. При выполнении *аналитических упражнений* проводится анализ предложений и текстов с целью определения роли всей совокупности имеющихся в них языковых средств в оформлении модального смысла потенциальности. Процесс формирования аналитических умений обеспечивается полным/частичным лингвосмысловым анализом и диктантами с изменением формы записи или объема диктуемого материала.

Частичный лингвосмысловой анализ (или лингвистическое комментирование) основан на выявлении и оценке доминантных языковых средств для постижения модального смысла текста. Он проверяет сформированность навыка распознавания модальных средств и их узнавания: «Переделайте в тексте двусоставные предложения в безличные с глаголом в неопределенной форме. Укажите, какие будут ярче, живее выражать невозможность, необходимость, желательность совершения действия»; «Найдите в тексте составные глагольные сказуемые. Какова их роль в создании модального смысла необходимости?»

Эффективно при работе над определением модальной рамки текста использование приема выделения ключевых слов, помогающего определить, как в пределах текста сочетаются различные модальные смыслы. Кроме того, выделение ключевых слов позволяет показать учащим-

ся, как автор, создавая текст, отбирает языковые средства реализации модального замысла, т.к. ключевые слова являются важным текстообразующим фактором. Примером подобной работы является выполнение следующего упражнения: «Из данного текста выпишите ключевые слова, которые помогают автору реализовать модальное значение потенциальности.

Каждый человек обязан заботиться о своем интеллектуальном развитии. Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой. Основной (но, разумеется, не единственный) способ интеллектуального развития – чтение.

Чтение не должно быть случайным. Это огромный расход времени, а время – величайшая ценность, которую нельзя тратить на пустяки... Чтение, для того чтобы быть эффективным, должно интересовать читающегося. Интерес к чтению вообще или по определенным отраслям культуры необходимо развивать в себе. (Д. Лихачев)».

II. Упражнения, направленные на формирование речевых коммуникативных и коммуникативных умений.

В первую группу (*некоммуникативные упражнения*) входят упражнения, формирующие умение обоснования выбора автором модально-языковых средств в тексте, и упражнения, формирующие умение выбора языковых средств для выражения модального смысла в высказывании. Упражнения, формирующие речевое умение обоснования выбора автором модально-языковых средств в тексте, представляют собой анализ языковых средств текста на уровне передачи информации и на уровне выражения чувств, отношений, что связано с реализацией модально-коммуникативного намерения автора.

Процесс становления и развития речевых коммуникативных умений обслуживается методами, характерными только для данной группы умений: составление плана, собирание материала к сочинению, озаглавливание текста.

Так, собирание материала к сочинению на тему «Человек должен беречь мир живой природы» предполагал составление цепочки глаголов и глагольных форм, которые будут в будущем сочинении формировать модальный смысл необходимости.

Упражнения, формирующие *коммуникативное умение* выбора языковых средств для выражения модальных смыслов высказывания, – это упражнения по созданию (ре)производимого текста.

Диктант (свободный, творческий, с продолжением, по аналогии, «немой»), изложение и сочинение – это методы, которые обучают умению создавать текст. Между собой они располагаются в порядке следова-

ния от простого к сложному: от пересказа образцового текста через создание текста по данному образцу к самостоятельному порождению текста.

Свободный диктант как упражнение по развитию речи, близкое к изложению, состоит в записи текста по памяти при предъявлении его дозами (частями). Использованию в пересказе модально-языковых средств образца, способствует, во-первых, небольшой объем текста – предъявляется фрагмент текста (работа памяти, развитие чувства языка) и, во-вторых, анализ текста, который переводит имитационное воспроизведение языковых единиц на осознанный уровень.

Творческий диктант предполагает при записи текста изменения, замены одних грамматических форм другими или выбор из синонимичного ряда слов в соответствии с авторским замыслом. В основе данного упражнения лежит трансформация текста, результатом является создание речевого варианта текста, например, «При записи текста замените глаголы так, чтобы в нем отражалась картина окружающей действительности как возможная или желательная»; «При записи текста выберите из двух синонимичных глагольных форм ту, которая создает более выразительный текст».

Центральная дидактическая задача в проведении изложений состоит в обучении школьников языку. Ее решение наиболее эффективно осуществляется при использовании лингвосмыслового анализа исходного текста. Языковая подготовка к изложению необходима для того, чтобы научить детей осознанно воспринимать и использовать средства, способствующие выражению модального смысла текста. Лингвосмысловой анализ показывает, что речевые средства отобраны специально для раскрытия темы. В ходе написания изложений формируется умение выбирать модально-языковые средства для передачи содержания, а для этого модальный замысел речевого высказывания, заданный автором текста, должен быть при воспроизведении «присвоен» пишущим.

Использование изложений для развития модального компонента речи учащихся является средством соединения процесса изучения языка и речи, обеспечивает глубинные связи между грамматикой и развитием речи, обогащает грамматический строй речи учащихся, помогает ученику расширить палитру модальных смыслов языка, развивает чувство языка.

Ведущим методом продуктивной текстовой деятельности является метод моделирования речевого произведения определенной модальной рамки (сочинение), в этой связи большое место отводится ситуативным упражнениям. Ситуация – это обстановка, совокупность условий и обстоятельств, определяющих характер деятельности. Условия и обстоятельства, определяющие целесообразное использование данного модаль-

но-языкового средства, – это задача высказывания, его тема (содержание), адресат, обстановка речи, форма ее реализации, требуемый жанр и т.д. Ситуативные упражнения рассчитаны на самостоятельное создание текста с использованием изучаемых модально-языковых средств и организуются при помощи заданий, в которых очерчиваются обстоятельства, естественно вызывающие употребление данных единиц языка. При этом в центре внимания учащихся оказывается содержание, форма же неизбежно притягивается к смыслу. Примерами подобной работы могут быть сочинения «За что мы должны любить родной край?», «Как нужно выражать свои мысли?», «Мы должны увеличить сумму добра в себе и кругом себя» или творческие задания «Расскажите о своих планах на будущее, употребляя составные глагольные сказуемые»; «Академик Д.С. Лихачев предложил разработать заповеди человечности и сформулировал некоторые из них. Предложите свои заповеди. На основе одной из них постройте сочинение-рассуждение, подобрав свои аргументы».

Таким образом, при изучении средств выражения и формирования модального смысла потенциальности происходит постепенное становление, усложнение и совершенствование формируемых умений: от умений учебно-языкового типа, связанных со способностью узнавать, различать, группировать модально-языковые средства в их текстообразующих и выразительно-изобразительных функциях, – к коммуникативным умениям обосновывать выбор тех или иных языковых единиц в соответствии с модальностью потенциальности и воспроизводить их в разнообразных функциях в тексте.

Библиографический список

1. Баранов М.Т. Выбор упражнений для формирования умений и навыков // Русский язык в школе. 1993. № 3. С. 36–43.
2. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка. М., 1997.

Альмухаметов Рашит Валиахметович – кандидат педагогических наук, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан; профессор кафедры методики преподавания лингвистических дисциплин, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа. E-mail: rashit_a@mail.ru

Арсанукаев Абдулла Магомедович – директор, Институт развития образования Чеченской Республики, г. Грозный. E-mail: arsanukaev2008@gmail.com.

Артемов Михаил Юрьевич – аспирант кафедры теории и методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета; учитель русского языка и литературы, автономная некоммерческая организация «Школа “Президент”», г. Москва. E-mail: artemov.mihail@bk.ru.

Веремьева Кристина Михайловна – аспирант кафедры теории и практики перевода МГГУ им. М.А. Шолохова; средняя общеобразовательная школа № 89 им. А.П. Маресьева, г. Москва. E-mail: kris_veremieva@mail.ru.

Дудкина Виктория Сергеевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры русской и зарубежной филологии, Анапский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: dudkinavs_15@rambler.ru

Калёнова Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры компьютерного инжиниринга и международных образовательных программ, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет. E-mail: nakalyon@rambler.ru.

Каменская Евгения Владимировна – аспирант кафедры русского языка МГГУ им. М.А. Шолохова; учитель русского языка и литературы, гимназия «Мастер-класс», п. Огниково Истринского района, Московская область. E-mail: evgeniyakam76@mail.ru.

Королёва Екатерина Павловна – аспирант кафедры теории и практики перевода МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель ка-

федры романо-германских языков, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана. E-mail: blue_lavender@mail.ru.

Котовчихина Наталия Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор; декан филологического факультета, МГТУ им. М.А. Шолохова. E-mail: anetfeo@mail.ru.

Кузьмина Елена Олеговна – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры иностранных языков и германской филологии, Самарская гуманитарная академия, филиал в г. Тольятти. E-mail: ekuzmina59@mail.ru

Моисеев Евгений Александрович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГТУ им. М.А. Шолохова; преподаватель русского языка и литературы, медицинский колледж № 7, г. Москва. E-mail: raul1987@yandex.ru.

Пинковский Виталий Иванович – доктор филологических наук, доцент; заведующий кафедрой литературы, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан. E-mail: alennart@mail.ru.

Сабатковец Рамазан Батырович – доктор педагогических наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук России, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Республики Северная Осетия-Алания. E-mail: r.3354349@yandex.ru.

Сарбаш Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской литературы, Чувашский государственный университет. E-mail: sarbash.lu@yandex.ru.

Свинцова Жанна Вячеславна – аспирант кафедры коммуникационных технологий Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары. E-mail: zhannals@list.ru.

Сорокина Галина Алексеевна – кандидат философских наук; доцент кафедры иностранных языков, Московская государственная юридическая академия. E-mail: inyazmgua@mail.ru.

Субботина Марина Валентиновна – доктор филологических наук, доцент; заведующая кафедрой коммуникационных технологий, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары. E-mail: ocean7@yandex.ru.

Шемчук Юлия Михайловна – доктор филологических наук, доцент; заведующий кафедрой перевода и переводоведения, МГТУ им. М.А. Шолохова. E-mail: shemchuk@rambler.ru

R. Almukhametov

Specific features of teaching Russian
as a state language in Bashkortostan

The article is devoted to the history of modern state of teaching Russian in Bashkortostan. The author sees certain problems in teaching Russian to non-native pupils among which the unity of form and contents of the language, inseparable connection and interaction between the language and speech when each of them has its special characteristics. In this regard special attention should be paid to structure-semantic features of language phenomena, interrelation between language phenomena on various levels (grammar, lexis, phonetics) and also between its units (morphology and syntax).

Key words: language interrelation, respectful language policy, innovation in content of the Russian language course, language interaction.

A. Arsanukaev

The problem of the formation
of Chechen-Russian bilingualism
in the light of scientific-pedagogical
heritage of P.K. Usar

According to the author scientifically grounded and empirically approved ideas of the great researcher of XIX century P.K. Usar are that primary education of children at school should be done in their native language. Only after the child can freely express their ideas in the native language, education can begin in the second language and can remain so permanently.

Key words: bilingualism, P.K. Usar's enlightenment activity, system of teaching the Russian language, native language, second language.

M. Artemov

Modernization of education:
Project activity at the Russian language lessons

The article examines the program of experimental education for developing project activity abilities during learning and reviewing parts of speech. The principles of learning activities arrangement are set out in the article according to the change from classical educational paradigm to the innovation one. For that matter the article carefully examines the question about guiding principle of cognitive activities arrangement, project activity stages as a content of cognitive activity at the Russian language lessons. The article pays great attention to the arrangement of study time within the scope of innovation educational paradigm, calculation of study hours for project activity, defense method of finished class projects.

Key words: project activity, stages of project activity, communicative through activity method, traditional educational paradigm, innovation educational paradigm, subject content of a lesson, Federal state educational standard.

V. Dudkina

Methods of modal component development
in the speech of 8th grade pupils

The article is devoted to the development of modal component of school pupils. The topic discussed in the article relates to the field of cognitive linguistics and linguistic methodology. The article reveals the methods of the methodology. The author analyzes speech situations requiring the use of modality means.

Key words: methods of modal component development in speech, means of modality.

N. Kalenova

Problems and prospects of studying
of private letter in modern linguistics

In the review article the main research directions of modern domestic and foreign study in the field of epistolary communication are presented. Private letter is considered as one of the linguistic objects in all the variety of research

approaches. The author defines results and prospects of studying of private letter.

Key words: private letter, the theory of private letter.

E. Kamenskaya

Colourative and smell vocabulary
in the novel “The Quiet Don”
by M. Sholokhov

In this article the problem of using colourative and smell vocabulary is observed to create the picture of Cossack’s world. This vocabulary is used to describe the real subjects and objects of the surroundings. It also fulfills the figurative-poetic function, acquiring the symbolic meaning and proper author’s connotations. This allows the author to present natural reality in poetic, attractive form and to show the Cossack’s life from the inside.

Key words: colourative vocabulary, smell vocabulary, semantics, connotation, poetics, symbolism.

E. Korolyova

Dualism and Problem
of the Old-English Poem “Beowulf”

The article deals with the problem of identification of the authorship of the anonymous poem “Beowulf” the crating of which belongs to the ancient period of migration of Saxons and some other Germanic tribes to Britain. The article proves that the compositionally-structural places occupied by the Christian motives serve either to weaken the pagan comprehension of reality or to substitute it by the Christian. The introduction of the new religions conception however does not vanish the pagan interpretation because the latter represents the very essence of the poem which penetrates it thoroughly. The comparative analysis of the deep schematically code contents of the poem where only the pagan material is represented and the stylistically decoding superficial variant of it where the Christian motives are widely used shows that the poem was created by the pagan author but was seriously reconstructed later on by the introductions made by the second coauthor who was Christian by his belief.

Key words: author’s foreshortening, subject perspective, functional semantic dependence, adstrat, superstratum, substratum, authorship of “Beowulf”.

N. Kotovchikhina

The Russian language as cultural wealth
of the peoples of Russian and world culture

Main attention is given to the issue of the Russian language as global commons, its spiritual value and close connection with the problems of national existence. The author also points out the issue of language ecology and the uniting functions of the Russian language.

Key words: intercultural communication, communicative environment, global commons, responsiveness to somebody else's word, the Russian language as global commons.

E. Kuzmina

Poetics of genre variety and structural peculiarities
of Krzhizhanovsky's aphoristics

Aphoristic expression analysis forms the basis for thematic, intention and form of expression classifications of genre variety of aphoristics as a minimum verbal art genre. The aphorism text is considered as a model of communicative act where we single out various types of information (informative and verificative), stages in the process of aphoristic expression perception, specific character of understanding and interpretation.

Key words: aphorism-philosopheme, ideologeme, mythologeme, personologeme, aphorism-association, epigram, joke, author-reader, information decoding.

E. Moiseev

The poetics of comedy: Moliere and Griboyedov

Drawing on the experience of other literary critics, who saw in his work this issue the article reveals the following parallels creativity: peculiarity of ideological content (hypocrisy, fathers and children, money, extra person) and artistic features of high comedies of Moliere and "Woe from Wit" by Griboyedov. The article can be useful for extra classes of literature.

Key words: the Poetics of Comedy: Moliere, Griboyedov, the system of images of high comedy by J.B. Moliere and "Woe from Wit" by Griboyedov, peculiarity of ideological content of high comedies of Moliere and "Woe from Wit" by Griboyedov, "World Literature", Tartuffe – Molchalin, Alceste – Chatsky, Famusov – Harpagon.

V. Pinkowsky

Sensiblerie and the literature of XVIII century

In the article factors of formation of the exaggerated sensitivity in French culture of XVIII century and reaction of language and the literature on this phenomenon are considered.

Key words: French culture of XVIII century, “a plaintive comedy”, sensiblerie, classical norms of taste.

R. Sabatkov

Modern state of the methodology of teaching the Russian language as pedagogy

According to the author methodology of teaching the Russian language in national school is still connected with the methodology of teaching Russian as a native language. The author points out the necessity of reconstruction of institute of national schools in their previous form within RAO for the propaganda and dissemination of the Russian language and Russian culture in national regions of the country.

Key words: methodology of teaching the Russian language, languages of national republics, national schools, institute of national schools.

L. Sarbash

Reception of “belonging to a different nation” in the work of M.I. Nevzorov: the Muslim world in “The Journey to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800”

The article analyzes the reception of other nationalities in the Russian reality of the phenomena of M. Nevzorov “The Journey to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800”. The Muslim world is represented in a variety of ethnic characterization: the lifestyle, the Tartar worship, the Muslim prayers and religious epigraphy.

Key words: reception, “belonging to a different nation”, M. Nevzorov, the Muslim worship, religious epigraphy.

Yu. Shemchuk

Linguotolerance in the Era of Globalization

In the age of speed and rapidly developing innovative processes the term “linguotolerance” must be put into general use in accordance with the known

law of linguistic economy. The description of today tolerance situation prevailing in the language should be based on this term in the era of globalization. Linguotolerance and purism form an original linguistic antinomy or dichotomy complementing and excluding each other simultaneously.

Key words: tolerance, linguotolerance, globalization, lexis, borrowing, purism, contact linguistics, ecolinguistics.

G. Sorokina

Emigrant poet A. Ginger –
“the parishioner of the Buddhist temple”

The article investigates Buddhist aspects in the poems by A. Ginger, the representative of the young generation of the Russian emigration.

Key words: Russian-language literature abroad, emigration, Buddhism, works by A. Ginger.

Zh. Svintsova, M. Subbotina

Structure of an Inaugural address of a head of a region
(on the example of the speeches by the President
of the Chuvash Republic)

The article deals with the main components of semantic structure of the inaugural addresses of the heads of regions and underlines specific peculiarities in the structure of certain speeches.

Key words: semantic and structure components, epideictic speech, inaugural address, a head of a region, structural peculiarities of inaugural speeches.

K. Veremyeva

The concept of linguistic space

This article deals with various forms of human orientation in space and the meaning of the phrase “linguistic space” is determined, it is also showed that space and time are the main human-beings’ landmarks in the world, which are fundamental concepts of being and knowledge that reflect the most significant phenomena of communication. The article also refers three main time zones in which the reflection of objective time and space of the language can be found (time zone, antitime zone and pseudotime zone).

Key words: linguistic space, toponymy, onomastics, onomastic space, time zone, antitime zone, pseudotime zone, spatial meaning.

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Материалы направлять по адресу:
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 225.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 1-1102 – Журавлева Татьяна Юрьевна,
заместитель главного редактора журнала.

E-mail: arhat_5@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет
М. В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
М. А. Трушкина

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2013.1

Электронная версия журнала: www.mgou.ru

Сдано в набор 15.03.2013 г.
Подписано в печать 20.03.2013 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.